

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2019 — 3

Биография по документам: Что можно узнать о жизни Достоевских в Даровом из церковных книг? **Исторический детектив:** По каким адресам ходили «заговорщики без конспирации»? **Работа над ошибками:** Что еще следует исправить в публикациях записных книжек Достоевского 1860-х годов? **Аплодисменты без оваций:** Чем театральная сцена 1880–1890-х гг. была опасна для романов Достоевского? **Успехи в коммерции:** Почему Достоевский детям? **Дешифровка стенограмм:** Что еще таится в стенографическом дневнике А. Г. Достоевской?

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2019 — 3

Biography by documents: What can we learn about life of the Dostoevsky in Darovoe based on the church books? **Historic detective:** What addresses did the "conspirators without conspiracy" visit? **Correction work:** What else should we amend in the publications of Dostoevsky's notebooks of the 1860s? **Applauses without wild cheers:** What made the theatre scene of the 1880s–1890s dangerous for Dostoevsky's novels? **Achievements in commerce:** Where is the goof of Dostoevsky for children? **Decipherment of the short hand notes:** What else is hidden in the stenographic diary of Anna Dostoevskaya?

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
2019 № 3

Журнал имеет целью открытие новых перспектив в изучении биографии и творчества Ф. М. Достоевского, публикует оригинальные биографические и текстологические исследования, неизвестные архивные материалы, посвященные гениальному русскому писателю и его окружению

Основан в июле 2013 г.

Выходит ежеквартально

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК РФ

Индексируется в Erih Plus, EBSCOhost, Index Copernicus и др.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров —

доктор филологических наук, профессор

Петрозаводского государственного университета;

президент Международного общества Достоевского.

E-mail: vnz01@yandex.ru

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

2019

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2019 № 3

The journal aims at opening new perspectives in the study of the biography and work of F. M. Dostoevsky, publishes original biographical and textual researches and the unknown archival materials dedicated to the brilliant Russian writer and his entourage.

Established in May 2013

The journal is published quarterly

Indexed in Erih Plus, EBSCOhost, Index Copernicus and others

All the submitted articles are reviewed

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov

Doctor of Philology, Professor of Petrozavodsk State University;

President of International Dostoevsky Society (IDS)

E-mail: vnz01@yandex.ru

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2019

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров (Москва, Петрозаводск, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Редакционный совет

Игорь Леонидович Волгин (Москва, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Геригк Хорст-Юрген (Гейдельберг, Германия) — PhD, профессор

Ирэн Зохраб (Веллингтон, Новая Зеландия) — PhD, профессор

Вильям Милс Тодд III (Кембридж, США) — PhD, профессор

Дебора Мартинсен (Нью-Йорк, США) — PhD, профессор

Борис Николаевич Тихомиров (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доктор филологических наук

Виктор Федорович Молчанов (Москва, Россия) — доктор исторических наук

Редакционная коллегия

Стефано Алоэ (Верона, Италия) — PhD, доцент

Кэрол Аполлоньо (Дарем, США) — PhD, профессор

Владимир Александрович Викторovich (Коломна, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Каталин Кроо (Будапешт, Венгрия) — PhD, профессор

Павел Евгеньевич Фокин (Москва, Российская Федерация) — кандидат филологических наук

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov (Petrozavodsk, Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Editorial staff

Igor L. Volgin (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Horst-Jürgen Gerigk (Heidelberg, Germany) — PhD, Professor

Irene Zohrab (Wellington, New Zealand) — PhD, Professor

William Mills Todd III (Cambridge, USA) — PhD, Professor

Deborah Martinsen (New York, USA) — PhD

Boris N. Tikhomirov (St. Petersburg, Russian Federation) — Doctor of Philology,

Victor F. Molchanov (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences

Editorial board

Stefano Aloe (Verona, Italy) — PhD, Associate Professor

Carol Apollonio (Durham, USA) — PhD, Professor

Vladimir A. Viktorovich (Kolomna, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Katalin Kroó (Budapest, Hungary) — PhD, Professor

Pavel E. Fokin (Moscow, Russian Federation) — PhD

СОДЕРЖАНИЕ

Е. М. Варенцова

Достоевские в Даровом (по материалам рукописного отдела
Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля)..... 5

Б. Н. Тихомиров

Петербург Достоевского-петрашевца
(опыт построения справочника-путеводителя) 18

М. В. Заваркина

Редакционные записи в составе записных книжек
Ф. М. Достоевского 1860–1865 гг. 67

А. В. Бурмистрова

Инсценировки романов Достоевского (первые опыты)..... 96

Р. Вассена

Достоевский для детей: провал или успех первого детского издания,
составленного А. Г. Достоевской (1883)..... 116

О. А. Сосновская, И. С. Андрианова

Неизвестные стенографические записи в дневнике А. Г. Достоевской,
или Что не расшифровала Ц. М. Пошеманская 140

CONTENTS

E. M. Varentsova

Dostoevsky in Darovoe (Based on the Materials of the Manuscript Department of the Russian Literary History State Museum Named After V. I. Dahl) 5

B. N. Tikhomirov

Saint Petersburg of Dostoevsky as a Petrashevsky's Circle Member (an Experience of Composing a Guide-book) 18

M. V. Zavarkina

Editorial Notes in the Notebooks of F. M. Dostoevsky in 1860–1865 67

A. V. Burmistrova

Dostoevsky's Novels on the Stage (Experience of the 1st Presentations) 96

R. Vassena

Dostoevsky for Children: the Failure or Success of the First Children's Book, Compiled by Anna Dostoevskaya (1883) 116

O. A. Sosnovskaya, I. S. Andrianova

The Unknown Shorthand Notes in the Diary of Anna Dostoevskaya, or What Didn't Ceciliya Poshemanskaya Manage to Decipher 140

DOI: 10.15393/j10.art.2019.4121

УДК 821.161.1+930.253

Е. М. Варенцова

Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля
(Москва, Российская Федерация)

orfglm@gmail.com

Достоевские в Даровом (по материалам рукописного отдела Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля)*

Аннотация. Документальных свидетельств о детстве и отрочестве Федора Михайловича Достоевского крайне мало. Но, кроме «прямых» свидетельств, существуют и так называемые «косвенные», в которых страницы биографии Достоевского или события, связанные с жизнью семьи писателя, зафиксированы опосредованно. Таковыми источниками в первую очередь являются разного рода официальные бумаги, относящиеся к имущественно-хозяйственной сфере. В составе рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля хранятся обыскные книги церкви Сошествия Святого Духа на апостолов в селе Моногарове, анализ которых в данной статье позволил внести новые детали к биографии семьи Достоевских, дополнить несколькими неизвестными датами «Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского». В статье дается археографическое описание этих документов. Особое внимание уделено автографам Марии Федоровны, Михаила Андреевича и Михаила Михайловича Достоевских 1830-х — 1850-х гг.

Ключевые слова: детство Достоевского, М. Ф. Достоевская, М. А. Достоевский, М. М. Достоевский, В. М. Иванова, обыскные книги, Даровое, Моногарово

Об авторе: Варенцова Евгения Михайловна — заведующая отделом рукописных фондов, Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственный литературный музей) (ул. Достоевского, 2, г. Москва, Российская Федерация, 103030)

Дата поступления: 25.07.2019

Дата публикации: 14.09.2019

Для цитирования: Варенцова Е. М. Достоевские в Даровом (по материалам рукописного отдела Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // Неизвестный Достоевский. — 2019. — № 3. — С. 5–17. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4121

Документальных свидетельств о детстве и отрочестве Федора Михайловича Достоевского известно немного: это книга записей о крещении и отпевании в храме святых апостолов Петра и Павла при Мариинской больнице

для бедных, переписка Михаила Андреевича и Марии Федоровны Достоевских, несколько писем Ф. М. Достоевского к родителям. Основным источником наших знаний о детстве писателя являются воспоминания его младшего брата Андрея, а также рассыпанные по страницам художественных произведений и эпистолярия Достоевского фрагменты воспоминаний. Однако, кроме «прямых» свидетельств, существуют и так называемые «косвенные», в которых страницы биографии Достоевского или события, связанные с жизнью семьи писателя, зафиксированы опосредованно. Таковыми источниками в первую очередь являются разного рода официальные бумаги, относящиеся к имущественно-хозяйственной сфере.

В составе рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля (второе название Государственного литературного музея — ГЛИМ) хранятся обыскные книги церкви Сошествия Святого Духа на апостолов села Моногарова. Их анализ позволит дополнить биографию семьи Достоевских новыми событиями и датами.

Перед тем как перейти к обзору обыскных книг, приведем отрывок из воспоминаний В. С. Нечаевой об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского: «...я предполагала использовать время для лучшего знакомства с Даровым, Черемошной и окружающей местностью. Прежде всего я направилась в соседнее Моногарово, бывшее имение Хотяинцевых, в котором хорошо сохранилась церковь конца XVIII в. Ее посещали Достоевские и их крестьяне, около нее был похоронен М. А. Достоевский. Церковь стояла открытая, пустая и явно никем не охранялась. Я обратила внимание на старинные бумаги, разбросанные при входе, пошла по их следам и увидела в полутемной сырой комнате церковный архив, из которого без разбора вырывали бумагу. Как архивист, я “прилипла” к этим полкам и здесь провела весь день, забыв обо всем остальном. Я очень скоро поняла огромное значение, которое могут иметь хранившиеся здесь “клировые ведомости”, книги “брачных обысков” и другие документы» [Нечаева, 1985: 293]. Ради спасения церковных документов В. С. Нечаева отправилась в сельсовет, где получила разрешение на вывоз материалов в фонд Музея Ф. М. Достоевского в Москве, и ее даже «снабдили хорошим мешком, в который можно было уложить десяток толстых томов церковных ведомостей за интересовавшие» ее годы пребывания Достоевских в Даровом.

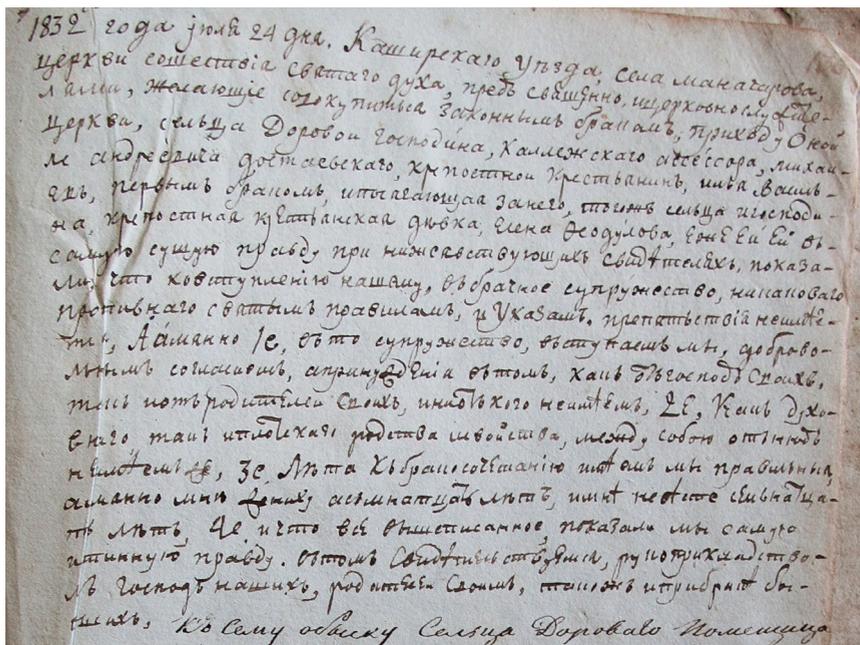
К сожалению, из этого «хорошего мешка» в рукописный отдел ГЛИМ попали лишь три обыскные книги и одна ведомость за 1835 г. с записями о людях, прошедших исповедь и причастие. Данные о дворовых и крестьянах, принадлежавших Достоевским, из этой книги-ведомости В. С. Нечаева опубликовала в книге «В семье и усадьбе Достоевских» в 1939 г. [Нечаева, 1939: 128–131]. Вернувшись из командировки, Вера Степановна сразу же поместила обыскные книги и ведомость в экспозицию недавно созданного ею (в 1928 г.) Музея Ф. М. Достоевского, тогда самостоятельного учреждения. Документы

получили инвентарные номера музея (№№ 44, 57–59), и это спасло их от перемещения в другие архивохранилища.

Первая по времени обыскная книга относится к 1807–1832 гг.¹ Она в темном мягком переплете с холщовым корешком, прошнурована и имеет большую сургучную печать, заверяющую запись о том, что всего «в сей книге номерованных сто тридцать шесть листов». Это листы голубой бумаги русского производства 1805 г. с филигранью “Pro Patria” со львом.

На первой странице книги имеется длинное заглавие: «Книга, данная изъ Тульской Духовной Консисторіи, Каширской округи села Моногарова церкви Сошества Святаго Духа священно и церковнослужителямъ, для вписыванія имъющимъ вступитъ въ браци приходскихъ людей обысковъ по данной формѣ».

Обыск брачный — это «свидетельство о неродстве, и записка об этом в церковной книге»². Согласно статье в словаре Брокгауза и Ефрона, «обыск церковный — письменный акт, составляемый причтом церкви пред венчанием каждого брака и удостоверяющий наличность условий, требуемых законом для совершения брака. <...> Этот акт, установленный в 1765 году (нынешняя его форма составлена в 1837) подписывается женихом и невестою, двумя или тремя поручителями (и причтом церкви с 1837)»³.

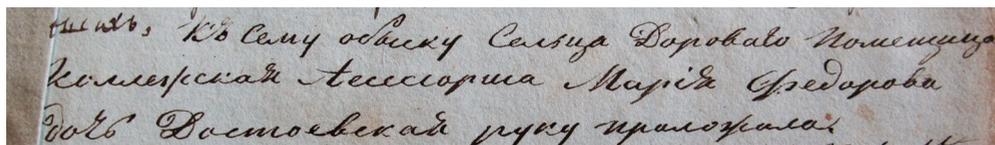
Илл. 1. Фрагмент рукописи. Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 130.

В этой первой по времени обыскной книге нам интересна всего одна запись. Она находится на последнем, 136 листе, под № 5 за 1832 г. Это первое упоминание членов семьи Достоевских в качестве владельцев сельца Даровое.

В предыдущей записи, сделанной почти годом ранее, 17 мая 1831 г. (л. 130 об.), деревня Даровая принадлежала господину Павлу Петровичу Хотяинцеву. 24 июля 1832 г. деревня Даровая обозначена как сельцо, уже с другим хозяином. Для того чтобы иметь представление о записях в «Обыскных книгах», приведем первую запись полностью (см. илл. 1):

«1832го года іюля 24 дня. Каширскаго уѣзда, села Манагарова, церкви Сошествіа Святаго духа, предѣ священно и церковнослужителями, желающіе совокупитъся законнымъ бракомъ, приходу Оной церкви, сельца Доровои Господина, Каллежскаго ассессора, Михаила Андреевича Достоевскаго, крепостноу крестьянинъ, Илья Васильевъ, первымъ бракомъ, и посягающая за него, тогожъ сельца и господина, крепостная крестьянская дѣвка, Елена Ѳеодулова. Еже ей въ самую суцую правду при ниже явствующихъ свидѣтеляхъ, показали, что ко вступленію нашему, въ брачное супружество, никакогого противнаго святымъ правиламъ, и Указамъ препятыствія не имѣется. А имянно 1е, въ то супружество, въступаемъ мы, добровольнымъ согласиемъ, а принужденія въ томъ, какъ отъ господъ своихъ, такъ и отъ родителей своихъ, и ни отъ кого не имѣемъ, 2е, Какъ духовнаго, такъ и плотскаго родства и свойства, между собою отънюдь не имѣемъ же, 3е, Лѣта къ бракосочетанію имѣемъ мы правильныя, а <и>мянно мнѣ жениху асьмнатцать лѣтъ, и мнѣ невьсте семьнатцать лѣтъ, 4е, и что все вышеписанное, показали мы самую истинную правду. Въ томъ свидѣтельствуемъ, рукоприкладствомъ Господъ нашихъ, родителей своимъ, такожъ и при бракъ бывшихъ».

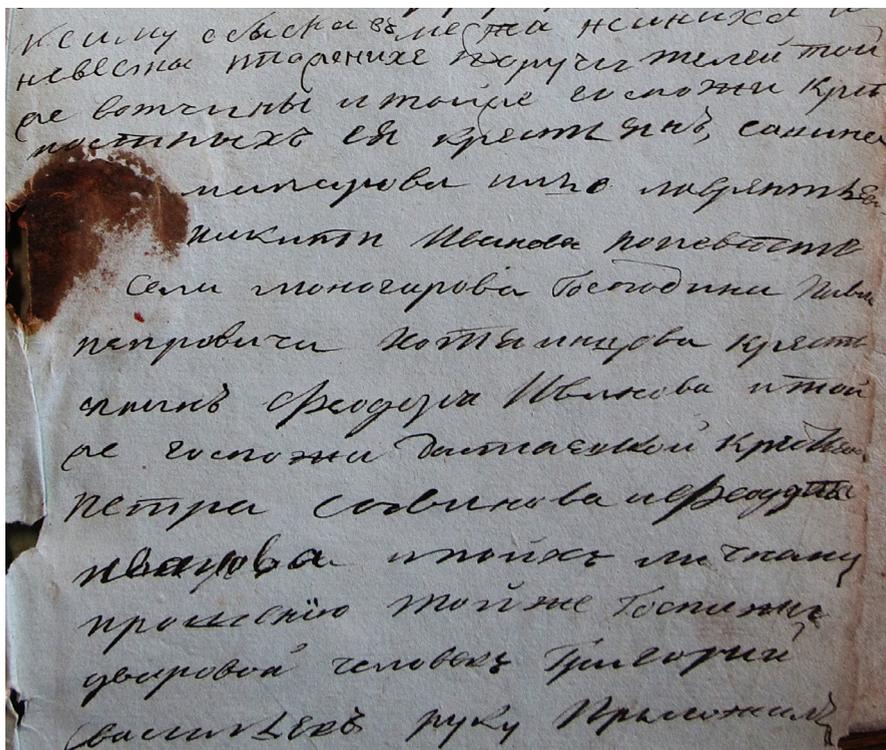
Ниже следуют записи поручителей. Первая написана четким красивым почерком и занимает всего три строки: «Къ Сему обыску Сельца Доровоаго Помещица Коллежская Ассессорша Марія Федорова дочь Достоевская руку приложила»⁴. Это первый из двух имеющихся в обыскных книгах автограф Марии Федоровны.

Илл. 2. Автограф М. Ф. Достоевской. Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 130.

Запись второго поручителя расположена ниже и занимает 16 строк, сделана с многочисленными ошибками, слева от нее — чернильное пятно от печати на обороте листа: «Ксиму обыска въ места жиниха и невесты и по женихе поручителей той же вотчины и тойже госпожи крѣпостныхъ ея крестьянъ, Савина Макарова Илие Лаврентьева Никиты Иванова по невьсте села Моногарова Господина Павла Петровича Хотяинцова крестьянинъ Феодора Иванова и той же госпожи Дастаевской крестьянъ Петра Савинова и Феодота Иванова и по ихъ личному прошенію той же Госпожи дворовой

человекъ Григорий Васильевъ руку приложилъ»⁵ (эта запись воспроизведена в книге В. С. Нечаевой «В семье и усадьбе Достоевских» в виде иллюстрации на вклейке после 112 страницы. — См. илл. 3).

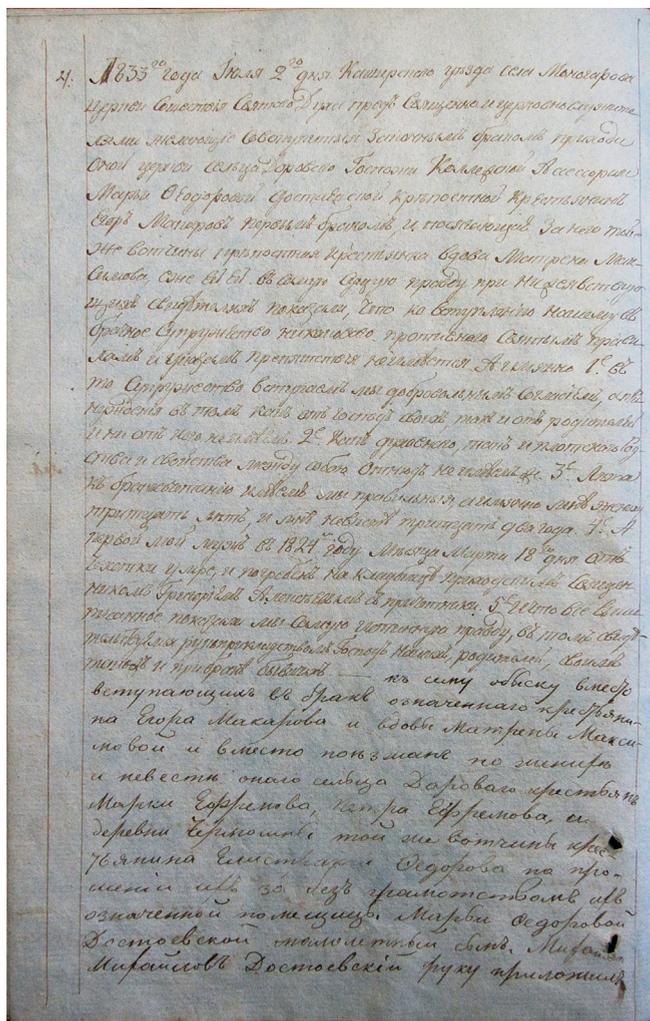

Илл. 3. Автограф Григория Васильева. Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 130.

Григорий Васильев подписывается как дворовый человек Марии Федоровны Достоевской, таковым же он числится и по церковной ведомости 1835 г. Он не принадлежал к коренным жителям Дарового и был привезен из Москвы. В обиходе же он исполнял должность приказчика семьи Достоевских [Нечаева, 1939: 155] и имел полное доверие от своих хозяев. Он представлен на страницах романа «Братья Карамазовы» в образе слуги Федора Павловича Карамазова, которому автор дал то же имя — Григорий Васильев. Упоминается он как персонаж и в «Дневнике писателя» за 1876 г. в рассказе о пожаре деревни:

«Вдруг отворилась дверь, и на пороге показался наш дворовый человек, Григорий Васильев, сейчас только из деревни прибывший. В отсутствие господ ему даже поручалось управление деревней, и вот вдруг вместо “управляющего”, всегда одетого в немецкий сюртук и имевшего солидный вид, явился человек в старом зипунишке и в лаптях. Из деревни пришел пешком, а войдя, стал в комнате, не говоря ни слова.

— Что это? — крикнул отец в испуге. — Посмотрите, что это?
 — Вотчина сгорела-с! — пробасил Григорий Васильев» [Достоевский: 112]⁶.

Илл. 4. Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 4 об.

Вторая обыскная книга в собрании ГЛМ датируется с 26 сентября 1832 г. (продолжение предыдущей) по 11 ноября 1838 г. включительно⁷. Она утратила переплет и шнуровку. Заверительная запись о количестве листов отсутствует. Всего в книге 34 листа голубого цвета бумаги Московской округи Копинской фабрики Елизаветы Баташевой.

На обороте листа 4 в книге имеется запись под № 4 от 2 июля 1833 г.: «... желающие совокупиться законнымъ бракомъ прихода оной церкви сельца

Дороваго Госпожи Коллежской Ассессорши Марьи Феодоровой Достаевской крепостной крестьянинъ Егоръ Макаровъ первымъ бракомъ, и посягающая за него тойже вотчины крепостная крестьянка вдова Матрена Максимова...». Далее следует типовой текст о добровольном вступлении в брак, об отсутствии родства между молодоженами, об их возрасте и об истинности их показаний.

Затем идет запись поручителя: *«Къ сему обыску вместо вступающихъ въ бракъ означеннаго крестьянина Егора Макарова и вдовы Матрены Максимовой и вместо пощжанъ по женихъ и невестъ онаго сельца Дороваго крестьянъ Марка Ефремова, Петра Ефремова, и деревни Чермошны той же вотчины крестьянина Елистрата Феодорова по прошеніи ихъ за безъ грамотствомъ ихъ означенной помещицы Марьи Феодоровой Достоевской малолетний сынъ Михаилъ Михайловъ Достоевскій руку приложилъ»* (выделено мной. — Е. В.)⁸. Это первый автограф почти 13-летнего Михаила Михайловича на страницах обыскных книг и первое упоминание деревни Чермошни (см. илл. 4).

«Малолетний сын» М. М. Достоевский засвидетельствовал, но уже вместе с матерью обыскную запись от «1834 года мая 21 дня» за № 2: *«сельца Чермошной Господина Надворнаго Советника и Кавалера Михаила Андрѣевича, сына Достоевскаго»* крепостного крестьянина Федора Федорова с девицей Анисьей Автамоновой *«изъ села Касяева Госпожи дѣвицы Екатерины Ларионовой, дочери Философова»* в старой орфографии. Сначала стоит подпись *«Надворная Советница Марія Федорова дочь Достоевская»*. Это второй и, к сожалению, последний автограф матери Ф. М. Достоевского. Далее с новой строки расположился автограф ее сына: *«Къ сему обыску вмѣсто поручителей по женихъ сельца Черемошны оной же вотчины крестьянъ Алексѣя Феодорова, Михаила Леонтіева, сельца Дороваго крестьянина Семена Иванова, по невьстѣ сельца Черемошны⁹ крестьянъ Митрофана Григорьева, Егора Сергѣева, деревни Любиловки Господина Груздева крестьянина Ивана Петрова по незнанію грамоты Господина Надворнаго Советника Михаила Андрѣевича Достоевскаго малолѣтний сынъ Михаилъ Михайловъ Достоевской подписался»*¹⁰. В отличие от первой приведенной записи «малолетний сын» теперь представляется как сын отца — Михаила Андреевича, а не матери, как в прошлом году (2 июля 1833 г.). Вместо традиционного «руку приложил» впервые стоит светское «подписался».

Следует обратить особое внимание на эти автографы Марии Федоровны и ее малолетнего сына Михаила Михайловича. Зная сложившиеся в семье отношения и принимая в расчет обычаи жизни барской усадьбы, можно с полной уверенностью утверждать, что свидетелем этих свадебных церемоний был и малолетний Федор Михайлович Достоевский. В это время ему 11–13 лет. Это возраст активного восприятия мира, знакомства с правилами и обычаями социальной жизни. Среди летних впечатлений мальчика Достоевского не только игры с братьями и крестьянскими детьми в «дикарей», не только чтение исторических романов Вальтера Скотта, наблюдения за трудовой

жизнью сельских жителей, регулярные походы с матушкой в церковь, но и, как видим из записей в обыскных книгах, свадебные торжества и обряды — волнующая тайна взросления и освоения новых социальных ролей.

Даты 24 июля 1832 г., 2 июля 1833 г. и 21 мая 1834 г., не включенные в «Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского», должны быть учтены в дальнейших исследованиях биографии писателя и его родственников.

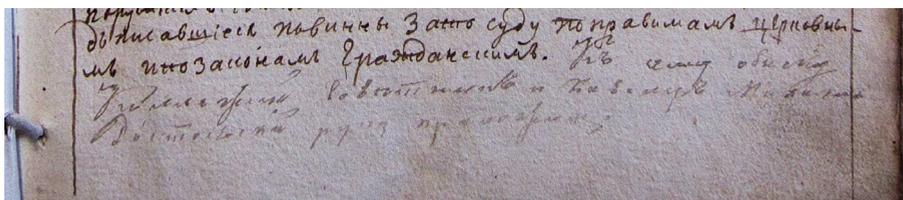
Во второй обыскной книге есть записи о крестьянах, принадлежавших семье Достоевских, но уже без личных подписей господ: одна 1833 г. — от 29 октября (л. 9); пять от 1836 г. — от 19 (две) и 23 января (л. 18 об. — 19 об.), от 2 октября (л. 22) и 8 ноября (л. 23); три записи 1838 г. — от 4 февраля (л. 24 об.), 23 мая (л. 26) и 6 ноября (л. 32).

Из них наиболее интересными представляются записи от 19 января 1836 г. Вступающие в брак крестьяне (и жених, и невеста) из селца Чермошны и селца Дарового принадлежат, согласно тексту, *«господину надворному советнику и кавалеру Михаилу Андреевичу сыну Достоевскому»*. Поручителями за них были *«по жениху того же селца Доровой и господина Достоевского крепостные крестьяне Илья Лаврентьев и селца Чермошной крестьяне Егорь Сергеев и Василей Никитин; по невесте, селца же Доровой господина майора Павла Петровича Хотяинцова крестьяне Петр Васильев и Денис Макаров»* (л. 18 об.). Указаны два владельца. Согласно соседней записи (л. 19) от того же числа, «молодые» из Дарового и Чермошны принадлежат тому же Михаилу Андреевичу Достоевскому. Однако заверительная запись свидетельствует: *«...селца Доровой Господина надворного советника Михаила Андреевича Достоевского крестьяне Симеон Иванов и Никита Иванов. По невесте, селца Чермошны того же господина Достоевского крестьянин Ефим Максимов, и селца Доровой Господина Хотяинцова крестьянин Никифор Васильев»*. В этой записи снова указаны два владельца крестьян, проживающих в Даровом: прежний (П. П. Хотяинцев) и нынешний (М. А. Достоевский). Следовательно, по каким-то причинам часть своих крепостных П. П. Хотяинцев не продал, а оставил за собой. Дворы этих крестьян находились на территории имени Достоевских. Эта чересполосица была очень неудобна, и Достоевские подали иск в Каширский суд о выселении дворов Хотяинцева с их земли. Так началась долгая тяжба между соседями. Однако это не мешало им оказывать взаимные дружеские услуги. Например, двое грамотных дворовых людей из села Дарового и села Моногарова, принадлежавших Хотяинцеву, — Никифор Васильев и Алексей Сергеев, наряду с вышеупомянутым дворовым Достоевских Григорием Васильевым, подписывали («за неумением грамоты» у крестьян) обыскные записи в отсутствие членов семьи Достоевских.

Третья обыскная книга церкви Сошествия Св. Духа села Моногарова, хранящаяся в ГЛМ, датируется 1838–1855 гг.¹¹ Она в твердом картонном переплете, оклеенном коричневой «мраморной» бумагой. Корешок утрачен. На верхней крышке переплета бумажная красная наклейка с узором по краям, на которой написано: «Книга обыскная с 1838 года». В связи с реформами

императора Николая I, вводится обыскная книга нового образца¹². Появляется в начале книги печатная статья «Форма обыска брачного», где вместо имевшихся прежде четырех пунктов теперь требуется заполнять десять, да еще и с подпунктами. Отпечатаны и «Примечания», где указываются необходимые документы (в том числе аттестат о службе жениха, официальное извещение «о летах» и другие). Ранее этого не требовалось. Язык документа утратил церковно-славянскую традицию, стал современным. Изменилась и форма записей на казенно-бюрократическую.

Эта перемена стиля документов чувствуется в первой же записи на л. 1 третьей обыскной книги: «1839го года Апрелья 2 Дня по указу Его императорскаго величества, Каширскаго уьзда села Манагарова Святодуховской церкви священно-церковно служители производили обыскъ о желающихъ въступить въ бракъ, и оказалось слѣдующее. 1) женихъ сельца Дороваго (с ударением на а. — Е. В.) Господина Коллежскаго совѣтника Михаила Андрѣевича Достаевскаго крѣпостной крестьянской сынъ Петръ Сидоровъ, чухнинъ, православнаго вѣроисповѣданія, жительствуетъ означеннаго сельца Доровой въ приходъ сей церкви. 2) невѣста сельца Чермошной, тогожъ господина Достаевскаго крѣпостная крестьянская дочь Марина Ефимова, православнаго вѣроисповѣданія...». И так далее. Появились и новые требования, в том числе обязательным стало письменное разрешение владельца крепостных на их брак. Заканчивается запись, ставшая вдвое длиннее, предостережением подписавшимся поручителям об ответственности за ложные показания перед судом церковным и гражданским. После этого следует подпись владельца будущих молодоженов. В данном случае очень лаконичная, но для нас очень важная: «Къ сему обыску Коллежской Совѣтникъ и Кавалеръ Михаилъ Достоевскій руку приложилъ».

Илл. 5. Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 1.

Вероятно, Михаил Андреевич в это время (2 апреля 1839 г.) жил в Даровом или специально приехал в связи с грозными новыми правилами о необходимости письменного разрешения на брак принадлежавших ему крестьян, но это единственный его автограф в обыскных книгах¹³. Далее в брачной записи поименованы крестьяне-свидетели, за которых «руку приложил» уже известный нам «Г-на Маіора Павла Петровича Хотяинцова служитель Алѣксей Сергѣевъ». В самом конце стоят подписи священника, дьякона, дьячка и пономаря (что требовалось по новым правилам).

Следующая обыскная запись о крепостных Михаила Андреевича Достоевского появилась 6 ноября 1839 г.¹⁴, т. е. после его смерти. Засвидетельствовал ее «покойнаго господина Достоевскаго чилавекъ Григорій Васильевъ».

Согласно брачным записям от 13 апреля, 1 и 8 октября 1841 г. крепостные крестьяне сельца Чермошны и сельца Дарового принадлежат все тому же покойному господину коллежскому советнику и кавалеру Михаилу Андреевичу Достоевскому¹⁵.

Изменения появляются 2 ноября 1841 г.¹⁶ Впервые упоминается как владелец уже взрослый Михаил Михайлович. «Женихъ сельца Чермошной Господина подпорудчика Михаила Михайлова Достоевскаго крепосной крестьянинъ Ларіонъ Васильевъ <...>, невьста сельца Дорового господина Достоевскаго крепосная крестьянская дочь Лизовета Савинова...». Поручителем от лица новобрачных и поезжан выступает все тот же дворовый человек сельца Дарового Григорий Васильев.

Тот же владелец значится и в записи от 26 апреля следующего 1842 г.: «... женихъ сельца Чермошны Господина Подпоручика Михаила Михайловича Достоевскаго крѣпостной крестьянской сынъ Василій Михайловъ <...> невьста съ тогожъ уѣзда сельца Дорового означеннаго Господина Достоевскаго крѣпостная крестьянская дочь Наталья Стѣмонова...». Вначале свидетельствует уже знакомый слуга господина Павла Петровича Хотяинцева Алексей Сергеев из села Моногарова. Далее следует по-своему интересная запись малоразборчивым почерком: «Къ сему обыску вмѣсто воченнаго Старосты сельца Дорового Г<оспод> Достоевскихъ крисянина <так!> Савина Макарова, имѣющаго доверіе отъ Господѣ своихъ о позволѣніи въ ступитъ въ законный бракъ выше писанаго сельца Чермошны кресьянскаго сына Василья Михайлова...» по просьбе венчающихся и поезжан «изключеный ученикъ села Моногарова дячка Степана Васильева сынъ Петръ Покровский руку приложилъ»¹⁷. В данной записи интересно и упоминание старосты села Дарового Савина Макарова, которое более в наших обыскных книгах не встречается.

Запись следующего брачного обыска, состоявшегося пять месяцев спустя, — 2 октября 1842 г. (за № 16)¹⁸, — в отличие от апрельской, возвращает нас к прежней формулировке «покойного господина коллежского советника (без кавалера. — Е. В.) Михаила Андреева Достоевского»: «... женихъ сельца Доровой покойнаго Господина Коллежскаго совѣтника Михаила Андрѣева Достоевскаго крепостной крестьянской сынъ Иванъ Сидоровъ <...>. Невьста тогожъ господина сельца Чермошной...». Подписывается от лица свидетелей по личному прошению их снова Петр Покровский: «...села Моногарова вмѣстнаго дячка Стефана Васильева сынъ Венѣвскаго уезнаго училища исключенной ученикъ».

Далее указания на владельца крестьян Дарового и Чермошны сводятся к формулировке: «покойный господин Михаил Андреевич Достоевский» — уже без указания званий, вплоть до 2 мая 1847 г. (л. 50 об.), когда формулировка

сокращается: «Господина Достоевского». В записи от 3 ноября 1846 г. (л. 52) появляется множественное число: «Г<оспод> Достоевских». В последующих записях указания на владельцев беспорядочно чередуются: множественное число «Господ Достоевских» — 29 октября (л. 62 об.) и 14 ноября 1848 г. (л. 63), безликое «Господина Достоевского» — 10 апреля 1849 г. (л. 64), «покойного Господина Достоевского» — 12 мая (л. 55 об.) и 20 июля 1847 г. (л. 58), а также 17 октября 1848 г. (л. 61 об.); «покойного Надворного советника» — далее, видимо, было оставлено место, куда позднее попытались вписать имя: «Михаила Андревича Досто» (фамилия полностью не поместилась и отчество написано с ошибкой) — запись от 22 января 1850 г. (л. 76).

Интересная запись появляется 3 июля 1850 г. за № 11 (л. 84 об. — 85). Она посвящена свадьбе жениха «*деревни Черемошны Г-на Достаевского*» крепостного и невесты «*сельца Даровой тогожъ Г-на Достаевского*». Далее размещена запись поручителя: «*Къ сему обыску вмѣсто жениха и невесты и вмѣсто поручителей по женихъ: деревни Черемошны крестьянъ: Алексѣя Михайлова и Василя Максимова; по невесте сельца Дароваго вмѣсто крестьянъ Бориса Иванова и Ивана Сидорова за неумѣнїемъ ихъ грамматы Подпоручикъ Достоевскій руку приложилъ*». Это последний автограф члена семьи Достоевских¹⁹.

Еще трижды в обыскных записях сельцо Даровое и деревня Черемошная упоминаются как владения господина или господ Достоевских: 11 сентября 1850 г., 4 ноября 1851 и 13 августа 1852 гг.

- 11 сентября 1850 г. (л. 85): «*женихъ деревни Черемошны Г-на Достаевского*», «*невеста тогожъ сельца Господина*». Поручительство Александра Степанова.
- 4 ноября 1851 г. (л. 92): «*женихъ Сельца Даровой Г. Достаевскихъ <...> невеста тогожъ сельца и Господъ*». Поручитель — священник Григорий Михеев.
- 13 августа 1852 г. (л. 96 об.): «*женихъ сельца Черемошны Г-на Достаевского крепостный крестьянскій сынъ Иванъ Алексѣевъ <...> невеста сельца Даровой тогожъ Господина крепостная крестьянская дочь Лукерья Феодорова*». Это последняя запись, в которой упоминается фамилия Достоевских.

С 18 января 1853 г. фамилия семьи писателя исчезла из обыскных книг. С этого времени сельцо Даровое (л. 99 об.) и сельцо Черемошная (л. 100) стали принадлежать госпоже Вере Михайловне Ивановой, замужней младшей сестре Ф. М. Достоевского. Сначала она просто именуется как «госпожа Иванова». С 24 июня 1855 г. она значится уже как «*госпожа Коллежская Совѣтница Вѣра Михайлова Иванова*»²⁰.

Записи от 24 июля 1855 г. — последние в книге о владельцах Дарового и Черемошны за 1838–1855 гг. Следует добавить, что Вера Михайловна

Иванова (урожденная Достоевская, 1829–1896) жила в Даровом до самой своей смерти [Нечаева, 1939: 61].

Установленные нами факты из жизни семьи Достоевских в Даровом открывают новые перспективы в дальнейших исследованиях биографии писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-012-90018 («Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля»).
- 1 Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. 128.
 - 2 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: Издание М. О. Вольфа, 1881. Т. 2: И–О. С. 659.
 - 3 Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Том XXIIa. СПб., 1897. С. 643.
 - 4 Лист с этой записью воспроизведен на с. 113 и дана запись до этого места на с. 155 в вышеуказанной книге публикации В. С. Нечаевой [Нечаева, 1939].
 - 5 Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. Л. 136.
 - 6 Подробнее об этом пожаре и Г. Васильеве вспоминал А. М. Достоевский [Достоевский А. М.: 61–62].
 - 7 Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. 130.
 - 8 Подпись второго поручителя отсутствует.
 - 9 Чермошня именуется то как сельцо, то как деревня. Само написание варьируется.
 - 10 Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 10.
 - 11 Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. 131.
 - 12 Видимо, малое число листов (всего 34) в предыдущей обыскной книге 1832–1838 гг. связано с реформами.
 - 13 Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 1.
 - 14 Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 6 об.–7.
 - 15 Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 14 об., 17 об., 18 об.
 - 16 Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 19 об.
 - 17 Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 21.
 - 18 Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 28 об.
 - 19 Далее расположены подписи священника, дьякона, дьячка и пономаря церкви села Моногарова.
 - 20 Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. 131. Две записи от 24 июня 1855 г. Л. 114 об., 115.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский А. М. Воспоминания. — М.: Аграф, 1999. — 432 с.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1981. — Т. 22. — 407 с.
3. Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских: письма М. А и М. Ф. Достоевских. — М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. — 158 с.
4. Нечаева В. С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1985. — Т. 6. — С. 274–295.

Evgenya M. Varentsova

*The Russian Literary History State Museum Named After V. I. Dahl
(Moscow, Russian Federation)*

orfglm@gmail.com

Dostoevsky in Darovoe. Based on the Materials of the Manuscript Department of the Russian Literary History State Museum Named After V. I. Dahl

Acknowledgement. The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 18-012-90018 Dostoevsky.

Abstract. There is very little documentary evidence of Fedor Dostoevsky's childhood and adolescence. Besides the "direct" evidence, there are also the so-called "indirect" ones, in which the pages of Dostoevsky's biography or events related to the life of the writer's family are recorded indirectly. Such sources, first of all, are all sorts of official papers related to the property and economic sphere. In the the Manuscript Department of the Russian Literary History State Museum Named After V. I. Dahl there are "search books" of the Church of the Descent of the Holy Spirit on the Apostles in the village of Monogorovo, the analysis of which allowed us to make additional touches to the story of the daily life of Dostoevsky's family, add some new dates into the "Chronicle of life and work of F. M. Dostoevsky". The article gives an archaeographic description of the documents. A special attention is paid to the autographs of Maria Fedorovna, Mikhail Andreevich and Mikhail Mikhailovich Dostoevsky dated back to the 1830s–1850s.

Keywords: Fedor Dostoevsky's childhood, Mariya Fedorovna Dostoevskaya, Mikhail Andreevich Dostoevsky, Mikhail Mikhailovich Dostoevsky, Vera Mikhailovna Ivanova, search books, Darovoe, Monogorovo

About the author: *Varentsova Evgeniya M.* — Head of Department of the manuscript holdings, the Russian Literary History State Museum Named After V. I. Dahl (State Literary Museum) (ul. Dostoevskogo 2, Moscow, 103030, Russian Federation)

Received: July 25, 2019

Date of publication: September 14, 2019

For citation: Varentsova E. M. Dostoevsky in the Darovoe. Based on the Materials of the Manuscript Department of The Russian Literary History State Museum Named After V. I. Dahl. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 3, pp. 5–17. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4121 (In Russ.)

REFERENCES

1. Dostoevskiy A. M. *Vospominaniya [Memories]*. Moscow, Agraf Publ., 1999. 432 p. (In Russ.)
2. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1981, vol. 22. 407 p. (In Russ.)
3. Nechaeva V. S. *V sem'e i usad'be Dostoevskikh: pis'ma M. A. i M. F. Dostoevskikh [In the Dostoevskys Family and Estate: Letters of Mikhail A. and Maria F. Dostoevsky]*. Moscow, Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1939. 158 p. (In Russ.)
4. Nechaeva V. S. From the Memories of the History of the Foundation of the First Museum of F. M. Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1985, vol. 6, pp. 274–295. (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2019.4141

УДК 930.25+17.81.31

М. В. Заваркина

*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

dostoyevsky@mail.ru

Редакционные записи в составе записных книжек Ф. М. Достоевского 1860–1865 гг.*

Аннотация. В статье анализируются фрагменты из записных книжек Ф. М. Достоевского (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.6, 93.1.2.7, 93.1.2.8), которые писатель вел в 1860–1865 гг. параллельно с изданием журналов «Время» и «Эпоха». Некоторые записи до сих пор не расшифрованы или расшифрованы не точно, к другим отсутствуют комментарии. В статье предпринята попытка прочтения отдельных записей с учетом характерных особенностей почерка писателя, а также предложены комментарии, дополняющие комментарии к первой публикации книжек в 83 томе «Литературного наследства» (1971) и позднее в 20 томе Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 30-ти томах (1980). Выявление и изучение данных записей в составе записных книжек и тетрадей Достоевского позволит более подробно осветить напряженную жизнь писателя в период редакторской деятельности в журналах «Время» и «Эпоха», а также понять характер его работы как писателя и журналиста. Тема статьи требует дальнейшей разработки и носит дискуссионный характер.
Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Время», «Эпоха», рукопись, атрибуция, записные книжки и тетради

Об авторе: *Заваркина Марина Владимировна* — кандидат филологических наук, специалист WEB-лаборатории Института филологии, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Республика Карелия, Российская Федерация, 185910)

Дата поступления: 15.07.2019

Дата публикации: 14.09.2019

Для цитирования: Заваркина М. В. Редакционные записи в составе записных книжек Ф. М. Достоевского 1860–1865 гг. // *Неизвестный Достоевский*. — 2019. — № 3. — С. 67–95. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4141

Записные книжки и тетради — важная часть творческого процесса Ф. М. Достоевского. В период с 1860 по 1865 г. писатель ведет параллельно несколько записных книжек и тетрадей, в которые (кроме собственно литературных и публицистических замыслов и набросков) вносит записи, помогающие понять характер его редакторской работы в журналах «Время» и «Эпоха».

В фондах ОР РГБ (ф. 93.1.2.6, 93.1.2.7 и 93.1.2.8) хранятся три записные книжки Достоевского 1860–1865 гг. Возможно, была еще одна книжка или тетрадь, которую Достоевский вел в этот период. Известно, что осенью 1863 г. в Москве писатель потерял сак с вещами и документами¹. Разработок собственно литературных произведений в данных книжках немного², главное место в них занимают публицистические замыслы, наброски полемических статей, разработки «Объявлений» о подписке на журналы «Время» и «Эпоха», финансовые расчеты по редакторской и издательской деятельности.

В основе этих первых книжек, по мнению исследователей, лежит тенденция к синтезу, т. е. «принципиальное нерасчленение черн<овых> записей к произв<едениям>, выписок и записей публици<стического> характера, набросков критич<еских> статей» [Достоевский, Словарь: 379]. Параллельно с книжками, в 1864 г., Достоевский заводит тетради бóльшего формата, в двух из которых, хранящихся в фондах РГАЛИ (ф. 212.1.3 и 212.1.4), продолжается своеобразный «отчет» о ведении дел в редакции «Эпохи». Рядом с черновыми материалами к «Крокодилу» и роману «Преступление и Наказание» даны перечни статей по номерам, листажи статей, гонорарные списки, что позволило исследователям сравнить эти первые тетради с «Приходно-расходными журналами по изданию журналов “Время” и “Эпоха”». Особое значение имеют перечни писем, которые Достоевский планировал написать: они дают «сведения о круге знакомых Достоевского, а порою и позволяют значительно расширить список не дошедших до нас его писем или подсказать источники, к которым следует обратиться в поисках подобных писем» (Д30; 27: 355). Записи показывают, какой напряженной была жизнь писателя в это время, насколько огромным был «масштаб его редакторской работы»: Достоевский «лично и вместе с братом редактировал ежемесячно по 25–30 авт. л.» [Захаров, 2013а: 17].

Некоторые записи из этих книжек и тетрадей до сих пор не расшифрованы или расшифрованы не точно, к некоторым отсутствуют комментарии. «Первая» записная книжка (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.6, далее — ЗК₁), датируемая 1860–1862 гг.³, содержит в основном замыслы будущих критических статей Достоевского, бóльшая половина из которых так и не была воплощена писателем (например, статья о Шекспире, «Ряд статей о судах», «Аномалии Европы и России», «Что значит Рим для Папы», «Гоголь и Островский»⁴ и т. д.). Некоторые замыслы были переработаны в другие, например, в «Ряд статей о русской литературе» (Время. 1861. Январь) или в статью «Г. –бов и вопрос об искусстве» (Время. 1861. Февраль). Задумывал Достоевский и несколько критических «разборов» для специального отдела «Критика» в журнале «Время»⁵ (см. запись на с. 104 ЗК₁):

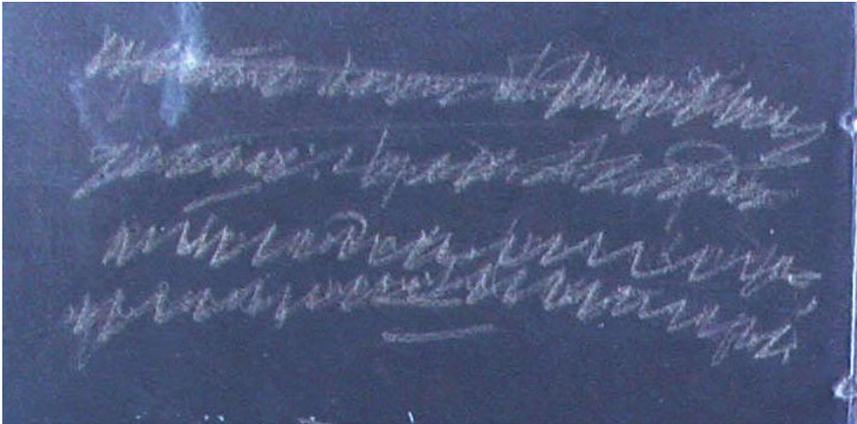
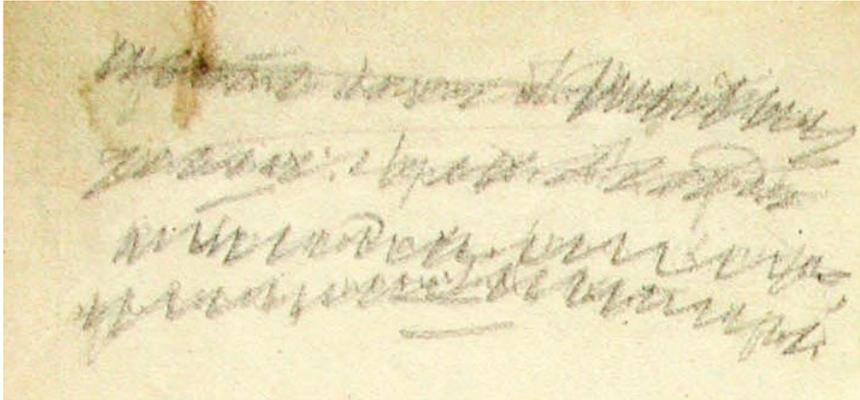
«Непремѣнно разборы.

-
- Читальникъ.
 - По поводу одной рецензiи
 - Авторитеты (и Чернышевск<ий>)
 - Кузьма Прутковъ.
 - Поэтики: Всеволодъ Крестовск<ий>, Д. Минаевъ, Николай Курочкинъ и проч.
-

Кохановская
Гончаровъ».

Как видим, разбор «Читальника» Н. Ф. Щербины находится на первом месте. Имеется в виду статья Щербины «Опыт книги для народа», которая вышла во втором номере журнала «Отечественные Записки» за 1861 г. В журнале «Время» об этом проекте писал П. А. Кусков в заметке «Вместо фельетона» (Время. 1861. Май; без подписи). Имя автора установлено В. А. Тунимановым на основании прямой отсылки в тексте статьи к предыдущему фельетону П. А. Кускова «Некоторые размышления по поводу некоторых вопросов» (см.: ДЗ0; 19: 350). О. фон Шульц приписывал заметку Ф. М. Достоевскому на основании того, что речь в ней идет о «народной хрестоматии», ведь рассуждения о книге для народного чтения были развиты Достоевским в августовском номере «Эпохи». Атрибуцию Шульца оспорил Б. В. Томашевский, указав на тот факт, что статья «Вместо фельетона» содержит примечание редакции, а в анонимных статьях Достоевского подобных примечаний не наблюдается (см.: [Достоевский, 1930: 610]): «В скором времени мы надеемся поместить обстоятельный разбор статьи г-на Щербины» (ДЗ0; 19: 213; ср.: [Нечаева, 1975: 237, 263]⁶). Это обещание Достоевский сдержал: посвятил разбору «Читальника» вторую статью «Книжность и грамотность» (Время. 1861. Август). Однако уже в первой статье «Книжность и грамотность» (Время. 1861. Июль) Достоевский освещал проблемы народа и чтения для народа (подробнее см.: [Туниманов: 445–467]). Впервые статья «Вместо фельетона» включена в собрание сочинений в издании: «Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского в авторской орфографии и пунктуации» (Ө. Д., V: 483–497). По мнению комментаторов издания, «в фельетоне П. А. Кускова имеются развернутые вставки Достоевского со слов: “Во второй книжкѣ <...> до слов: “Зачѣмъ же навязывать?”» а также со слов: “Нуженъ сильный самостоятельный талантъ...” до слов: “...отношение донъ-Кихота къ настоящему рыцарству”» (Ө. Д., V: 852; см. также: [Захаров, 2004: 705]).

В ЗК₁ мы нашли еще одну запись, касающуюся этого проекта, она расположена внизу с. 4, в направлении, обратном основному тексту, и не была прочитана в первых публикациях. Запись сделана карандашом, густо зачеркнута, но при обращении непосредственно к оригиналу, а также (если говорить о фотокопии) при усилении контрастности рисунка отдельные слова прочитать можно, так как угадываются характерные для почерка писателя буквы и буквенные сочетания (см. Илл. 1).

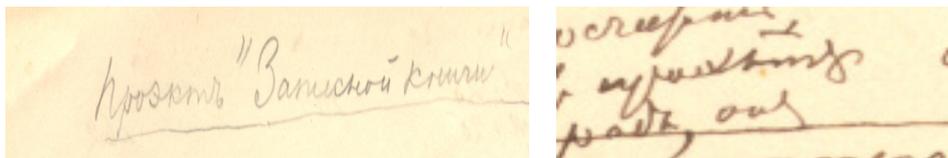

Илл. 1. Фрагменты стр. 4 ЗК₁

Передаем подстрочную расшифровку записи⁷:

«Проекъ книги для Нар<однаго> Чит<енія>,
у насъ: проэк<тъ> для народа
о Господахъ (т. е. о <нрзб.>,
у насъ {понятн.} <нрзб.>».

В слове «Проекъ» узнаваемо традиционное написание прописной буквы «П» и строчных букв «т» и «ъ» на конце слова (см. Илл. 2). Один из вариантов написания буквы «т» в почерке Достоевского — с тремя вертикальными штрихами, соединенными дугообразным элементом с надстрочным штрихом или без него (подробнее см.: [Тарасова: 40–59]).

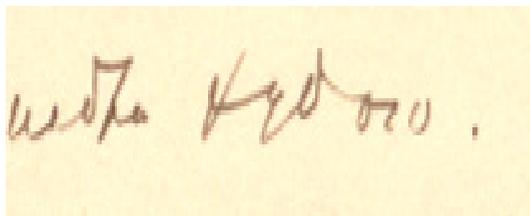

Илл. 2. Фрагмент с. 34 и 125 записной тетради 1864–1865 гг.

(РГАЛИ. Ф. 212.1.3)

Во втором примере (с. 125, илл. 2) видим слияние букв «к» и «т», как и в нашей записи. Учитывая, что набросок в $ЗК_1$ сделан карандашом, наскоро, с сокращениями, некоторые буквы получились немного сжатыми. Также на с. 34 (см. Илл. 2) находим вариант написания слова «книги», который читается и в нашей записи.

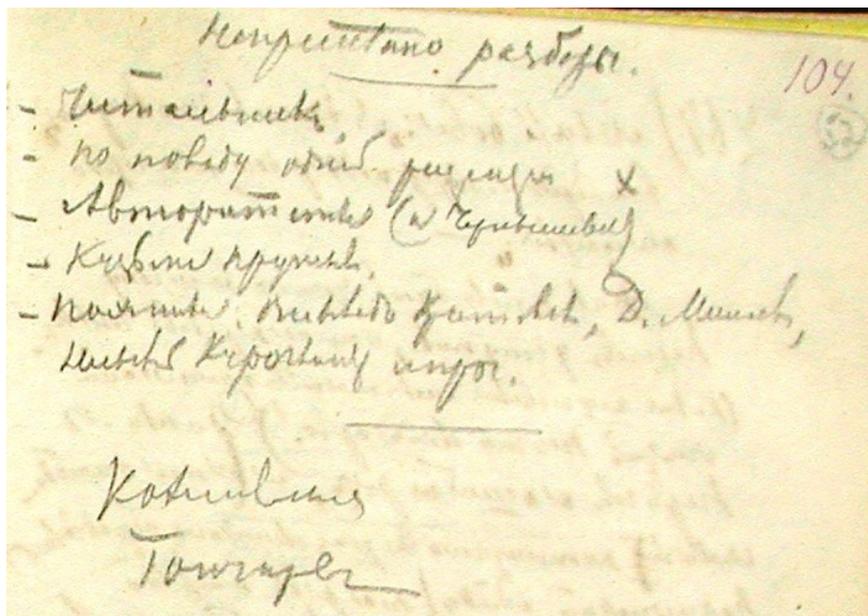
Предлог «для» написан в характерной для Достоевского манере: чаще всего букву «д» он пишет с верхним выносным элементом с завитком, в букве «л» находим традиционный верхний выносной штрих, буква «я» почти не видна, так как на нее накладывается верхний штрих от прописной буквы «Н» следующего слова. Сравним абсолютно идентичное написание данного предлога в словосочетании «не для художого» в записной тетради 1864–1865 гг. (см. Илл. 3).

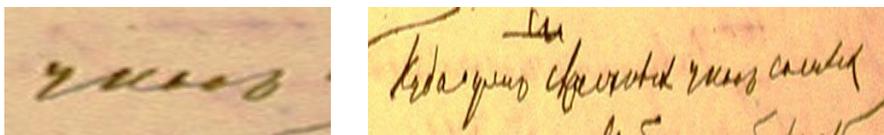
Илл. 3. Фрагмент с. 117 записной тетради 1864–1865 гг.

(РГАЛИ. Ф. 212.1.3)

При прочтении первых трех слов «Проект книги для...» автоматически вспоминается словосочетание «Народного Чтения», так как речь об этом проекте в данной книжке уже велась. Особенно узнаваема прописная буква «Ч» с четким верхним изгибом, не позволяющим спутать ее с другими буквами, например, с заглавной «Г». Сравни написание прописной буквы «Ч» в словах «Читальникъ», «Чернышевск<ий>» на с. 104 $ЗК_1$ (Илл. 4):

Илл. 4. Фрагмент с. 104 ЗК₁

Букву «у» (сочетание «у насъ» в начале второй и четвертой строк (см. Илл. 1)) Достоевский пишет одинаково: нижняя часть нередко остается в пределах строки, а сама буква схожа с вариантом написанием строчной «т». Сравни, например, в той же ЗК₁ сочетание «у насъ» в предложении «Куда ужъ слож-ныхъ у насъ самыхъ...» (см. Илл. 5).

Илл. 5. Фрагмент с. 102 ЗК₁

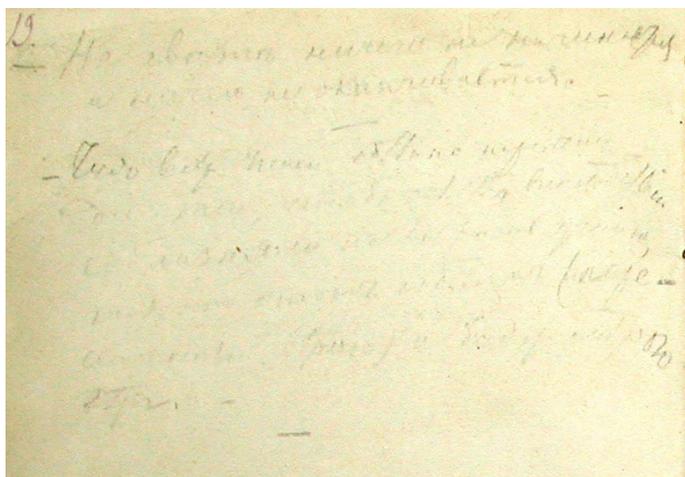
Далее на Илл. 1 четко видно двоеточие и незаконченное слово «проэк<тъ>». Предлог «для» написан точно так же, как и в предыдущей строке. Поскольку данный проект разрабатывался для народа, а по внешнему облику в последнем слове второй строки угадываются буквы «р» и «д», то мы предположили, что написано именно слово «народа». В сочетании «о Господахъ» наблюдаем прописную букву «Г», которая в почерке Достоевского практически не имеет вариантов: горизонтальный штрих с завитком или без него накладывается на вертикальный, как в данном примере. Также в рисунке слова проглядывается строчная буква «д», которая чаще всего пишется

с верхним выносным элементом и может иметь развернутый завиток, как в нашем случае (подробнее см.: [Тарасова: 40–59]).

Известно, что Достоевский выступал против поучительного «господского» тона в произведениях для народа, критиковал сам отбор этих произведений для народного чтения, которые были глубоко чужды народу и его интересам. Во второй статье «Книжность и грамотность», после критического разбора статьи Н. Щербины, Достоевский предлагает «свой» проект и делает вывод: «Но господскаго-то обученія онъ <народ> не любитъ; не любитъ, чтобъ глядѣли-то на него свысока, чтобъ въ опеку его брали даже и тогда, когда онъ полное право имѣеть самъ по своей волѣ и охотѣ поступать» (О. Д.; IV: 540).

Далее в рукописи четко видна открывающая скобка и сокращение «т. е.», на которое плотным слоем накладывается дуга от зачеркивающего элемента, расшифровка последних слов третьей и четвертой строк остается под вопросом. Однозначно прочитывается вписанное над двумя короткими чертами сокращенное слово «понятн.», оно не зачеркнуто, а потому легко расшифровывается при обращении к оригиналу рукописи. Что имелось в виду, можно только догадываться, исходя из контекста. Возможно, речь идет о «понятной» народу книге для чтения.

На с. 19 ЗК₁ сохранилась угасшая запись карандашом (см. Илл. 6), которая при первой публикации книжки в 1971 г. в 83 томе «Литературного наследства»⁸ была прочитана следующим образом: «На свете ничего не начинается и ничего не оканчивается. / Чудо воскр<есения> нам сделано нарочно для того, чтоб оно впоследствии соблазняло, но верить должно, так как этот соблазн (перестанешь верить) и будет мерою веры» [ЛН, т. 83: 128]. Точно так же запись воспроизведена в 20 томе Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 30 т. (см.: ДЗ0; 20: 152).

Илл. 6. С. 19 ЗК₁

«Написать: (Memento)

— Баканину
— Валиханову
— поэту
— Штрандману
— Настасья Петровна
— Гейбовичу
— ???

быть:
у Дебу —
у Смирнова —

у Кашина —

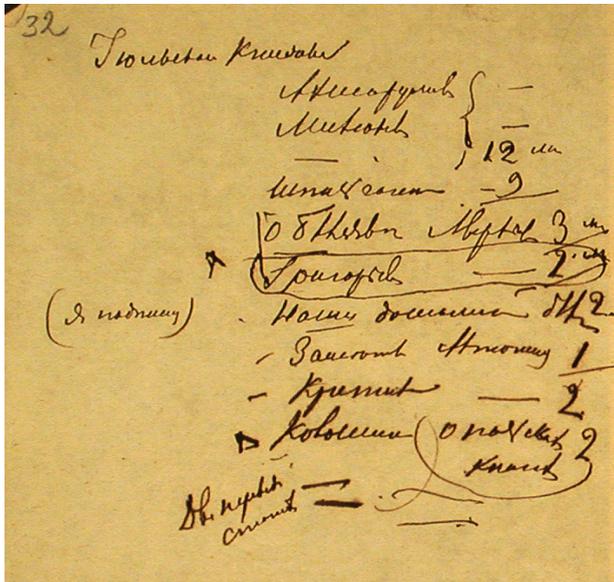
у Фермора —».

Последнее слово в левом столбце прочитывается исследователями по-разному и расшифровка его до сих пор находится под вопросом — в ЛН: «тому <?>» [ЛН, т. 83: 155], в Д30 и «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского»: «Тону<?>» (Д30; 27: 91), [Летопись, I: 346].

Также в левом столбце написано имя «Настасья Петровна». В комментариях к публикации ЗК₁ и в ЛН, и Д30 сказано, что личность Настасьи Петровны не установлена [ЛН, т. 83: 170]; (Д30; 27: 357). Мы предполагаем, что имеется в виду жена П. А. Давыдова, семипалатинского приказчика, с которым Достоевским дружил во время ссылки. «Достоевский обещал оказать Давыдову содействие в отыскании места в Петербурге или Москве» (см.: [Белов, I: 225]). 14 октября 1859 г. Достоевский отправил письмо Давыдову, в котором извинялся, что долго не писал, и упомянул о своем обещании: «...на будущий год искать нечего. Но в будущем году, если Вы позволите мне, я буду работать для Вас, и в будущем году надежды могут иметь успех. <...> если что и сообщу Вам в течение будущего года, то сообщу точно и положительно, а не легкомысленно. <...> На письмо Ваше отвечу более подробно чем теперь; ибо теперь имею в виду только уведомить Вас о главном деле. Большой поклон мой Настасье Петровне» (Д30; 28₁: 355). Таким образом, в конце 1859 г. Достоевский обещал подыскать работу Давыдову не в будущем 1860 г., а в следующем 1861 г. Имя Давыдова упоминается еще раз в письме А. И. Гейбовича, тоже знакомого Достоевского по Семипалатинску, от 25 марта 1860 г.: «Петръ Андрѣевичъ Давыдовъ, прикащикъ Купца Полякова, писалъ ко мнѣ чтобъ уведомить его объ вашемъ Адресѣ, но что я могу сообщить ему, когда самъ пишу наугадъ»¹⁰. Больше писем Достоевского к Давыдову, как и к Гейбовичу не обнаружено, возможно, оба (Давыдов и Достоевский) потеряли координаты друг друга. Быть может, Достоевский и планировал написать Давыдову или его жене в конце 1861 г. (записи на с. 47 датируются именно этим временем), так как подошел срок его обещанию.

«Вторая» записная книжка (ОР РГБ. Ф. 92.1.2.7 — далее ЗК₂), датируемая предположительно концом 1862 — второй половиной 1864 г.¹¹, содержит записи литературного и литературно-критического характера, расчеты, связанные с издательской деятельностью, росписи номеров журнала «Эпоха». Так, на с. 32, несмотря на то, что в заголовок вынесено «Июльская книжка»,

дан перечень авторов и статей июльского и августовского номеров «Эпохи» за 1864 г. Компоновка номеров была подвижной, одни статьи оставались, другие были напечатаны в следующих номерах (см. Илл. 8).

Илл. 8. С. 32 ЗК₂

«Юльская Книжка

Ахшарумовъ [_____] }
 Милуковъ _____ }
 [12 лл.<ство>]

Шпильгагенъ _____ 9

О Бьяевъ Аверкиевъ 3 лл.<ста>

Григорьевъ _____ 2 лл.<ста>

(я подпишу) [?] Наши домашнія дѣла 2 <листа>

— Замѣтки Лѣтописца <а>

— Критика _____ 1
 2 <листа>

Колошинъ о польскихъ книгахъ 2 <листа>

Двѣ переводныя статейки _____».

По поводу записи «О Бьяевъ Аверкиевъ» в комментарии ЛН сказано: «О какой статье идет речь — неясно» [ЛН, т. 83: 193]. Позже В. С. Нечаева уточнила: «Вероятно <...> Аверкиев написал большую работу о трудах проф. И. Д. Беляева, специалиста по древнерусскому праву, быту, хозяйству и технике, собирателя древнерусских юридических актов, защитника прав крестьян на землю на общинных началах. В 1859 г. вышел труд Беляева

“Крестьяне на Руси”, а в 1864–1865 гг. — “Судьбы земщины и выборного начала на Руси”. Составляя план июльской книги “Эпохи”, Достоевский записал: “О Беляеве Аверкиев — 3 листа”. Однако эта статья в “Эпохе” не появилась» [Нечаева, 1975: 152]. Стоит добавить, что вторая работа Беляева еще не была известна в то время, когда делалась эта запись, часть работы была опубликована при жизни автора в 1867 г.: «Земские соборы на Руси», полностью же книга «Судьбы земщины и выборного начала на Руси» вышла только в 1905 г. [Каплин: 24]. Скорее всего, Достоевский поручил Аверкиеву (как он уже делал в случае со статьей о Костомарове) написать обзор трудов или статью об историке Беляеве, работы которого, особенно докторская диссертация «Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе» (М., 1860), оказали влияние на проведение крестьянской реформы и стали ее теоретической основой. Крестьянской реформе в журналах «Время» и «Эпоха» уделялось огромное внимание. Не исключением стал и 1864 г. Как пишет В. С. Нечаева, «в первых пяти книгах “Эпохи” не было раздела, посвященного внутренней жизни страны, хотя <...> помещались отдельные статьи, отзывавшиеся на проведение крестьянской реформы, организацию земских учреждений, подготовку реформы суда» [Нечаева, 1975: 39]. В июньской книжке «Эпохи» за 1864 г. в разделе «Наши домашние дела» было обещано, что в следующих обозрениях будет обсуждение «Устава земских учреждений», о которых было много споров во времена крестьянской реформы [Нечаева, 1975: 40]. Крестьянской реформе был посвящен и ноябрьский выпуск раздела «Наши домашние дела», где давался «отклик на опубликованный “Обзор действий Министерства внутренних дел по крестьянскому делу”» [Нечаева, 1975: 43].

Возникает вопрос, что же помешало Аверкиеву написать такую статью? По рукописи видно, что запись ниже «*Григорьевъ — 2 л.*» обведена в овал (см. *Илл. 8*). В комментарии ЛН сказано, что здесь имеется в виду статья И. Долгомостьева «Заметки по истории книжного (школьного) просвещения в России», которая была подписана «Ив. Григорьевъ» [ЛН, т. 83: 193]. Однако если посмотреть на росписи тех же номеров журнала в другой тетради (РГАЛИ. Ф. 212.1.3), которую Достоевский вел параллельно с ЗК₂, то можно увидеть, что работы Долгомостьева всегда значатся под его настоящей фамилией. Под фамилией Григорьев имеется в виду только один человек — Ап. Григорьев. Кроме того, на с. 86 ЗК₂ снова перечисляется состав июльского номера «Эпохи» и опять звучит фамилия «Григорьев» с тем же листажом напротив — 2 л. (см. *Илл. 9*). К этой записи в ЛН дан уже другой комментарий, который ближе к действительности: «Статьи Ап. Григорьева “Отживающие в литературе явления. Г-н Григорович” и “Голос старого критика”» [ЛН, т. 83: 198]. По мнению В. С. Нечаевой, Ап. Григорьев планировал написать «Третье письмо об органической критике» (первые два вышли в майском и июньском номерах), однако «редакторская цензура Федора Михайловича <...> больно задела Григорьева, и он готов был отказаться от продолжения сотрудничества <...>

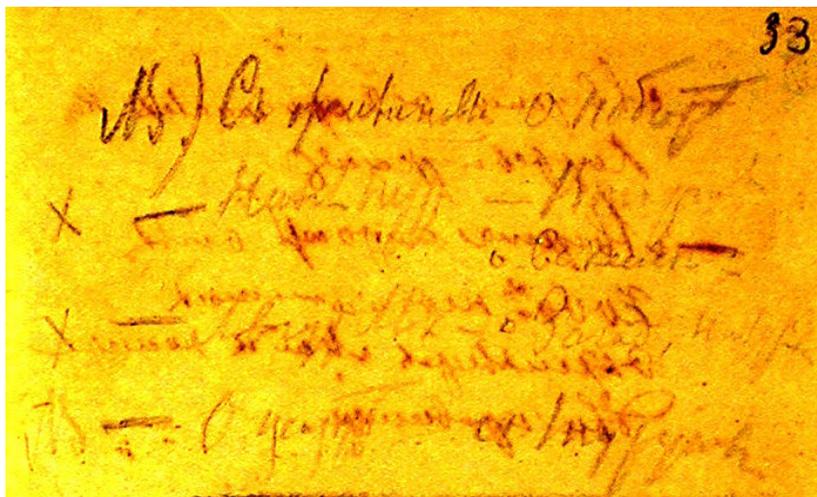
того, в публикации *ЛН* она воспроизведена между фамилией «Григорьев» и записью «Наши домашние дела», причем таким образом, что напротив нее находится пустая строка [*ЛН*, т. 83: 180]. Однако запись «Я *подпишу*» сделана прямо напротив названия раздела «Наши домашние дела». Известно, что этот раздел вел во «Времени» сначала А. У. Порецкий, затем с октябряского номера 1862 г. его сменил А. Е. Разин, после открытия «Эпохи» в 1864 г. раздел снова был поручен Порецкому: по мнению В. С. Нечаевой, Порецкий, несомненно, принимал участие в составлении первых трех обозрений [Нечаева, 1975: 39]. Первое обозрение вышло, однако, только в июньском номере, так как Порецкий выполнял и другие дела редакции («как официальный редактор Порецкий прочитывал готовящиеся книги, подписывал объявления от редакции, имел дело с цензурой» [Нечаева, 1975: 18]). Несколько обозрений, по-видимому неудачных, написал О. А. Филиппов. В. С. Нечаева приводит письмо Ф. М. Достоевского к Порецкому, датированное концом ноября — началом декабря 1864 г., в котором Федор Михайлович «умоляет» Порецкого поскорее написать «Внутреннее обозрение» для ноябрьской книги, так как Филиппов «написал ужасную дичь», а номер надо «выдать до Рождества» [Нечаева, 1975: 33]¹². Последнее обозрение в декабрьском номере «Эпохи» за 1864 г. Нечаева приписывает двум авторам, одним из которых, по ее мнению, был Ф. М. Достоевский (см.: [Нечаева, 1975: 33, 44]). Участие Достоевского, возможно, было более активным, чем мы предполагаем.

К помете «Критика — 2 л.» (см. *Илл. 8*) в *ЛН* находим следующий комментарий: «В № 8 “Эпохи” критических статей нет. Возможно, что у Достоевского описка и он имел в виду отдел “Политика” (анонимный)» [*ЛН*, т. 83: 193]. Во-первых, в расшифровке неправильно воспроизведен листаж предполагаемой «Критики»: на самом деле цифра 1, находящаяся напротив «Заметок летописца», относится к цифре 2, находящейся напротив слова «Критика». Получается: «Критика — ½ <листа>». Достоевский именно так прописывает дроби (см. *Илл. 9*). Во-вторых, необязательно имеется в виду августовский номер: на с. 32 представлен черновик содержания июльского номера, и только некоторые работы из него перешли в августовский. В-третьих, с таким листажом (1/2 л.) на с. 86 *ЗК*₂ (где дана более подробная роспись июльского номера) в списке статей значится «Письмо <мо> Строва» (см. *Илл. 9*), а именно: «Заметка современного знаменитого мыслителя (из немусыкантов) о Девятой симфонии Бетховена» (вышла в июльском номере «Эпохи»). Это перевод небольшой заметки известного философа-геолога Давида-Фридриха Штрауса (1808–1874) о Девятой симфонии Бетховена с послесловием А. Н. Серова [Нечаева, 1975: 172].

Следующая запись на с. 32: «Колошинъ о польскихъ книгахъ — 2 л.» (см. *Илл. 8*) оставалась до недавнего времени без комментария. По предположению В. Н. Захарова, здесь имеется в виду статья под рабочим названием «Польша и ее конфедерация», отмеченная в записной тетради Достоевского 1864–1865 гг. (РГАЛИ. Ф. 212.1.3. С. 14) [Захаров, 2013b: 60].

он опубликовал изложение политических взглядов Ренана на французскую революцию. Имеется в виду работа Э. Ренана «Essais de Morale et de Critique» («Этические и критические очерки»; 1859 г.): «Есть основание думать, — пишет В. С. Нечаева, — что самим Страховым (или по его инициативе) в “Эпохе” были помещены переводы двух статей Ренана...» [Нечаева, 1975: 102]. Речь идет о статье Ренана «Высшее обучение во Франции, его история и будущность» (опубликована в пятой книге «Эпохи» за 1864 г.) и статья «Древние религии» (опубликована в седьмой книге). На с. 86 ЗК₂ (см. Илл. 9) поверх записи «Переводн<ья> с<татьи>» уже вписано: «Древн<ия> р<елигии>». Таким образом, под записью «Двѣ перевод<ныя> статейки» Достоевский мог иметь в виду будущую публикацию в 7 номере «Эпохи» за 1864 г. работы Э. Ренана «Древние религии», а также изложение взглядов Ренана на французскую революцию в «Заметках летописца» Н. Н. Стрхова в августовском номере.

На с. 33 ЗК₂ карандашом записан список дел по изданию очередного номера «Эпохи» с именами и фамилиями людей, с которыми эти дела нужно решить (см. Илл. 11). Среди них есть запись, которая в ЛН и ДЗ0 была прочитана как «Никол<ай> Петр<ович> Второв о векселе» [ЛН, т. 83: 181]; (ДЗ0; 27: 92). В комментариях к обеим публикациям сказано, что личность Второва не установлена [ЛН, т. 83: 194]; (ДЗ0; 27: 358). С. В. Белов считает, что, скорее всего, имеется в виду какой-то кредитор Достоевского по журналу «Время» [Белов, I: 164].

Илл. 11. Фрагмент с. 33 ЗК₂

Во-первых, записи на с. 33 относятся ко времени выхода журнала «Эпоха». Во-вторых, нам показалось странным, что в рукописи фамилия «Второв» отделена от имени с отчеством тире. Вся запись, по нашему мнению, читается следующим образом:

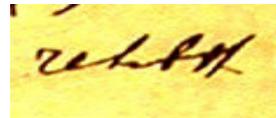
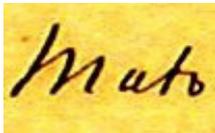
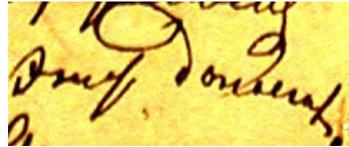
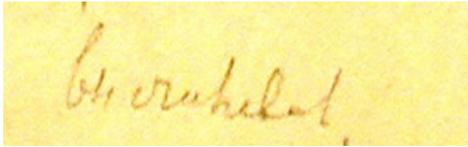
«NB.) Съ Филиповы<мъ> о наборъ

X — Никол<ай> Петр<овичь> — Вторникъ о вексель.

X — Августъ Алек<сандровичь> — о Загад<очныхъ> натурахъ.

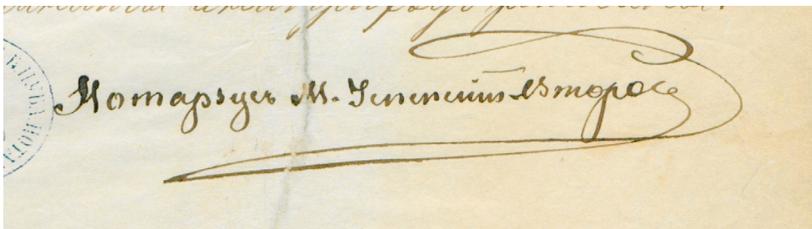
NB — О цензурѣ — съ Турунов<ымъ>».

Написание буквы «к» с верхним выносным штрихом «без ответвлений», особенно в конце слов, когда не прописывается не только конечный «ъ», но и «съедается» промежуточная гласная (превращается в еле заметную точку), характерно для почерка Достоевского. Сравним, например, с написанием буквосочетания «кѣ» на конце слов «желчевикѣ», «Такѣ», «доносчикѣ», «человѣкѣ» в ЗК₁ и ЗК₂ (Илл. 12).

Илл. 12. Фрагменты с. 91 ЗК₁ и с. 6, 18, 47 ЗК₂

Вероятно, ошибка возникла из-за того, что в «Летописи...» упоминается нотариус по фамилии Успенский-Второв, который 11 октября 1864 г. «переписывает» вексель Достоевского, выданный купцу Леониду Николаевичу Демису (см.: [Летопись, I: 482]). Второй раз фамилия Успенского-Второго звучит во втором томе «Летописи...» [Летопись, II: 23]. Однако имя и отчество этого нотариуса совсем другие, чем в нашей записи, — Михаил Иванович. Действительно, нотариус Михаил Иванович Успенский (без двойной фамилии) жил в Петербурге на Невском проспекте (дом 51, кв. 9)¹³. Если мы обратимся непосредственно к векселю, выданному Достоевским, то фамилия нотариуса, указанная в «Летописи...», читается по-другому: Нотариусъ М. Успенскій-Второй (см. Илл. 13), т. е. никакого нотариуса по фамилии «Второв» не было.

Илл. 13. Вексель. Фрагмент (ИРЛИ. Ф. 29510. Л. 8)

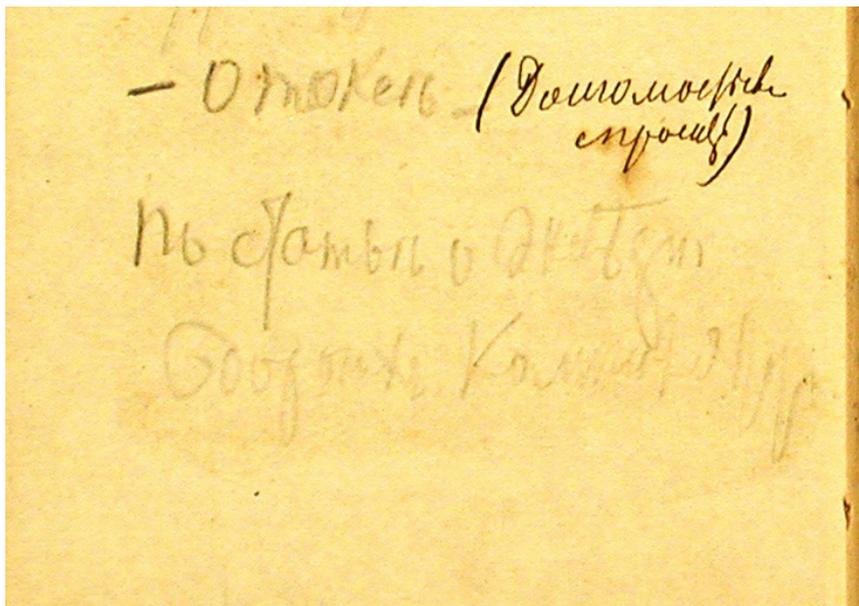
Таким образом, следует искать нотариуса или кредитора этого периода с именем Николай Петрович. Возможно, имеется в виду сын А. И. Рейслер, известной кредиторши Ф. М. Достоевского, — Николай Павлович, который занимался делами своей матери и позже, в 1867 г. (см.: [Белов, II: 145]). Достоевский мог просто ошибиться в отчестве молодого человека.

Рассмотрим еще одну запись с этой страницы: «*О цензурѣ — съ Турунов<ымъ>*». В некоторых исследованиях наблюдается расхождение в имени цензора. В печатных изданиях (в комментариях ЛН, Д30, «Летописи...», в монографиях В. С. Нечаевой) он значится как Михаил Николаевич Турунов. В энциклопедии С. В. Белова смешаны биографии двух людей: Якова Николаевича Турунова и Михаила Николаевича Турунова [Белов, II: 328]. В статье Б. Н. Тихомирова и Е. Д. Маскевич «Из юных лет Михаила и Федора Достоевских...» эта ошибка уже исправлена (см.: [Маскевич, Тихомиров: 66, 72–73]) и указано, что «Я. Н. Турунов (1811–17.01.1873) был старшим братом М. Н. Турунова. В службу он вступил в 1831 г.; в 1864 г. получил чин действительного статского советника, вышел в отставку в 1870 г.» [Маскевич, Тихомиров: 73].

Действительно, в «Адрес-календарях», начиная с 1847 г., значатся оба Турунова: Яков Николаевич и Михаил Николаевич. В 62 т. «Сборника Императорского Русского Исторического Общества» о Я. Н. Турунове сказано следующее: «Туруновъ, Яковъ Николаевичъ, д. с. с., преподаватель исторіи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, сотрудникъ Военного Сборника и Русского Инвалида, ученый секретарь бывшаго военно-ученаго комитета»¹⁴. Эта же информация повторяется в «Общем штате Российской империи на 1847 г.»¹⁵.

Михаил Николаевич Турунов (1814–1890) — действительный тайный советник, сенатор. В «Адрес-календаре» на 1866–1867 гг. (ч. 1) именно он числится в членах совета Главного управления по делам печати (С. 334), а на 1865–1866 гг. (ч. 1) — председателем Санкт-Петербургского Цензурного комитета (С. 318). Подробнее см.: [ЛН, т. 83: 194], [Д30; 20: 358], [Нечаева, 1975: 70], [Гринченко: 364–394], [Мезьер: 113]. Можно обратиться к материалам по биографии и творчеству Н. А. Некрасова, который тоже общался с цензором М. Н. Туруновым (см.: [ЛН, т. 49–50: 477; т. 51–52: 532]).

На с. 34 осталась без комментария запись: «— *О Токеѣ — (Долгомостьева спросить)*» (см. Илл. 14).

Илл. 14. Фрагмент с. 34 ЗК₂

Переводчиком «Токеи» (полное название — «Токеа, или Белая роза. Повесть из последней англо-американской войны» (в трех частях)) был Александр Карлович Герих. Перевод А. К. Гериха публиковался в особом приложении к журналу «Эпоха» в 1864 г. в следующих номерах: 5 (май, стр. 1–158), 6 (июнь, стр. 159–306) и 7 (июль, стр. 307–470). По указанию В. С. Нечаевой, белой автограф 36, 37 и 38 глав перевода, хранящийся в ОР РГБ (ф. 93. П.8.10), значит, как принадлежащий М. М. Достоевскому [Нечаева, 1975: 95].

На самом деле в фонде ОР РГБ содержится четыре главы (35, без нескольких первых абзацев, 36, 37, 38). Текст рукописи полностью совпадает с текстом опубликованных глав в седьмом номере «Эпохи» за 1864 г. (ц. р. получено 19 сентября, опубликовано 29 сентября 1864 г.) Роман Ч. Сильсфильда, судя по титулу первого издания, был написан на английском языке, несмотря на то, что в основном этот автор писал на немецком. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона находим следующую информацию: «Сильсфильд (Чарльз Sealsfield) — псевдоним писателя Карля Постля, род<ился> в 1793 г. До 1823 г. был монахом в Праге, зат<ем> уехал в С<еверную> Америку, гд<е> принял имя С<ильсфильд>. В 1828 г. С<ильсфильд> выступил на литературное поприще романом “Tokeah or the white rose”. Этот роман, как и другие писанные на н<емецк>ом<ом> яз<ык>е, обнаруживает у автора живое воображение и недюжинный описательный талант...» [Брокгауз, Ефрон, ХХІХ^а (58): 895]. Далее перечислены названия произведений этого автора на немецком языке и сказано, что была также осуществлена переработка романа «Токеа, или белая роза» на немецкий

язык, но роман вышел в 1838 г. под другим названием: «Der Legitime und die Republikaner» [Брокгауз, Ефрон, XXIX^a (58): 896]. Приводим фото титулов обеих книжек на английском и немецком языках (см. Илл. 15).

ТОКЕАН;
OR,
THE WHITE ROSE.

Knowest thou the land where the lemon trees bloom?
Where the gold orange glows in the deep thicket's gloom?
Where a wind ever soft, from the blue heaven blows,
And the groves are of laurel and myrtle and rose?
Knowest thou it?

Thither! O, thither!
My dearest and kindest with thee would I go.
GOETHE.

IN TWO VOLUMES.

VOL. II.

PHILADELPHIA:

CAREY, LEA & CAREY, — CHESNUT STREET.
SOLD, IN NEW YORK, BY G. & C. CARVILL, — IN BOSTON, BY
MUNROE & FRANCIS.

1829.

Gesammelte Werke
von
Charles Sealsfield.

Zweiter Theil.

Der Legitime und die Republikaner.

Zweiter Theil.

Stuttgart.

Verlag der J. W. Meißner'schen Buchhandlung.

1845.

Илл. 15. Титулы изданий романа «Токеа, или белая роза» на английском и немецком языках

Мог ли М. М. Достоевский переводить только несколько глав, но с немецкой адаптации, так как английского языка он не знал? Или Михаил Михайлович перевел все, но сохранился перевод только нескольких последних глав (всего 43 главы)? Мог ли Достоевский просто переписать эти главы (или весь текст, но он не сохранился) на чистовик для типографии, так как рукопись содержит типографские пометы? Или это выполнил другой человек? Если перевод был сделан М. М. Достоевским, то почему за работу, судя по гонорарной ведомости, заплатили А. К. Гериху: «29 октября <1864 г.>»: «Г. Гериху за Токею 203 р. 15 к.» (ОР РГБ. Ф. 93.1.3.21. С. 123). По

мнению публикаторов книжки в 83 томе ЛН, Герих, вероятно, делал и другие переводы для журнала «Эпоха» [ЛН, т. 83: 239].

Июньский и июльские номера «Эпохи» за 1864 г. выходили в августе и сентябре, уже после смерти Михаила Михайловича [Нечаева, 1975: 256–257]. В записной тетради 1864–1865 гг. сохранилась запись Ф. М. Достоевского от 23 августа: «*О переводчикъ съ Англійскаго для Токеи*» (РГАЛИ. Ф. 212.1.3. С. 145). А 28 октября в той же тетради уже записано: «*Отослать деньги Токеа*» (РГАЛИ. Ф. 212.1.3. С. 136; см. также: [ЛН, т. 83: 201, 204–208, 235, 238–239]). Известно одно письмо А. К. Гериха с просьбой выплатить остатки гонорара за перевод: «*Въ письмѣ отъ 29го Октября прошедшаго года, за № 403, редакція обѣщала выслать мнѣ недосланные 200 руб. за мой переводъ “Токеа или бѣлая Роза” никакъ не позже Января мѣсяца 1865 года*» (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 6. № 132. Л. 1)¹⁶. А. К. Герих получил указанный гонорар 29 октября, однако это был предварительный расчет. В своем письме Герих требовал доплатить «недосланные» ему 200 руб. и напомнил, что редакция обещала сделать это не позже января 1865 г. Деньги, вероятно, были выплачены полностью, так как больше писем Гериха с требованием денег не поступало или они не сохранились (см. также: [Летопись, II: 19]).

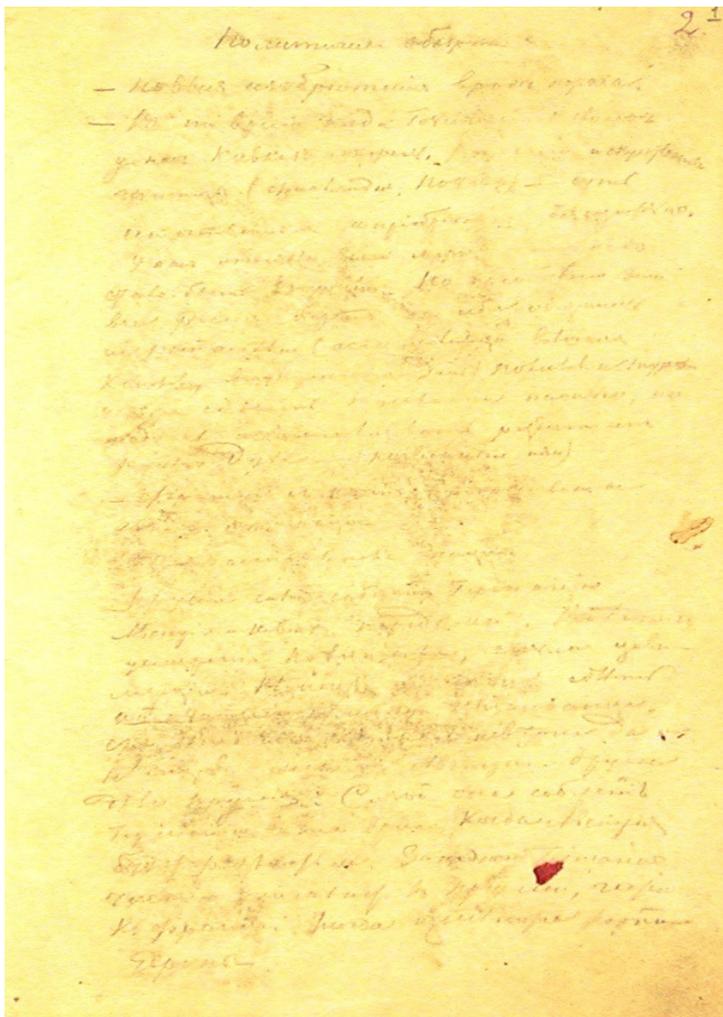
Таким образом, атрибуция этого текста остается под вопросом, необходимо провести почерковедческую экспертизу сохранившихся рукописных глав и установить степень участия М. М. Достоевского в переводе данного романа.

По поводу записи «*По статьѣ о желѣзн<ых> дорогахъ компиляторъ*» (см. Илл. 14) в примечаниях к первой публикации сказано, что такой статьи в «Эпохе» в 1864 г. помещено не было [ЛН, т. 83: 194]. В монографии В. С. Нечаевой находим, что эта тема была озвучена в рубрике «Наши домашние дела»: «В августовской и сентябрьской книгах продолжалось обсуждение постройки южной железной дороги, приводились расчеты ее стоимости в условиях России и за границей, отмечалась порочная практика акционерных обществ, спекуляции подрядчиков, вносились предложения с целью ускорить и удешевить постройку железных дорог» [Нечаева, 1975: 41].

На с. 87, где продолжается составление августовского номера «Эпохи» за 1864 г. осталась без комментария запись: «*х Петръ III*» (см. Илл. 9). В комментариях к публикации в ЛН сказано: «Статья о Петре III ни в этом, ни в следующих номерах “Эпохи” напечатана не была» [ЛН, т. 83: 198]. В записной тетради 1864–1865 гг. эта запись повторена: «— *Статью о Петрѣ 3. дать Портьцкому* —» (РГАЛИ. Ф. 212.1.3. С. 143). Б. Н. Тихомиров атрибутирует эту статью историку Петру Николаевичу Петрову, чей адрес Достоевский записывает в «третьей» ЗК (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.8 С. 38). В комментарии к адресу историка Б. Н. Тихомиров пишет: «О контактах в 1860-е гг. Достоевского с историком П. Н. Петровым (1827–1891) биографам писателя ничего не известно, но стоит указать, что в редакционном архиве журнала “Время” находилась предложенная для публикации братьям Достоевским

рукопись “Исторический очерк событий в России с 1742–1762”, автором которой указан Петров (весьма вероятно, что Петр Николаевич), зарегистрированная в Редакционном журнале в рубрике “Статьи серьезного (ученого) содержания” под № 29/50. И, видимо, о ней Достоевский сделал 25 августа 1864 г. памятную запись: “Статью о Петре III Порецкому (очевидно на рецензирование)”» [Тихомиров, 2018: 86].

В «третьей» записной книжке, датируемой 1864–1865 гг. (далее ЗК₃), на с. 2 находим наброски для «политической статьи», которую Достоевский, видимо, какое-то время вынужден был писать сам. Запись местами угасла и не была расшифрована полностью в первых изданиях (см. Илл. 16):

Илл. 16. С. 2 ЗК₃

Уточним расшифровку (полужирным начертанием выделены не прочитанные в первых публикациях фрагменты, разночтения также отображены в сносках):

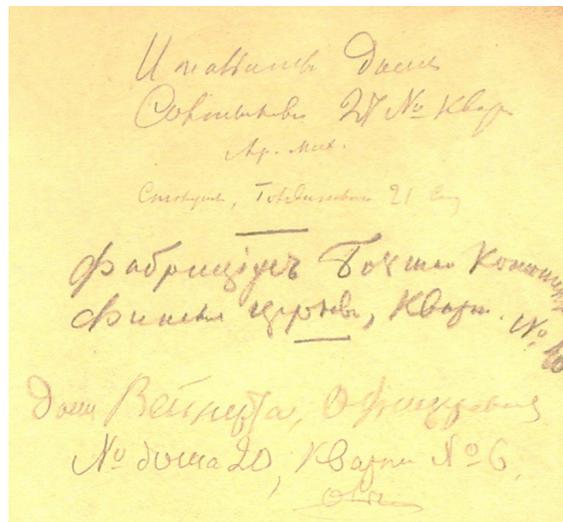
«Политическое обозрѣніе

Новыя изобрѣтенія вродѣ пороха.

— Въ то время когда Гольштейнъ со Шлезвигомъ у насъ Кавказъ покоренъ¹⁷. Всѣ наши искусственныя границы (Финляндія, Польша) — суть естественныя и приобрѣтены¹⁸ безсознательно¹⁹. У насъ собствен<ный> **земн<ой>**²⁰ міръ и намъ надо стало-быть Турцію. Но приобрѣтя это все Россія беретъ на себя обязанность **міростяжателя**²¹ (ассимиляція внѣшняя Катковъ, внутренняя — День<)>. Поляковъ и турокъ нельзя сдѣлать русскими насильно, но надо ихъ ассимилировать развитіемъ русскаго духа (почвенныя идеи) — **Франція съ ней Австрія всѣ не едины. Это націи... Цивилизованныя націи<и>**²².

— Пруссія силой соберетъ Германію<.> Австрія и швахъ передъ ней. Внѣшнія ухищренія. **Новая нація, — сильная цивилизація. Нѣмцы же должны сдѣлать [отказъ отъ] новую цивилизацію. Стало-быть все дѣло есть въ невѣрїи да и нѣмцевъ мало для Австріи**²³. Другое дѣло — Пруссія. Силой она соберетъ Германію, въ то время когда Австрія будетъ разлагаться. Западная Германія частію примкнетъ къ Пруссїи, частію къ Франціи: Тогда измѣнится карта Европы».

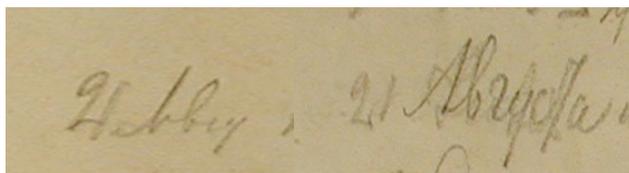
На с. 3 ЗК₃ записаны адреса (см. Илл. 17), первые два из которых прочитаны так: «Итальянск<ая>, домъ Салтыкова, 27 № квартиры Ар. Мих.» и «Столярны<й>, Головинскаго И. Сид.<и> [Тихомиров, 2018: 77]. Ранее

Илл. 17. Фрагмент с. 3 ЗК₃

Т. И. Орнатская увидела в этой записи два адреса, причем последний воспроизведен ею так: «Столярный, Головинского И. Ст.» [Орнатская: 20].

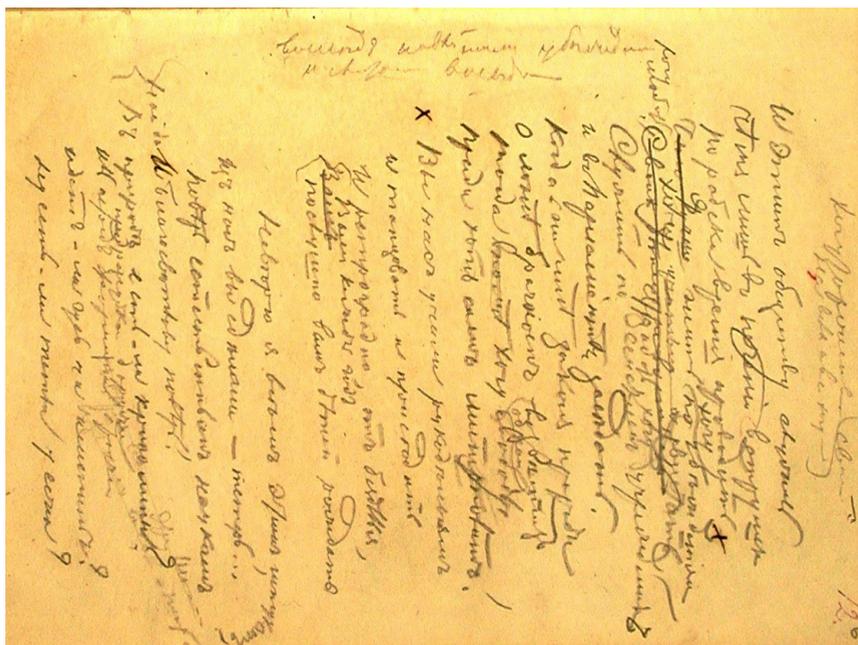
Нам кажется, что в последней строчке имеется в виду не сокращенная фамилия И. Сид. или И. Ст., а опять-таки, как и в случае со Второвым, указание на дату: 21 Сент<ября>. Сравним написание цифры «21» в этой же ЗК₃ (см. Илл. 18):

Илл. 18. Фрагменты с. 21 и 40 ЗК₃

Ниже на этой же странице записан адрес: «Фабриціузь Большая Конюшенная Финская церковь, кварт. № 10» (см. Илл. 17). У Т. И. Орнатской сказано, что имеется в виду автор статьи «Записки²⁴ о начале почты в России. (В память 200-летия почтового ведомства в России)» [Орнатская: 20]. Статья была опубликована в 10 номере «Эпохи» за 1864 г. В росписи журнала восстановлены инициалы автора: А. К. Фабрициус [Нечаева, 1975: 258]. Б. Н. Тихомиров указывает другое имя: «В каталогах ряда центральных библиотек (РНБ, РГБ, ГПИБ) автор статьи (в форме оттиска) описан, без указания источника, как *Адальберт Карлович Фабрициус*. Однако, согласно адресной книге середины 1860-х гг., по указанному адресу проживал *Генрих Карлович Фабрициус*, в то время как *Адальберт Карлович* в справочнике отсутствует. <...> Можно допустить, что Генрих и Адальберт — братья, жившие по одному адресу. Но возможно, что в библиотечные каталоги вкралась ошибка, и автором публикации является Генрих-Альфонс Фабрициус (1828–1882), известный по данным Петербургского некрополя, подписавший статью своим вторым именем: *Альфонс Карлович*» [Тихомиров, 2018: 77–78]. Стоит добавить, что в «Адрес-календарях» на 1862–1863 и 1865–1866 гг. значатся оба: А. К. Фабрициус (С. 521, 348) и Г. К. Фабрициус (307, 312).

На с. 12 ЗК₃ рядом с набросками памфлета «Офицер и Нигилистка» на полях слева вдоль страницы осталась запись, не прочитанная в первых публикациях: «вослѣдъ новѣйшимъ убѣжден<ьямъ> и Антоно<вичу> вослѣдъ» (см. Илл. 19).

Илл. 19. С. 12 ЗК₃ в перевернутом виде

Следы полемики Ф. М. Достоевского с М. А. Антоновичем можно обнаружить во всех трех записных книжках писателя 1860–1865 гг., подробнее о характере их полемики см.: (ДЗ0, 20: 259, 262–263, 292, 302).

В двух рабочих тетрадах, хранящихся в фондах РГАЛИ (ф. 212.1.3 и 212.1.4), которые Ф. М. Достоевский вел параллельно с ЗК₃ в 1864–1865 гг., также есть редакционные записи, касающиеся последнего года существования журнала «Эпоха» и требующие изучения. Анализ этих записей позволит лучше и полнее понять характер творческой журналистской и писательской работы Достоевского.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Редакционный архив журналов братьев Ф. М. и М. М. Достоевских “Время” и “Эпоха”» № 18-012-90016 Достоевский.

¹ См. письмо к В. Д. Констант от 10 ноября 1863 г. (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28₂. Л.: Наука, 1985. С. 55). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения ДЗ0 и указанием тома, книги (нижний индекс), страницы в круглых скобках.

² Они содержат наброски к переработке «Двойника», к «Запискам из Мертвого Дома», «Скверному анекдоту», повести «Пьяньские».

³ Подробнее о датировке см.: [Заваркина, 2018].

⁴ Примерные названия неосуществленных замыслов.

- ⁵ Уже в первом «Объявлении» об издании журнала «Время» в 1861 г., вышедшем осенью 1860 г., было сказано: «Особенное внимание мы обратимъ на отдѣлъ критики. Не только всякая замѣчательная книга, но и всякая замѣчательная литературная статья, появившаяся въ другихъ журналахъ, будетъ непременно разобрана въ нашемъ журналѣ. Критика не должна уничтожиться изъ-за того только, что книги стали печататься не отдѣльно, какъ прежде, а въ журналахъ» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. — Т. IV. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. С. 12. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Ө. Д.* и указанием тома и страницы в круглых скобках).
- ⁶ Подробнее о проблемах атрибуции в исследованиях о Достоевском см.: [Алексеева: 3–10].
- ⁷ В расшифровке записи участвовала Т. В. Панюкова.
- ⁸ *Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг.* М.: Наука, 1971 (Литературное наследство; т. 83). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *ЛН* и указанием тома и страницы в квадратных скобках.
- ⁹ В расшифровке записи участвовала Т. В. Панюкова.
- ¹⁰ Оригинал письма А. И. Гейбовича к Ф. М. Достоевскому хранится: ОР РГБ, Ф. 93.П.2.72. См. публикацию письма на сайте [www.philolog.ru](http://philolog.ru) (<http://philolog.petrus.ru/fmdost/letters/geibai/otgejbovich25031860.pdf>).
- ¹¹ Подробнее см.: [Заваркина, 2019].
- ¹² См. также: *Д30*; 28₂: 105–106. Оригинал письма хранится в РО ИРЛИ. Ф. 407. № 1. С. 1.
- ¹³ См.: Михневич В. О. Петербургъ весь на ладони, съ планомъ Петербурга, его панорамой съ птичьего полета, 22 картинками и съ прибавленіемъ календаря. СПб., 1874. С. 354. См. также: Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, съ Васильевскимъ островомъ, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтою: въ 5-ти отдѣленіяхъ. С.-Петербургъ, 1867–68. С. 488.
- ¹⁴ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. СПб, 1888. Т. 62. С. 363.
- ¹⁵ Адресъ-календарь, или Общій штатъ Россійской имперіи на 1847 годъ. СПб., 1847. С. 66.
- ¹⁶ См. публикацию письма на сайте: [www.philolog.ru](http://philolog.ru) (<http://philolog.petrus.ru/fmdost/letters/gerih/otgerih07031865.htm>).
- ¹⁷ В *ЛН*: «покорился» [*ЛН*, т. 83: 284].
- ¹⁸ В *ЛН*: «приобретенные» [*ЛН*, т. 83: 284].
- ¹⁹ Далее в *ЛН* до слов: «Другое дѣло — Пруссія...» не расшифровано [*ЛН*, т. 83: 284].
- ²⁰ Слово «земной» отсутствует в *Д30* (см.: *Д30*; 20: 203).
- ²¹ Слово «міростяжателя» отсутствует в *Д30* (см.: *Д30*; 20: 203).
- ²² Предложения: «Франція съ ней Австрія всѣ не едины. Это націи... Цивилизованные націи<_>» отсутствуют в *ЛН* и *Д30* [*ЛН*, т. 83: 284], (*Д30*; 20: 203).
- ²³ В *ЛН* и *Д30* не прочитаны предложения: «Новая нація, — сильная цивилизація. Нѣмцы же должны сдѣлать [отказъ отъ] новую цивилизацію. Стало-быть все дѣло есть въ невѣрїи да и нѣмцевъ мало для Австріи» [*ЛН*, т. 83: 284], (*Д30*; 20: 203).
- ²⁴ На самом деле: «Записка...».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Л. В. Проблемы атрибуции в исследованиях о Ф. М. Достоевском (обзор предложенных решений) // *Неизвестный Достоевский*. — 2015. — № 4. — С. 3–10 [Электронный ресурс]. — URL: <http://unknown-dostoevsky.ru/journal/liter.php?id=2501> (01.07.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2501

2. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь: в 2 т. — СПб.: Алетейя, 2001. — Т. 1. — 573 с.; Т. 2. — 544 с.
3. [Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.] Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1890–1903.
4. Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г., Фут И. П. Цензоры Санкт-Петербурга: (1804–1917) // Новое литературное обозрение. — 2004. — № 69. — С. 364–394.
5. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1990. — Т. 1. — 623 с.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995– (продолжающееся издание).
8. Достоевский Ф. М. Полн. собр. художественных произведений / под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. — М.; Л.: Госиздат, 1930. — Т. 13: Статьи. — 650 с.
9. Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. — СПб.: Пушкинский Дом, 2008. — 470 с.
10. Заваркина М. В. Проблемы хронологической атрибуции «первой» записной книжки Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. — 2018. — № 4. — С. 70–93 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545741405.pdf (01.07.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3789
11. Заваркина М. В. Проблемы хронологической атрибуции «второй» записной книжки Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. — 2019. — № 2. — С. 5–39 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562145716.pdf (01.07.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4081
12. Захаров В. Н. Идеи «Времени», дела «Эпохи» // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. — Т. V. — С. 697–712.
13. Захаров В. Н. Кодекс Достоевского. Журнализм как творческая идея писателя // Достоевский и журнализм / под ред. В. Захарова, К. Степаняна, Б. Тихомирова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. — С. 17–26. (Dostoevsky monographs; вып. 4) (a)
14. Захаров В. Н. Неопубликованный автограф Достоевского: Ф. М. Достоевский и С. П. Колошин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. — 2013. — № 7 (136). — Т. 2. — С. 58–61. (b)
15. Каплин А. Д. Предисловие // Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — С. 5–30.
16. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881: в 3 т. — СПб.: Академический проект, 1993. — Т. 1: 1821–1864. — 544 с.; 1994. — Т. 2: 1865–1874. — 592 с.
17. Маскевич Е. Д., Тихомиров Б. Н. Из юных лет Михаила и Федора Достоевских (Новые архивные материалы 1837–1839 гг.) // Неизвестный Достоевский. — 2019. — № 2. — С. 56–93 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562749532.pdf (10.07.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3981
18. Мезьер А. В. Словарь русских цензоров: материалы к библиографии по истории русской цензуры. — М., 2000. — 142 [2] с.
19. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. — М.: Наука, 1971. — 727 с. (Литературное наследство; т. 83).
20. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» (1861–1863). — М.: Наука, 1972. — 317 с.

21. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха» (1864–1865). — М.: Наука, 1975. — 303 с.
22. [Орнатская Т. И.] *Рукою Достоевского* / публ. Т. И. Орнатской // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1985. — Вып. 6. — С. 3–31.
23. Тарасова Н. А., Заваркина М. В., Панюкова Т. В. Графические особенности рукописей Достоевского: материалы для информационной базы данных // *Неизвестный Достоевский*. — 2018. — № 4. — С. 17–69 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737853.pdf. (05.07.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3788
24. Тихомиров Б. Н. Петербургские адреса и адресаты Достоевского (К проблеме краеведческого комментирования адресных записей писателя). Статья вторая // *Неизвестный Достоевский*. — 2018. — № 3. — С. 56–105 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541001296.pdf (05.07.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3701
25. Туниманов В. А. Комментарии: Ф. М. Достоевский. Ряд статей о русской литературе. Книжность и грамотность // *Достоевский Ф. М. Собр. соч.*: в 15 т. — СПб.: Наука, 1993. — Т. 11. — С. 445–467.
26. *Хроника рода Достоевского* / под ред. И. Л. Волгина. — М.: Фонд Достоевского, 2012. — 1232 с., илл.

Marina V. Zavarkina

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

dostoyevsky@mail.ru

Editorial Notes in the Notebooks of F. M. Dostoevsky in 1860–1865

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90016 Dostoevsky.

Abstract. The article analyzes records from the notebooks of F. M. Dostoevsky (RGB. F. 93.I.2.6, 93.I.2.7, 93.I.2.8) that the writer kept in 1860–1865 in parallel with the publication of the journals “Time” and “Epoch”. Some of these records still remain undeciphered or were deciphered inaccurately, others have no comments. The article presents the results of attempts to read the individual records, taking into account the characteristics of the writer’s handwriting, and also it offers comments that complement the comments to the first publication of his books in the 83d volume of “The Literary heritage” (1971) and later in the 20th volume of the Complete works of F. M. Dostoevsky compiled in 30 volumes (1980). The Identification and study of these records as a part of the notebooks and diaries Dostoevsky will allow us to cover more in detail the busy life of the writer during the period of his editorial activity in the magazines “Time” and “Epoch”, as well as to understand the type of his work as a writer and journalist. The topic of the article needs further study and is of polemical character.

Keywords: F. M. Dostoevsky, “Time”, “Epoch”, manuscripts, attribution, notebooks and workbooks

About the author: *Zavarkina Marina V.* — PhD of Philology, Specialist, WEB-laboratory of Institute of Philology, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russian Federation)

Received: 15.07.2019

Date of publication: 14.09.2019

For citation: Zavarkina M. V. Editorial Notes in the Notebooks of F. M. Dostoevsky in 1860–1865. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2019, no. 3, pp. 67–95. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4141 (In Russ.)

REFERENCES

1. Alekseeva L. V. Attribution Problems in the Research Works About F. M. Dostoevsky (A Review of the Proposed Approaches). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, no. 4, pp. 3–10. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453708925.pdf (accessed on July 1, 2019). (In Russ.)
2. Belov S. V. *F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie. Entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh [F. M. Dostoevsky and His Ambience. Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols]*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. (In Russ.)
3. Brockhaus F. A., Efron I. A. *Entsiklopedicheskiy slovar': v 86 tomakh [Encyclopedic Dictionary: in 86 Vols]*. St. Petersburg, Semenovskaya Tipolitografiya (I. A. Efrona) Publ., 1890–1903. (In Russ.)
4. Grinchenko N. A., Patrusheva N. G., Fut I. P. Censors of St. Petersburg: (1804–1917). In: *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer]*, 2004, no. 69, pp. 364–394. (In Russ.)
5. *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh [F. M. Dostoevsky in Memoirs of His Contemporaries: in 2 Vols]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 1. 623 p. (In Russ.)
6. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
7. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty [The Complete Works: Canonical Texts]*. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1995– (the ongoing ed.) (In Russ.)
8. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie khudozhestvennykh proizvedeniy [Dostoevsky F. M. The Complete Works of Fiction]*. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1930, vol. 13: Articles. 650 p. (In Russ.)
9. *Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik [Dostoevsky: Works, Letters and Documents: Dictionary and Reference Book]*. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008. 470 p. (In Russ.)
10. Zavarkina M. V. The Problems of the Chronological Attribution of “the First” Notebook of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 4, pp. 70–93. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545741405.pdf (accessed on July 1, 2019). (In Russ.)
11. Zavarkina M. V. The Problems of the Chronological Attribution of “the Second” Notebook of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 2, pp. 5–39. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562145716.pdf (accessed on July 1, 2019). (In Russ.)
12. Zakharov V. N. The Ideas of “Vremya”, the Deeds of “Epokha”. In: *Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty [The Complete Works: Canonical Texts]*. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2004, vol. 5. (In Russ.)
13. Zakharov V. N. The Dostoevsky’s Code. Journalism as a Creative Idea of the Writer. In: *Dostoevskiy i Zhurnalizm [Dostoevsky and Journalism]*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2013, pp. 17–26. (Dostoevsky monographs; vol. 4). (In Russ.) (a)
14. Zakharov V. N. An Unpublished Autograph of Dostoevsky: F. M. Dostoevsky and S. P. Koloshin. In: *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Notes of Petrozavodsk State University. Ser.: Social Sciences and Humanities]*. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2013, November, no 7 (136), vol. 2, pp. 58–61. (In Russ.) (b)

15. Kaplin A.D. Preface. In: *Belyaev I.D. Lektsii po istorii russkogo zakonodatel'stva* [Belyaev I.D. *Lectures on the History of Russian Legislation*]. Moscow, Institute of Russian civilization Publ., 2011, pp.5–30. (In Russ.)
16. *Letopis' zhizni itvorchestva F.M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]. St.Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993, vol.1. 543p.; 1994, vol. 2. 592p. (In Russ.)
17. Maskevich E.D., Tikhomirov B.N. Some Facts from the Young Years of Mikhail and Fedor Dostoevsky (New Archival Materials of 1837–1839). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2019, no.2, pp.56–93. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562749532.pdf (accessed on July 10, 2019). (In Russ.)
18. Mezyer A.V. *Slovar' russkikh tsenzorov. Materialy k bibliografii po istorii russkoy tsenzury* [Russian Censors' Dictionary: Materials for the Bibliography on the History of Russian Censorship]. Moscow, 2000. 142p. (In Russ.)
19. *Neizdannyy Dostoevskiy: Zapisnye knizhki i tetradi 1860–1881 godov* [The Unpublished Dostoevsky: Notebooks and Workbooks of 1860–1881]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 727p. (Ser. "The Literary Heritage"; vol.83). (In Russ.)
20. Nechaeva V.S. *Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh «Vremya» (1861–1863)* [The Journal of Mikhail and Fedor Dostoevsky "Vremya" (1861–1863)]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 317p. (In Russ.)
21. Nechaeva V.S. *Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh «Epokha» (1864–1865)* [The Journal of Mikhail and Fedor Dostoevsky "Epokha" (1864–1865)]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 303p. (In Russ.)
22. Ornatskaya T. I. Dostoevsky's Handwriting. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, vol.6, pp.3–31. (In Russ.)
23. Tarasova N. A., Zavarkina M. V., Panyukova T. V. The Graphic Peculiarities of Dostoevsky's Manuscripts: Materials for Information Database. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2018, no. 4, pp. 17–69. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737853.pdf (accessed on July 5, 2019). (In Russ.)
24. Tikhomirov B.N. Dostoevsky's Addresses and Addressees in St.Petersburg (More on the Problem of Regional Comments on the Address Records of the Writer). Article Two. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2018, no.3, pp.56–105. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541001296.pdf (accessed on July 5, 2019). (In Russ.)
25. Tunimanov V.A. Comments: F.M.Dostoevsky. A Number of Articles About Russian Literature. Books and Literacy. In: *Sobranie sochineniy: v 15 tomakh* [Collected Works: in 15 Vols]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, vol.11, pp.445–467. (In Russ.)
26. *Khronika roda Dostoevskogo* [The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty]. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2012. 1232 p. (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2019.4181

УДК 930.25

Б. Н. Тихомиров*Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

btikhomirov@rambler.ru

Петербург Достоевского-петрашевца (опыт построения справочника-путеводителя)*

Аннотация. Публикация представляет собою опыт создания справочника-путеводителя по Петербургу Достоевского-петрашевца. В систематическом порядке описываются все адреса Северной столицы, которые так или иначе оказываются значимыми для биографии Достоевского — участника социалистического кружка М. В. Буташевича-Петрашевского. Сообщаются сведения о событиях в жизни писателя, связанных с тем или иным адресом. Для всех сведений указываются документальные, мемуарные, эпистолярные и иные источники. Каждая статья-миниатюра, посвященная отдельному адресу, сопровождается пристатейной библиографией. Материалы справочника-путеводителя по возможности выстроены в хронологическом порядке — от кондитерской Вольфа, где в мае 1846 г. произошло знакомство Достоевского с Петрашевским, до Семеновского плаца, на котором 22 декабря 1849 г. состоялась инсценировка обряда смертной казни над петрашевцами, и маршрута отправки писателя в ночь перед Рождеством из Петропавловской крепости в Сибирь. Наряду с историческими адресами, описываемыми в соответствии с документами эпохи 1840-х гг., во всех случаях указывается современный адрес тех мест, где бывал Достоевский-петрашевец.

Ключевые слова: Достоевский, Петербург, петрашевцы, краеведение, адреса, маршруты, путеводитель, источники

Об авторе: *Тихомиров Борис Николаевич* — доктор филологических наук, президент Российского общества Достоевского, заместитель директора по научной работе, Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (Кузнечный пер., 5/2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191002)

Дата поступления: 05.07.2019

Дата публикации: 14.09.2019

Для цитирования: Тихомиров Б. Н. Петербург Достоевского-петрашевца (опыт построения справочника-путеводителя) // *Неизвестный Достоевский*. — 2019. — № 3. — С. 18–66. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4181

Казалось бы, тема «Петербург Достоевского», рассмотрению которой посвящены десятки статей и даже несколько специальных монографических изданий, изучена вдоль и поперек. Но это обманчивое впечатление. Стоит подойти поближе и взять, к примеру, какой-нибудь хронологически ограниченный период или сфокусировать внимание на какой-то отдельной стороне биографии Достоевского, как сразу бросаются в глаза серьезные лакуны и укоренившиеся ошибки и неточности в краеведческой литературе, затрагивающей названную тему. Также обнаруживается и другое — отсутствие строгого научного подхода в большей части публикаций, авторы которых указывают места в Северной столице, связанные с именем великого писателя, без каких-либо ссылок на источники

или не умея осуществить необходимую критику источников. Тема «Петербург Достоевского-петрашевца» в этом отношении весьма показательна. В биографической и краеведческой литературе твердо называется, пожалуй, лишь адрес самого писателя времени, когда он посещал социалистический кружок М. В. Буташевича-Петрашевского, — знаменитый дом Шиля на углу Малой Морской улицы и Вознесенского проспекта. Здесь ранним утром 23 апреля 1849 г. он был арестован, и данный адрес увековечен мемориальной доской, текст которой сообщает, что «в этом доме с 1847 по 1849 год жил Федор Михайлович Достоевский»¹. Указывается также кондитерская на Невском проспекте у Полицейского моста, в которой весной 1846 г. произошло знакомство Достоевского с Петрашевским, — событие, положившее начало «петрашевскому периоду» биографии писателя. Но уже здесь широко тиражируются устаревшие к середине 1840-х гг. сведения. Что же касается дома, где на «пятницах» у Петрашевского бывал Достоевский, то его адрес издавна называется краеведами неверно, так же как неверно дается его внешнее описание, а дата первого появления писателя на собраниях вольнодумцев, проходивших на Покровской площади в Коломне, даже в академическом издании указывается с вопиющим противоречием². Если к этому добавить, что из других адресов, где собирались петрашевцы (кружок Дурова, кружок Плещеева и др.), петербургскими краеведами обычно упоминается лишь дом Николая Спешнева на Кирочной улице, причем, как правило, без необходимой конкретизации, когда и в связи с чем там бывал Достоевский, то необходимость целостного и строго научного, с опорой на источники, рассмотрения темы, вынесенной в заголовок настоящей публикации, становится вполне очевидной.

Предварительно представляется целесообразным кратко изложить сведения об адресах самого писателя за период, который условно можно назвать «петрашевским». Впрочем, начальная граница этого периода является до некоторой степени дискуссионной. Навряд ли правомочным будет посчитать началом этого периода краткую встречу писателя с М. В. Буташевичем-Петрашевским на Невском проспекте в мае 1846 г., с которой началось их знакомство (см.: *Вольфа кондитерская*)³. После этой встречи пройдет еще почти полгода до первого появления Достоевского в доме Петрашевского. Тем не менее укажу, что писатель жил в это время во 2-м квартале Московской части, в доме Павловых по Троицкому переулку, № 31 на углу Щербакова переулка, № 11 (соврем. адрес: ул. Рубинштейна, № 32, угол Щербакова пер., № 10). Достоевский квартировал в этом доме очень короткое время, всего несколько недель, перед отъездом на всё лето 1846 г. к старшему брату Михаилу в Ревель, и нам мало что известно об этом его адресе⁴.

Впервые Достоевский, по-видимому, побывал в доме Петрашевского в Коломне 8 ноября 1846 г. Во всяком случае не позднее этой даты. Но посещения Петрашевского «пятниц» тогда отнюдь не стали у Достоевского регулярными. Это был особый случай — день ангела хозяина дома. При

каких обстоятельствах Достоевский получил приглашение на ужин по поводу именин Петрашевского, мы не знаем. Известно только, что он присутствовал в доме на Покровской площади с Валерианом Майковым, который называл Петрашевского «сумасбродным человеком», «не любил ни его, ни его собраний и старался с ним видаться как можно реже» (Д30; 18: 168). Такая аттестация Петрашевского человеком, мнение которого Достоевский уважал, тоже не располагала к тому, чтобы писатель начал регулярно бывать на журфиксах в этом доме. Впервые на собственно «пятничных» собраниях он появится лишь где-то месяца через три-четыре. Тем не менее укажем для полноты картины, что в ноябре 1846 г. писатель проживал во 2-м квартале 2-й Адмиралтейской части, в доме купца 3-й гильдии Бернгардта Кохендёрфера, на углу Большой Мещанской улицы и Казанской площади, № 1/29, в квартире мадам Капдевилль⁵.

В доме Кохендёрфера Достоевский тоже прожил недолго, немногим более трех месяцев. Следующий его адрес, с декабря 1846 г., — в доме титулярного советника Василия Солошича на Большом проспекте Васильевского острова. Писатель в это время являлся деятельным участником молодежного кружка братьев Бекетовых, членами которого были Д. В. Григорович, А. Н. Плещеев, Вал. Н. Майков, А. В. Ханыков и другие. Достоевский даже поселился на одной квартире с Алексеем, Андреем и Николаем Бекетовыми, именую их совместное житье-бытье «ассоциацией». Он был очень увлечен новыми дружескими отношениями, и в эти месяцы у него не было потребности посещать еще какие-то иные кружки.

Скорее всего, именно тогда, когда из-за отъезда в феврале 1847 г. братьев Бекетовых из Петербурга в Казань «ассоциация» прекратила свое существование, Достоевский и начал посещать «пятницы» Петрашевского на Покровской площади. Сам он в это время переехал с Васильевского острова в дом купца 3-й гильдии Якова Шиля, находившийся во 2-м квартале 1-й Адмиралтейской части, на углу Малой Морской улицы и Вознесенского проспекта, № 24/7 (соврем. № 23/8). Здесь он занимал небольшую комнату на третьем этаже в меблированных номерах Бреммера. Этот адрес писателя и является важнейшим, от которого «веером» расходятся все маршруты Достоевского-петрашевца — и на «пятницы» в Коломну, и на собрания кружков Плещеева и Дурова, и в дома Спешнева и Григорьева, и к ближайшему другу Аполлону Майкову, которого писатель однажды ночью безуспешно агитировал вступить в «особое тайное общество», выделившееся из среды петрашевцев.

Сюда, в дом Шиля, не однажды к Достоевскому заходил М. В. Петрашевский, именно здесь осенью 1847 г. познакомившийся с приехавшим в Северную столицу из Ревеля братом писателя Михаилом Михайловичем⁶. После этого и старший Достоевский стал посетителем «пятниц» Петрашевского в Коломне. Сюда заходили и другие петрашевцы — Плещеев, Головинский, Филиппов...

Однако, вопреки укоренившемуся представлению, которое нашло отражение даже в тексте мемориальной доски, установленной 24 августа 2000 г. на доме Шиля, это не единственный адрес Достоевского в период посещения им в 1847–1849 гг. «пятниц» Петрашевского. Является малоизвестным тот факт, что с января 1848 г., оставив квартиру Бреммера, Достоевский несколько месяцев прожил в невзрачном доме коллежского асессора Михаила Протопопова в 4-м квартале 3-й Адмиралтейской части, на Большой Подъяческой улице, № 6 (соврем. № 7). И хотя в бумагах писателя сохранилась полицейская регистрация по этому адресу, в краеведческой литературе он до последнего времени не упоминался⁷.

27 сентября 1847 г. в Петербург приехал вышедший в отставку Михаил Достоевский и первоначально поселился у брата Федора в квартире Бреммера. Но жить вдвоем в одной комнате братьям было тесно. Вот почему в январе 1848 г. они вдвоем сняли более обширное помещение на Большой Подъяческой улице в доме Протопопова. В первой декаде апреля 1848 г. к Михаилу из Ревеля приехала жена Эмилия Федоровна с детьми, и они семейно поселились в доме купца М. Неслинда на Невском проспекте. Достоевский же остался один на Большой Подъяческой, где прожил до конца мая — начала июня. Летние месяцы он провел на даче в Парголово, а затем вновь вернулся в квартиру Бреммера в доме Шиля, о чем, кстати, свидетельствует повторная полицейская регистрация писателя по этому адресу, датированная 9 сентября 1848 г.⁸

Бывал ли кто-нибудь из петрашевцев в гостях у Достоевского в доме Протопопова, документально не установлено. Но то, что сам писатель в первой половине 1848 г. ходил из этого дома на «пятницы» Петрашевского в Коломну, бесспорно. Так что и данный адрес необходимо отметить на карте Петербурга Достоевского-петрашевца.

И тем не менее важнейшим, несмотря на сделанное важное уточнение, для избранной темы остается дом Якова Шиля. Именно здесь в ночь с 22 на 23 апреля 1849 г. Достоевский был арестован. Вот как он сам рассказал об этом событии:

«Двадцать второго или, лучше сказать, двадцать третьего апреля (1849 год.) я воротился часу в четвертом от Григорьева, лег спать и тотчас же заснул. Не более как через час я, сквозь сон, заметил, что в мою комнату вошли какие-то подозрительные и необыкновенные люди. Брякнула сабля, нечаянно за что-то задевшая. Что за странность? С усилием открываю глаза и слышу мягкий, симпатический голос: “Вставайте!”

Смотрю: квартальный или частный пристав, с красивыми бакенбардами. Но говорил не он; говорил господин, одетый в голубое (то есть жандарм. — Б. Т.), с подполковничьими эполетами.

— Что случилось? — спросил я, привстав с кровати.

— По повелению...

Смотрю: действительно “по повелению”. В дверях стоял солдат, тоже голубой. У него-то и звякнула сабля... “Эге, да это вот что”, — подумал я. <...>

Пока я одевался, они потребовали все книги и стали рыться; не много нашли, но всё перерыли. Бумаги и письма мои аккуратно связали веревочкой. Пристав обнаружил при этом много предусмотрительности: он полез в печку и пошарил моим чубуком в старой золе. Жандармский унтер-офицер, по его приглашению, стал на стул и полез на печь, но оборвался с карниза и громко упал на стул, а потом со стулом на пол. Тогда прозорливые господы убедились, что на печи ничего не было. <...>

Мы вышли. Нас провожала испуганная хозяйка и человек ее, Иван, хотя и очень испуганный, но глядевший с какою-то тупою торжественностью, прилично событию, впрочем, торжественностью не праздничною. У подъезда стояла карета; в карету сел солдат, я, пристав и полковник; мы отправились на Фонтанку, к Цепному мосту у Летнего сада» (ДЗ0; 18: 174).

Достоевский здесь не во всех деталях точен. Так, он называет жандармского офицера, руководившего арестом, то подполковником, то даже полковником, но из документов известно, что предписание произвести арест писателя получил *майор* жандармского дивизиона Василий Чудинов⁹. Однако в целом картина воссоздана вполне достоверно¹⁰, и нет никаких оснований всерьез рассматривать альтернативный сценарий этих событий, апеллируя к фантастическим «воспоминаниям» с чужих слов, да еще зафиксированным в двойном пересказе, согласно которым, якобы, когда полиция явилась в меблированные номера Бреммера, «дверь к Достоевскому была заперта. Когда жандармы выломали ее, то Достоевский стоял у разбитого окна, в которое намерен был броситься, но вовремя был остановлен жандармами. Он долго боролся, пока его не взяли и не вынесли из дома на руках совершенно обессиленного» [Пинчук: 38]. Это, конечно же, чистой воды вымысел!

Рассмотрев собственные адреса писателя за интересующий нас период, перехожу к иным краеведческим материалам, организованным в форме своеобразного справочника-путеводителя, состоящего из статей-миниатюр, каждая из которых посвящена определенному петербургскому адресу. Дальнейшее изложение будет построено как систематическое представление данных обо всех местах на карте Петербурга, так или иначе связанных с биографией Достоевского-петрашевца, — от его первой встречи с М. В. Буташевичем-Петрашевским в мае 1846 г. до инсценировки смертной казни на Семеновском плацу морозным утром 22 декабря 1849 г. и отправки писателя через два дня, в ночь перед Рождеством, по этапу в Сибирь. В заголовочной части каждой статьи дается топографическое (кондитерская Вольфа, дом Спешнева, квартира Майкова), административное (III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, секретный

дом Алексеевского равелина) или условное, традиционно принятое в исторической литературе («пятницы» Петрашевского, кружок Дурова, «фаланстер» Головинского и Барановского) обозначение мест, где происходили события, относящиеся к избранной теме. Указывается их исторический и современный адрес. Характеризуются, с указанием точных дат или хронологического интервала, события, связанные в биографии Достоевского-петрашевца с данным местом Северной столицы. В обязательном порядке приводятся источники излагаемых сведений. Каждая статья сопровождается списком литературы вопроса. Тексты Достоевского цитируются по академическому Полному собранию сочинений (*Д30*) с указанием при цитатах в скобках тома и страницы; для томов 28–30 также указывается номер полутома (книги). По принятому в справочной литературе обыкновению сам Достоевский обозначается в тексте сокращенно — литерой Д. Также сокращенно, первыми буквами, обозначается в тексте каждой статьи повторяющаяся в изложении ее заголовочная часть (например: **Семеновский плац** —> **С. п.**).

Последовательность статей в общей композиции справочника-путеводителя «Петербург Достоевского-петрашевца» по возможности подчинена хронологии событий в жизни писателя: от весны 1846-го до декабря 1849 г. Адреса, которые писатель посещал в течение длительного времени, как правило, регистрируются с учетом начальной даты.

* * *

Вольфа кондитерская (быв. Вольфа и Беранже). После перестройки, имевшей место в 1834 г., старинная кондитерская швейцарца С. Вольфа и француза Т. Беранже, находившаяся на Невском проспекте, у Полицейского моста через Мойку, в доме купца Михайлы Котомина, № 19 (соврем. № 18), приобрела новый облик, будучи оформленной в китайском стиле, и получила название «Café chinois» — «Китайская кофейня» (1, с. 533–534). К 1843 г. (или даже ранее) компаньоны разошлись: Беранже открыл собственную ресторацию на углу Вознесенского проспекта и Адмиралтейской площади, а их заведение на Невском проспекте стало именоваться «Китайский кафе Саломона Вольфа» (2, с. 132). «Ни в одной кондитерской, — вспоминал современник, — не было столько журналов и газет, как здесь, и затем молодежь пила здесь кофе и шоколад чуть не ведрами...» (3, с. 168). Д. нередко появлялся в «Китайской кофейне» Вольфа, которая имела репутацию своеобразного «литературного клуба». Именно здесь в мае 1846 г. произошла судьбоносная встреча писателя с М. В. Буташевичем-Петрашевским (4, с. 100–108; 5, с. 37–39). «Знакомство наше было случайное, — вспоминал об этом событии Д., отвечая в июне 1849 г. на вопросы Следственной комиссии. — Я был, если не ошибаюсь, вместе с Плещеевым, в кондитерской у Полицейского моста и читал газеты. Я видел, что Плещеев остановился говорить с Петрашевским, но я не разглядел лица Петрашевского. Минут

через пять я вышел. Не доходя Большой Морской (то есть непосредственно перед домом Кононова. — *Б. Т.*), Петрашевский поровнялся со мною и вдруг спросил меня: “Какая идея вашей будущей повести, позвольте спросить?” Так как я не разглядел Петрашевского в кондитерской и он там не сказал со мною ни слова, то мне показалось, что Петрашевский совсем посторонний человек, попавшийся мне на улице, а не знакомый Плещеева. Подоспевший Плещеев разъяснил мое недоумение: мы сказали два слова и, дошедши до Малой Морской, расстались. Таким образом, Петрашевский с первого раза завлек мое любопытство» (*ДЗ0*; 18: 138). «Эта первая встреча с Петрашевским была накануне моего отъезда в Ревель», — свидетельствует Достоевский (*ДЗ0*; 18: 138). В Ревель (ныне Таллин) погостить в летние месяцы у брата Михаила писатель отправился на пароходе «Сторфурстен» 24 мая 1846 г. (см.: Северная пчела. 1846. 28 мая. № 117. С. 468. Пароходство <Список пассажиров>). Таким образом, устанавливается время знакомства Достоевского с Петрашевским.

Лит.: (1) Северная пчела. 1835. 18 июня. № 134; (2) *Греч*. 1846; (3) *Алянский*. Т. 3; (4) *Тихомиров*. 2012; (5) *Тихомиров*. 2018.

Петрашевского «пятницы». Знакомство Д. с М. В. Буташевичем-Петрашевским (1821–1866) на Невском проспекте, около *Вольфа кондитерской*, состоялось в мае 1846 г. Согласно показаниям Д. Следственной комиссии по делу петрашевцев, он пошел к Петрашевскому после этой встречи «в первый раз уже около поста, сорок седьмого года» (*ДЗ0*; 18: 138). Великий пост начинался в 1847 г. 3 февраля. Казалось бы, с января-февраля 1847 г. и надо вести биографам Д. счет посещения писателем **П. п.** в Коломне, в доме на Покровской площади. Однако другое его показание заставляет отнести эту дату на три месяца ранее. Еще на одном допросе Д. показал, что он был на приеме «в именины Петрашевского, в *званный вечер*» (*ДЗ0*; 18: 168). Составители «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» датировали это событие 8 ноября 1847 г. (1, с. 138). Но поскольку Д. называет присутствовавшего вместе с ним на именинах Валериана Майкова, утонувшего 27 июля 1847 г., то это могло быть только 8 ноября 1846 г. С этой датой корреспондирует и другое свидетельство Д.:

«В первые два года знакомства (то есть с осени 1846 по осень 1848 г. — *Б. Т.*) я бывал у Петрашевского очень редко; иногда не бывал по три, по четыре месяца и более. В последнюю же зиму я стал ходить к нему чаще» (*ДЗ0*; 18: 138).

Где проходили **П. п.**? На этот вопрос даются разные ответы. Дело в том, что на Покровской площади в Коломне у Петрашевских было два дома. Их исторический адрес: в 4-м квартале 4-й Адмиралтейской части по Большой Садовой улице № 116 и № 118 (2) (соврем.: участок дома № 109, левая часть, и № 111–113). Начиная с книги историка Северной столицы

П. Н. Столпянского «Революционный Петербург» (1922) в краеведческой литературе укрепилось мнение, что **П. п.** проходили в первом из двух названных домов — № 116:

«Домик был деревянным, маленьким, типичным домиком старой Коломны; наверху крыши шел резной конек, резьба была и под окнами; на улицу выходило крылечко с покосившимися от времени ступеньками, лестница в два марша вела на второй этаж, ступеньки и дрожали, и скрипели...» (3, с. 10).

Дом этот сторел в конце 1850-х гг., чертежей его тоже не сохранилось. Так что в приведенной художественной зарисовке много произвольного¹¹. Важнее, однако, другое: М. В. Петрашевский проживал в этом домике с матерью и сестрами до осени 1845 г., занимая половину общей квартиры. Но затем он перебрался в соседний четырехэтажный каменный дом, заняв там на третьем этаже квартиру № 9¹². По-видимому, переезд был связан с начавшимися именно в это время собраниями на квартире хозяина, которые с февраля-марта 1846 г. приобрели регулярный характер. Б. В. Федоренко нашел уникальные документы, однозначно свидетельствующие в пользу дома № 118. В частности, сведения из переписки *Третьего отделения*, где прямо указано:

«...один (дом. — Б. Т.) большой, каменный, в несколько этажей, где живет сам Петрашевский, другой дом деревянный, рядом с первым, где живет мать с двумя незамужними дочерьми. Оба дома эти на Покровской площади» (4, 128).

Позднее, когда сын ее уже находился в Сибири, мать Петрашевского, печалуясь об убытках, которые она несла, сообщала, указав номер дома в более привычной для горожан старой нумерации 1830-х гг.:

«...доходов с дома № 346 недобрано <...> по следующим причинам: во 1-х, **квартира № 9 была занята совершеннолетним наследником, бывшим титулярным советником Петрашевским**, и оставалась после него опечатанною почти до конца года (видимо, до завершения работы Следственной комиссии. — Б. Т.) и тогда уже отдана жильцам...» (4, 129–130).

По описи, составленной в августе 1845 г., квартира № 9 выглядела так:

«На Садовую улицу <...> комнат 4, во двор две, передняя, 4 комнаты обиты обоями. Окон на улицу Садовую 8 и балкон, на площадь 3 окна, во двор три и на лестницу одно» (4, 124).

Вот в этой квартире с 1846 по 1849 г. проходили **П. п.** Здесь на именинах хозяина 8 ноября 1846 г. впервые появился Д.¹³

Указанный каменный 4-этажный дом на углу Садовой улицы и Покровской площади был построен в начале XIX в.; в 1874 г. архитектором Э. Г. Юргенсом был надстроен пятый этаж; в 1909 г. дом был капитально перестроен архитектором С. Г. Гингером (5, с. 97)¹⁴.

В показаниях Следственной комиссии Петрашевский сообщал:

«В начале 1846 года в феврале или марте назначил я пятницу для приема приятелей. Они были весьма малочисленны до 1848 года <...>. В течение этого времени, т. е. с 1846 по 1848, речей никто не говорил, а был обыкновенный простой разговор. Разговоры сии особого характера и духа не имели, а определялись личностью говорящего» (6, с. 152–153).

«В мае 1848 года сделал я предложенье для прекращения бессвязного разговора, чтоб всякий говорил о том, что лучше знает, но сие тогда не привелось в исполнение — по причине разъезда на дачи. С ноября же 1848 года я старался, чтоб у меня на вечерах по пятницам обыкновенно кто-нибудь о чем-нибудь говорил <...>. Предложение мое состояло, чтоб рассуждаемо было ученым образом...» (6, с. 150).

Петрашевский, конечно же, в этой характеристике своих вечеров о многом умалчивает (так, например, еще в первой половине 1848 г. Н. Я. Данилевский систематически излагал на **П. п.** систему Фурье), но, как представляется, вектор внутреннего развития обстановки на собраниях в своем доме он обозначает относительно верно. О развернутых, иногда читавшихся на нескольких «пятницах» подряд «ученых» докладах, например, К. И. Тимковского (о фурьеризме), Ф. Г. Толля (о происхождении религии) или И. Л. Ястржембского (о первых началах политической экономии) известно лишь в отношении последних месяцев существования **П. п.** И показательно, что, по уже приведенному признанию Д., именно начиная с зимы 1848/49 г. он начинает «ходить к нему [Петрашевскому] чаще». Но и в этот период «был у него не более восьми раз» (ДЗ0; 18: 118, 138).

Данных о первых двух годах посещения Д. дома на Покровской площади крайне мало. Известно, что в самом начале 1848 г. он привел на вечера к Петрашевскому своего старшего брата Михаила, незадолго до этого переехавшего в Петербург из Ревеля. Сохранилось мемуарное свидетельство, что на вечерах у Петрашевского Д. «читал отрывки из своих повестей “Бедные люди” и “Неточка Незванова”» (9, с. 294), причем последняя, над которой он работал с конца 1846 г., была представлена «гораздо полнее», чем будет затем напечатана. Но участвовал он не только в литературных разговорах. «Как теперь <...> вижу я перед собою Федора Михайловича на одном из вечеров у Петрашевского, — вспоминал К. М. Дебу, — вижу и слышу его рассказывающим о том, как был прогнан сквозь строй фельдфебель финляндского полка, отмстивший ротному командиру за варварское обращение с его товарищами, или же о том, как поступают помещики со своими крепостными. <...>

...помню, с каким живым человеческим чувством относился он и тогда к тому общественному "проценту", олицетворением которого явилась у него впоследствии Сонечка Мармеладова (не без влияния, конечно, учения, Фурье)» (10, с. 90–91).

Осенью 1848 г. неоднократно (по крайней мере дважды) с речами на П. п. выступал приехавший из Ревеля страстный фурьерист К. И. Тимковский. Он говорил «о Фурье, как о гении, который должен стоять выше всех гениев философов, как то: Платона, Аристотеля, Декарта, Лейбница, Гегеля, потому что он первый обратил внимание на существенное, т. е. материальное благосостояние и предложил средства к осуществлению (своей системы. — Б. Т.), тогда как философы ограничивались только метафизическими прениями» (8, с. 321). По заключению Д., который слушал речь Тимковского на двух вечерах в ноябре — начале декабря 1848 г. (7, с. 426), это «один из тех исключительных умов, которые если принимают какую-нибудь идею, то принимают ее так, что она первенствует над всеми другими, в ущерб другим. Его поразила только одна изящная сторона системы Фурье, и он не заметил других сторон, которые бы могли охладить его излишнее увлечение Фурье» (Д30; 18: 152). Оценка, данная Д., обнаруживает, что он сам достаточно владеет обсуждаемым материалом и глубоко продумал свое личное отношение к теории Фурье.

По-видимому, в ноябре или декабре 1848 г. Д. выступил на П. п. с речью «о личности и об эгоизме» (Д30; 18: 128). Это было едва ли не единственное его подготовленное монологическое выступление перед петрашевцами. Но его понимание человеческой личности, ее нравственно-психологических отношений с обществом были далеки от взглядов большинства собравшихся. Скорее всего, об этом его выступлении так пренебрежительно отозвался Р. А. Черносвитов: «Г<осподин> Достоевский говорил что-то, но что — неизвестно, кажется никто из бывших на вечере ничего не понял» (6, с. 445).

Другое заметное выступление Д., явившееся импровизацией, состоялось, как можно заключить, в конце февраля 1849 г., когда между Петрашевским, с одной стороны, и Дуровым и Пальмом, с другой, возник спор «о достоинстве Гоголя и Крылова и кто из них более пользы произвел и более известен народу» (8, 116). Петрашевский отрицал, что Крылов был великий художник, и Д. «отлично опроверг его» (8, с. 244), показав, что Крылов «истинно-народный писатель» (6, с. 399), а Петрашевский «ложно понимает искусство». «В этом споре, — свидетельствовал А. И. Пальм, — мы (т. е. Дуров, Достоевский и я), совершенно поняли Петрашевского и потом уже стали считать его человеком сухим, без сердца, живущим в мечтах о всеобщем совершенстве, о какой-то смешной утопии» (8, с. 263). По донесению полицейского агента П. Антонелли, внедренного в среду петрашевцев, на вечере 4 марта 1849 г. Петрашевский также спорил с братьями Достоевскими, «упрекая их в манере писания, которая будто бы не ведет ни к какому развитию идей

в публике» (8, с. 412). Возможно, это было продолжение спора о Крылове, разгоревшегося на предыдущей «пятнице».

Вопрос об искусстве, о «пользе», которую оно должно приносить, не был единственным, по которому расходились Д. и Петрашевский. Важнее было расхождение в вопросе о религии. По позднему свидетельству Н. А. Спешнева, на Д. «Петрашевский производил отталкивающее впечатление тем, что был безбожник и глумился над верой» (10, с. 91). Но в те годы атеистом был и сам Спешнев, читавший у Петрашевского «трактат об атеизме». «...На религию по-фейербаховски смотрели Толль, Ахшарумов и др.». А вот Дуров, по характеристике Д., напротив, был «до смешного религиозен» (10, с. 94). Когда Ф. Г. Толль в своей речи 11 марта 1849 г. «о происхождении религии» доказывал, что «она не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна», то П. Н. Филиппов решительно ему возражал, а затем пересказывал свой спор с Толлем отсутствовавшему в тот вечер Д. (Д30; 18: 140).

Все это рисует сложную картину мировоззренческих противоречий между участниками **П. п.** С серьезной остротой вставляли в среде петрашевцев и межличностные отношения. Так, в ноябре 1848 г. после общения с приехавшим из Сибири Р. А. Черношвитовым, который говорил и вел себя так, что возникало впечатление, будто он «или эmissар, или глава какого-нибудь тайного общества в Сибири» (11, с. 235), Д., выйдя от Петрашевского на улицу, сказал Спешневу:

«...черт знает, этот человек говорит по-русски, точно как Гоголь пишет <...>. Знаете что, Спешнев, — мне кажется, что Черношвитов просто шпион» (8, с. 458).

Спешнев в свою очередь довел это мнение до сведения Петрашевского, и тот до конца был уверен, что Черношвитов — «agent-provocateur» (6, с. 115, 116, 129). В то же время настоящий полицейский агент П. Д. Антонелли, который начиная с 11 марта 1849 г. присутствовал на всех **П. п.**, пользовался со стороны хозяина дома полным доверием, и лишь незадолго до ареста Петрашевский начал проявлять в отношении него некоторую настороженность.

15 апреля 1849 г. — роковое для Д. число. В этот день на **П. п.** в присутствии двадцати человек, среди которых был провокатор П. Антонелли, он прочел знаменитое зальцбруннское письмо Белинского к Гоголю, «наполненное, — как сказано в заключении генерал-аудиториата, — дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти» (12, 180). Д. уверял Следственную комиссию, что он прочел переписку Белинского с Гоголем «ни более ни менее как литературный памятник, твердо уверенный, что она никого не может привести в соблазн» (Д30; 18: 128). Но судьи не приняли его резонов. Агент Антонелли доносил, что «письмо произвело общий восторг. Ястржембский при всех местах, его поражавших, вскрикивал: Отто так!

Отто так! <...> Балосогло приходил в исступление, и, одним словом, всё общество было как бы наэлектризовано» (8, 435).

Именно чтение письма Белинского было инкриминировано Д. Военно-судной комиссией как главное его преступление с последующим приговором:

«...лишить, на основании Свода военных постановлений <...> чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием», — замененным по высочайшей конфирмации новым: «...лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях <...> “на четыре года, а потом рядовым”» (12, 177, 180).

По свидетельству доктора С. Д. Яновского, последний раз Д. был на **П. п.** 22 апреля 1849 г., в вечер накануне ареста (9, с. 242). Однако в доносе агента П. Антонелли указано, что в этот день на **П. п.** присутствовал только Михаил Достоевский (8, с. 441). Если Антонелли не спутал двух братьев Достоевских, то свидетельство Яновского нужно признать абберрацией памяти мемуариста (также см.: *Яновского квартира*).

В 1862–1863 гг., набрасывая планы переработки повести «Двойник», созданной и опубликованной еще до знакомства писателя с Петрашевским (1846), Д. намечает эпизод посещения господином Голядкиным **П. п.** В рукописных набросках фигурируют «Тимковский как приехавший. Система Фурье. Благородные слезы». Господин Голядкин-младший «говорит речи». На другой день господин Голядкин-старший идет к Петрашевскому. «Застает, что тот читает дворнику и мужикам своим систему Фурье, и уведомляет его, что тот (то есть господин Голядкин-младший. — Б. Т.) донесет». Но Петрашевский «уже предупрежден младшим, что этот донесет, да и говорит: “Вы-то и есть доносчик”» (ДЗ0; 1: 435). Замысел этот остался неосуществленным. Впечатления от **П. п.** в определенной мере отразились и в работе Д. над романом «Бесы» (1871–1872).

Лит.: (1) *Летопись*. Т. 1; (2) *Цылов. Атлас*. Л. 64, с. 183; (3) *Столянский*; (4) *Федоренко*; (5) *Архитекторы-строители*; (6) *Дело петрашевцев*. Т. 1; (7) *Дело петрашевцев*. Т. 2; (8) *Дело петрашевцев*. Т. 3; (9) *Д. в воспоминаниях*. Т. 1; (10) *Биография*; (11) *Петрашевцы*. 1926–1928. Т. 3; (12) *Бельчиков*.

Спешнева дом. Николай Александрович Спешнев (1821–1882) жил в собственном 2-этажном доме, которым владел с 1841 г., по адресу: Кирочная улица, № 17 (соврем. № 14) (1). Дом был построен в 1836 г. (архитектор Л. В. Глама) и без серьезных перестроек сохранился до нашего времени.

Н. А. Спешнев стал регулярно посещать *Петрашевского «пятницы»* с начала 1847 г. Со времени около Великого поста 1847 г. посетителем собраний у Петрашевского стал и Д., но первоначально он бывал в доме на Покровской площади «очень редко; иногда не бывал по три, по четыре месяца и более» (ДЗ0; 18: 138). Поэтому установить точно, когда состоялось знакомство

Спешнева и Д., не представляется возможным. Но их сближение, по-видимому, началось с осени 1848 г. И нет данных, позволяющих более ранним временем датировать признание Д. Следственной комиссии:

«Со Спешневым я был знаком лично, ездил к нему, но на собраниях у него не бывал и почти в каждый приезд мой к нему заставал его одного» (Д30; 18: 153).

Это свидетельство, однако, требует серьезных коррективов. Тактикой Д. во время следствия было признание лишь того, что и без него уже было известно Следственной комиссии. Характерно, что именно общение со Спешневым он старается затушевать в своих показаниях. Лишь из свидетельства самого Спешнева известно, что осенью 1848 г. пришли к нему «в одно время Плещеев и Достоевский и сказали, что им хотелось бы сходиться с своими знакомыми в другом месте, а не у Петрашевского <...> и что он, Спешнев, может то же делать» (2, с. 59). Именно после этого начались собрания *Плещеева кружка*, но в своем доме ничего подобного Спешнев устраивать не стал, а если и приглашал к себе кого-то из петрашевцев, то вполне приватно, не афишируя этих встреч. Только после прямого вопроса Следственной комиссии об обеде у Спешнева, устроенном 2 апреля 1849 г., на котором присутствовали С. Ф. Дуров, А. И. Пальм, В. А. Головинский, братья Евгений и Порфирий Ламанские, Н. А. Кашевский, Ф. Н. Львов, А. Д. Щелков, П. Н. Филиппов, Н. А. Мордвинов и Михаил Достоевский (3, с. 245), Д. подтвердил, что он был на этом собрании, где поручик Н. П. Григорьев читал сочиненный им памфлет «Солдатская беседа», но и здесь подчеркнул, что этот обед «навязали» Спешневу члены *Дурова кружка* после того, как между ними на предшествующем заседании произошел идейный конфликт и вечера на Гороховой улице решено было отменить. Отсутствие единомыслия у собравшихся в С. д. 2 апреля Д. акцентировал в словах: «После обеда разошлись тотчас же», отметив также: «Спешнев решительно объявил, что <...> ему неудобно звать в другой раз» (Д30; 18: 158, 157).

Д. последовательно стремится создать впечатление, что Спешнев является решительным противником каких-либо идейных, политизированных собраний в своем доме и что их лично связывают исключительно приватные отношения. Можно предположить, что так он пытался закамouflировать то обстоятельство, что в С. д. при его участии проходили собрания организованного Спешневым тайного общества, о котором он в январе 1849 г. рассказал во время посещения *Майкова квартиры*. В это тайное общество, по позднему свидетельству А. Н. Майкова, кроме Д. и Спешнева, входили П. Н. Филиппов, Н. А. Момбелли, Н. П. Григорьев, Н. А. Мордвинов и В. А. Милютин. Целью общества было «произвести переворот в России», а для начала развернуть печатную агитацию, заведя типографский станок, который «заказывали по частям в разных местах, по рисункам Мордвинова» (4, с. 272).

На следствии Спешнев признал, что он «решился было устроить у себя типографию и упробил подсудимого Филиппова заказать разные части типографского станка» (2, с. 64), но утверждал, что это исключительно его личная инициатива, никак не связанная с организацией какого-либо тайного общества. По свидетельству Майкова, «при обыске у Мордвинова, у которого стоял станок, на него не обратили внимания, ибо он стоял в физическом его кабинете, где были разные машины, реторты и проч. Комнату просто запечатали, и родные сумели, не ломая печати, снять дверь и вынести злополучный станок» (4, с. 273). Однако Филиппов показал на следствии, что заказанные «для типографии нужные вещи <...> привезены были к Спешневу (а не к Мордвинову. — Б. Т.) и оставлены, по его вызову, в квартире его» (2, с. 194).

Существуют официальные документы, которые крайне сложно интерпретировать и согласно которым между 8 и 15 мая 1849 г. опечатанная во время ареста квартира Спешнева «была опечатана Действительным Статским Советником <И. П.> Липранди с Корпуса Жандармов Подполковником Брянчаниновым и всё найденное подозрительным взято ими с собою» (5, с. 318–319). Этот обыск проводили сотрудники Министерства внутренних дел. Спустя три или четыре недели, 7 июня, после показаний Филиппова (4 июня) и, возможно, Спешнева, повторный обыск, инициированный Следственной комиссией, и именно с целью найти следы типографии, проводили жандармские чины (по предписанию № 1235 управляющего *Третьим отделением* генерал-лейтенанта Л. В. Дубельта). Полковник <А. С.> Станкевич и помощник надзирателя Чудинов провели «самый тщательный обыск в квартире <...> Спешнева, но при всех принятых мерах домашней Типографии не найдено» (5, с. 319). «...Чугунной доски и оловянных букв мною не отыскано», — рапортовал по начальству Станкевич (5, с. 323). Миссия чиновника особых поручений МВД И. П. Липранди, проводившего без ведома III Отделения обыск в С. д., до сих пор не получила в исследовательской литературе внятного объяснения. Но остается фактом, что ничего из изъятых им на квартире Спешнева «подозрительных предметов» не дошло до Следственной комиссии. «Из политического процесса выпало самое “криминальное” звено», — резюмирует исследователь (5, 326).

Есть основания полагать, что, вопреки заявлениям Спешнева и Филиппова, которые настаивали на следствии, что к планам завести тайную типографию никто более, кроме них двоих, не был причастен, Д., как и некоторые другие члены организованного Спешневым «особого тайного общества», был посвящен в типографский проект (почему и стремился в своих показаниях «вывести из-под огня» собрания в С. д.). Об этом позволяет говорить позднейшая реакция Д., когда он ознакомился с изданной в 1875 г. в Лейпциге книгой «Общество пропаганды в 1849 году: Собрание секретных бумаг и высочайших конфирмаций», в которой впервые были опубликованы материалы Следственной комиссии:

«Я <...> не вижу в ней (книге. — Б. Т.) моей роли... Многие обстоятельства <...> совершенно ускользнули; целый заговор пропал» (6, с. 90).

В последние полгода перед арестом у Д. сложились со Спешневым совершенно особые личные отношения. Не случайно он свидетельствовал на допросах, что, когда посещал С. д., хозяин обычно бывал дома один. Как вспоминал доктор С. Д. Яновский, ранее Д. сторонился Спешнева.

«Я его мало знаю, — говорил он, — да, по правде, и не желаю ближе с ним сходиться, так как этот барин чересчур силен и не чета Петрашевскому» (7, с. 248).

Играло свою роль и то обстоятельство, что Спешнев был достаточно равнодушен к литературному творчеству Д. Но начиная с осени 1848 г. между ними произошло сближение, которое, по свидетельству того же мемуариста, сопровождалось повышенной нервозностью и явной депрессией писателя:

«...он сделался каким-то скучным, более раздражительным, более обидчивым и готовым придирается к самым ничтожным мелочам и как-то особенно часто жалующимся на дурноты» (7, с. 248).

На заверения доктора, что он не находит у него никакого органического расстройства и, значит, скоро всё пройдет, Д. возразил:

«Нет, не пройдет, а долго и долго будет меня мучить, так как я взял у Спешнева деньги (при этом он назвал сумму около пятисот рублей серебром) и теперь я с ним и его. Отдать же этой суммы я никогда не буду в состоянии, да он и не возьмет деньгами назад; такой уж он человек. <...> Понимаете ли вы, что у меня с этого времени есть свой Мефистофель» (7, с. 248).

Доктор Яновский ничего не знал про тайное общество Спешнева, в которое именно в это время вступил Д., поэтому резкое изменение состояния писателя объяснял лишь одним долгом Спешневу, который не только ссудил его деньгами (дав под заемное письмо столь крупную сумму), но и «взял с него честное слово никогда о них не заговаривать» (7, с. 249). Однако имеет чрезвычайно нравственно-психологическое значение то обстоятельство, что Д. стал членом тайного общества, остро переживая свою зависимость от Спешнева, вплоть до того, что аттестовал его «своим Мефистофелем». «Слова Достоевского “теперь я с ним и его”, врезавшиеся в память Яновскому, — пишет биограф писателя, — указывали, что истинным векселем, который был выдан Спешневу под сумму в 500 рублей серебром, оказалась свобода воли должника. Значит, у Достоевского были основания, чтобы чувствовать себя запроданным и понимать условия займодавца как способ вербовки» (8, с. 198). «...“Пленение” Достоевского в конце 1848 года было

самой значительной акцией Спешнева по привлечению сторонников, готовых к агитации в пользу радикальных действий», — заключает тот же автор (8, с. 202).

Лит.: (1) Цылов. Атлас. Л. 201, с. 220; (2) *Петрашевицы*. 1926–1928. Т. 3; (3) *Дело петрашевцев*. Т. 3; (4) *Бельчиков*; (5) *Волгин*; (6) *Биография*; (7) *Д. в воспоминаниях*. Т. 1; (8) *Сараскина*.

Плещеева кружок. В отличие от *Дурова кружка*, который связан с П. к. преемственной связью, собрания, происходившие в конце 1848 — начале 1849 г. в квартире А. Н. Плещеева (1825–1893) по адресу: Литейный проспект, дом купчихи Матрены Шумиловой, № 47 (соврем. № 50) (1; 5, с. 303), не имели регулярного характера и постоянного состава участников. Образованию П. к. предшествовали переговоры его инициаторов, «которым почему-либо не нравилось общество Петрашевского», с Н. А. Спешневым, сообщившим в своих ответах Следственной комиссии, что «в ноябре <...> или в конце октября (1848 г. — Б. Т.) <...> пришли к нему, Спешневу, в одно время Плещеев и Достоевский и сказали, что им хотелось бы сходиться со своими знакомыми в другом месте, а не у Петрашевского <...> что будут они приглашать только тех из своих знакомых, в которых уверены, что они не шпионы <...>. Это общество иначе он не может назвать, как от страха перед полицией» (2, с. 59).

Первое собрание П. к., по-видимому, состоялось 22 ноября 1848 г., в день рождения Плещеева. По его утверждению на следствии, в зиму 1848/49 г. у него на квартире собирались, «не так часто»: «Может быть, более трех раз, правда, но никак не более пяти» (5, 312). Спешнев также сообщил, что «салон» Плещеева имел «очень эфемерное существование: каких-нибудь месяца два» (2, с. 60). Однако в другом показании Следственной комиссии он указал, что собрания П. к. «были в продолжении трех месяцев зимою, сначала через две недели, через 10 дней, а потом в неделю раз» (5, с. 312). Они, очевидно, прекратились с образованием в конце февраля — начале марта 1849 г. *Дурова кружка*. Н. А. Момбелли свидетельствовал, что на последнем собрании у Плещеева ему, как и еще ряду лиц, «сделано было предложение принять участие в вечерах Пальма и Дурова» (3, с. 389). Возможно также, что поводом к прекращению собраний явился переезд Плещеева на новую квартиру, расположенную также на Литейном проспекте, в доме вдовы генерал-майора Елизаветы Пистолькорс, № 28 (соврем. № 29), где поэт проживал совместно со своей матерью (5, с. 303), хотя и в отдельных от нее покоях. Д. очевидно неоднократно бывал у А. Н. Плещеева и после переезда. Дом генеральши Пистолькорс не сохранился: на его месте сегодня стоит здание в стиле модерн, воздвигнутое в 1911–1912 гг. А вот дом купчихи Шумиловой, где проходили собрания П. к., напротив, сохранился в своем историческом виде: построенный в 1822–1823 гг., он был надстроен в 1831 г. и больше не перестраивался.

Среди участников **П. к.** сам хозяин квартиры назвал на следствии братьев Михаила и Федора Достоевских, Евгения и Порфирия Ламанских, А. И. Пальма, С. Ф. Дурова, Н. А. Спешнева, Н. А. Мордвинова, В. А. Головинского, В. А. Милютина, Н. Я. Данилевского, В. П. Безобразова и своего кузена А. В. Пальчикова (5, с. 309). В документах Следственной комиссии также фигурируют М. В. Петрашевский, П. Н. Филиппов, И. М. Дебу, К. И. Тимковский, Н. П. Григорьев, Ф. Г. Толль, А. П. Милюков (5, с. 60, 276). Однако среди дававших показания по делу петрашевцев не было никого, кто бы бывал на вечерах у Плещеева более одного-двух, много трех раз. Сам Плещеев настаивает, что собрания в его квартире не имели никакой иной цели, кроме дружеского общения. Но Григорьев заявил на следствии, что они носили характер «социально-политический» (5, с. 248), а Тимковский — что у Плещеева «более всего <...> говорили о социализме» (4, с. 439). По словам Пальма, Плещеев на одном вечере прочел из газеты «La Presse» речь Феликса Пиа, а Милюков по рукописи запрещенную цензурой статью А. И. Герцена «Петербург и Москва» (5, с. 276).

Д. познакомился с Плещеевым еще в начале 1846 г., когда они оба входили в кружок братьев Бекетовых. Во второй половине 1840-х гг. они были в очень близких отношениях и, конечно же, неоднократно бывали в гостях друг у друга. Но от времени до образования **П. к.** документальных свидетельств о визитах Д. к Плещееву почти не сохранилось. Единственное упоминание находим в материалах той же Следственной комиссии. В показаниях, датированных июнем 1849 г., Д. сообщает о встрече на квартире Плещеева «с лишком год назад» (то есть примерно в мае 1848 г.), «вечером, часов в 11-ть», с Н. Я. Данилевским и Н. А. Спешневым и состоявшейся между ними беседе «о возможности печатать за границею» на русском языке запрещенные книги (ДЗ0; 18: 166). «Разговор этот кончился тем, что положили стараться привести это в исполнение и прежде всего написать несколько статей», но данная инициатива не получила продолжения, подтвердил в своих показаниях и Данилевский (4, с. 332).

Что же касается собраний собственно **П. к.**, то Д. показал на следствии, что был на них «во всю зиму (1848/49 г. — Б. Т.) не более трех раз». В частности, он был на вечере, когда Милюков читал статью Герцена «Петербург и Москва». Д. настаивает, что читалась она «вовсе не для возмутительных целей и без предварительного намерения; а случайно, кажется потому, что под руку попала как легкая фельетонная статья, в которой много остроумия, хотя и бездна парадоксов» (ДЗ0; 18: 165–166).

О собрании у Плещеева «кружка близких Федору Михайловичу людей» сообщает также доктор С. Д. Яновский, но темы бесед он характеризует как вполне невинные. «...За ужином, — пишет мемуарист, не датируя это событие, — зашла речь о том, как бы достигнуть того, чтобы ни Греч, ни Булгарин и даже сам П. И. Чичиков (то есть А. А. Краевский. — Б. Т.) <...> никогда не лгали» (6, с. 246).

Лит.: (1) Цылов. Атлас. Л. 199, с. 267; (2) *Петрашевцы*. 1926–1928. Т. 3; (3) *Дело петрашевцев*. Т. 1; (4) *Дело петрашевцев*. Т. 2; (5) *Дело петрашевцев*. Т. 3; (6) *Д. в воспоминаниях*. Т. 1.

Дурова кружок. С первых чисел марта 1849 г. (или немного ранее) на квартире С. Ф. Дурова, А. И. Пальма и А. Д. Щелкова, живших совместно в доме купца Семена Ефимова на Гороховой улице, № 64, угол Казачьего переуллка, № 2 (соврем. № 61/1) (1, с. 49–50, 59–60; 2)¹⁵, чаще всего по субботам, начинает собираться часть посетителей «пятниц» М. В. Петрашевского, которые организуют свой музыкально-литературный кружок. **Д. к.** «был организован на паях, со взносом по три рубля серебром в месяц — на ужины и на прокат рояля» (3, с. 126). Участниками кружка, кроме хозяев, были братья Михаил и Федор Достоевские, Евгений и Порфирий Ламанские, А. Н. Плещеев, А. П. Милюков, Н. А. Мордвинов, П. Н. Филиппов, Н. А. Спешнев, Н. П. Григорьев, Н. А. Момбелли, Ф. Н. Львов и Н. А. Кашевский (4, с. 201). «Нас сблизило сходство мыслей и вкусов, — говорил Д. о хозяевах квартиры на Гороховой улице, — оба они, Дуров и особенно Пальм, произвели на меня самое приятное впечатление» (Д30; 18: 153).

Состав **Д. к.** не был однородным. В нем, с одной стороны, было умеренное крыло, прежде всего организаторы кружка Дуров и Пальм, которые потому и учредили собственные вечера, что тяготились социально-политической направленностью разговоров на собраниях у Петрашевского (к ним примыкал Михаил Достоевский; к умеренным также надо отнести Милюкова и Кашевского); с другой — участвовали такие радикалы, как Спешнев, Григорьев, Филиппов, Момбелли. На следствии по делу петрашевцев Д. показал, что Спешнева и Филиппова в **Д. к.** пригласил именно он (Д30; 18: 156). Всего состоялось семь собраний **Д. к.** По замыслу организаторов планировалось, чтобы на собраниях кружка «до ужина каждый прочел какую-нибудь литературную статью и выслушал на нее критику; после же ужина заниматься музыкой» (4, с. 201). По такой программе проходили первые заседания **Д. к.** Предположительно в один из таких субботних вечеров на квартире Дурова и Пальма Д. встретился с композитором М. И. Глинкой, который исполнял на рояле свои музыкальные произведения (5, с. 189–190).

Но уже к концу марта собрания **Д. к.** начали приобретать характер политический. В частности, «Момбелли и Григорьев излагали мысли писать статьи, противные правительству. Распространять же эти статьи предполагалось посредством домашней литографии» (4, с. 202). Такое предложение, вызвавшее жаркую дискуссию и раскол среди членов **Д. к.**, высказал П. Н. Филиппов. С этого времени «толки о Нью-Ламарке Роберта Оуэна и об Икарии Кабэ, а в особенности о фаланстере Фурье и теории прогрессивного налога Прудона занимали иногда значительную часть вечера» (6, с. 263). Реакцией на эту проявившуюся тенденцию явилось решение организаторов **Д. к.** с середины апреля 1849 г. прекратить «субботы» на Гороховой улице. Последнее

собрание состоялось 13 апреля. 17 или 18 апреля Дуров и Пальм разослали участникам Д. к. записки, что следующая встреча отменяется (4, с. 201).

Д. стал посещать квартиру Дурова и Пальма еще до формальной организации Д. к. Согласно его показаниям на следствии, зимой 1848/49 г. Д. с братом Михаилом, а также «Дуров, Пальм и Плещеев согласились издать в свет литературный сборник и поэтому стали видеться чаще. <...> ...естественно, родилась в нас потребность взаимного обобщения наших литературных идей и окончательного согласия в некоторых пунктах, касательно издания <...>. Сходились же мы всего чаще на квартиру Дурова, где нам было всего удобнее <...>. Скоро наши сходки обратились в литературные вечера, к которым примешивалась и музыка. Дуров приглашал самых близких из своих знакомых, мы ввели к Дурову своих; наконец эти сходки стали повторяться каждую неделю, и всего чаще бывали они в субботу» (Д30; 18: 154).

В показании Следственной комиссии Д. камуфлирует тот факт, что Д. к. «отпочковался» от *Петрашевского «пятницы»*. Но процесс сложения кружка, по-видимому, обрисовывает достоверно. По свидетельству А. П. Милюкова, на собраниях Д. к. Д. читал стихотворения Пушкина («Деревня»), Державина («Властителем и судьям») и Виктора Гюго; выслушав одну из глав «Paroles d'un croyant» [«Слова верующего», фр.] Ф. Ламеннэ, переведенных Милюковым на церковно-славянский язык, он сказал, что «суровая библейская речь этого сочинения вышла в <...> переводе выразительнее, чем в оригинале» (6, с. 264).

В начале апреля 1849 г. один из членов Д. к. привез Д. из Москвы от А. Н. Плещеева список с переписки Белинского и Гоголя. Получив его 7 апреля в квартире на Гороховой, он тут же прочел ее Дурову и Пальму, а вечером повторно — пришедшим Львову, Головинскому, Кашевскому, братьям Ламанским и др. В этот же день к Дурову зашел Петрашевский, и Д. предложил ему прочесть переписку на одной из ближайших «пятниц» в Коломне (Д30; 18: 158). Чтение состоялось на собрании у Петрашевского 15 апреля, и это стало самым серьезным обвинением, предъявленным Д. на следствии.

Лит.: (1) *Список лицам*; (2) *Цылов. Атлас*. Л. 121, с. 80; (3) *Егоров*; (4) *Дело петрашевцев*. Т. 3; (5) *Белов*. 2001. Т. 1; (6) *Д. в воспоминаниях*. Т. 1.

Майкова квартира. В 1848–1849 гг. поэт Аполлон Николаевич Майков (1821–1897) жил на Большой Садовой улице в доме полковника Ивана Аничкова, № 53 (соврем.: Садовая ул., № 48) (1, с. 272; 2). 5-этажный дом, построенный в 1836 г., сохранился в своем историческом виде. В 1880-е гг. Ап. Н. Майков вспоминал, как однажды вечером в январе (исследователи уточняют, что это мог быть только 1849 г. (1, с. 268)) пришел к нему Д. и остался ночевать. Во время ночного разговора он сообщил Майкову, что ему поручено сделать тому важное предложение. Мемуарист так передает слова Д.:

«Вы, конечно, понимаете <...> что Петрашевский болтун, несерьезный человек и что из его затей никакого толка выйти не может. А потому из его кружка несколько серьезных людей решились выделиться (но тайно и ничего другим не сообщая) и образовать особое тайное общество с тайной типографией, для печатания разных книг и даже журналов, если это будет возможно. <...> Вот нас семь человек: Спешнев, Мордвинов, Момбелли, Павел Филиппов, Григорьев, Владимир Милютин и я — мы осьмым выбрали Вас; хотите ли вы вступить в общество?»

На вопрос Майкова: «Но с какой целью?» — Д. ответил:

«Конечно, с целью произвести переворот в России. Мы уже имеем типографский станок; его заказывали по частям в разных местах, по рисункам Мордвинова; всё готово».

Майков возразил:

«Я не только не желаю вступить в общество, но и Вам советую от него отстать. Какие мы политические деятели? Мы поэты, художники, не практики, и без гроша. Разве мы годимся в революционеры?»

В ответ на это Д. «стал горячо и долго проповедовать, размахивая руками в своей красной рубашке с расстегнутым воротом». Утром разговор продолжился. «Ну, что же?» — спросил Д. — «Да то же самое, что и вчера. Я раньше Вас проснулся и думал, сам не вступлю и повторяю — если есть еще возможность — бросьте их и уходите». — «Ну это уж мое дело. А вы знаете. Обо всем вчера <сказанном> знают только семь человек. Вы восьмой, — девятого не должно быть!» — «Что до этого касается, то вот Вам моя рука! Буду молчать». «...После этого разговора мы почти не встречались», — отметил Майков в завершение (1, с. 272–273). Действительно, о других визитах Д. в дом Аничкова в 1849 г. у биографов писателя нет никаких данных.

Лит.: (1) Бельчиков; (2) Цылов. Атлас. Л. 38, с. 10; (3) Волгин. С. 66–72.

Головинского и Барановского «фаланстер». 1 августа 1848 г. два выпускника Училища правоведения, только что окончившие курс, титулярные советники Василий Андреевич Головинский (1829–1875) и Николай Иванович Барановский (?–1860) поселились вместе на Большом проспекте Васильевского острова, в доме наследников графини Софьи Строгановой, № 58 (соврем.: участок дома № 55а; исторический дом не сохранился) (1, с. 217–218). В апреле 1849 г., ко времени ареста В. А. Головинского, владелицей числилась дочь графини Строгановой — княгиня Аделаида Голицына (2, с. 48; 3). Будучи страстными фурьеристами и желая «проводить фурьеристские тенденции в жизнь», молодые люди именовали свою квартиру «фаланстером». «Фаланстер Головинского и Барановского был нечто подобное коммуна, устраивавшимся впоследствии в шестидесятых годах.

Это был дом коммунаров на шесть или восемь человек» (4, с. 149). Название «фаланстер» использовалось многими товарищами Головинского и Барановского. Как свидетельствует их знакомый Н. П. Баллин, в 1848–1849 гг. «в фаланстере» он «видел некоторых петрашевцев <...> Филлипова, Достоевского» (4, с. 147). Можно предположить, что Д. бывал здесь нередко. В своих показаниях Следственной комиссии он назвал В. А. Головинского среди тех, с кем он имел «близкое и короткое знакомство и частые сношения» (ДЗ0; 18: 136), свидетельствовал о разговоре с ним «один на один» в своей квартире в доме Шиля, когда они «заговорили о крестьянах и о возможности их освобождении» (ДЗ0; 18: 145). Именно Д. 1 апреля 1849 г. ввел Головинского на *Петрашевского «пятницы»* (ДЗ0; 18: 139), а 7 апреля — в *Дурова кружок*. Д. также показал на следствии, что он был у Головинского «кажется, за неделю до ареста», то есть около 15 апреля. Во время визита его заинтересовала книга П. Ж. Прудона «*La célébration du Dimanche*» (Paris, 1839): он «прочел в ней только несколько страниц», и так как она показалась ему «занимательною», он «взял ее с собою» (ДЗ0; 18: 165). Это была одна из двух «запрещенных» книг, изъятых у Д. во время ареста.

Лит.: (1) *Дело петрашевцев*. Т. 3; (2) *Список лицам*; (3) *Цылов. Атлас*. Л. 226, с. 56; (4) *Первые русские социалисты*.

Яновского квартира. С доктором Степаном Дмитриевичем Яновским (1815–1897) Д. познакомился в конце мая 1847 г. (сам Яновский в мемуарах ошибочно называет 1846 г.). Он жил в это время близ Сенной площади, на Обуховском проспекте, в доме статского советника доктора Василия Шольца, № 8 (соврем.: Московский проспект, № 7)¹⁶. Но во второй половине 1840-х гг. С. Д. Яновский часто менял квартиры и к весне 1849 г. поселился на набережной Крюкова канала близ Торгового моста, на самой границе с Коломной, в доме купца Ивана Чешихина, № 14 (соврем. № 9; сам мемуарист пишет: Чихихина) (1, с. 2; 2). Этот дом, построенный в 1840–1841 гг., сохранился в своем историческом виде.

Доктор Яновский не был участником кружка Петрашевского, но, в силу расположения его квартиры на самой границе Коломны, Д. нередко заглядывал к нему либо по пути из дома Шиля на Покровскую площадь, либо возвращаясь с нее. По свидетельству С. Д. Яновского, на одной из «пятниц» у Петрашевского «после какой-то неприятности» (которую мемуарист не посчитал возможным придать гласности) Д. «почувствовал себя во время ужина нехорошо, оставил собрание и вместо того, чтобы ехать домой, по дороге от Покрова в Малую Морскую, заехал» к Яновскому, «как он сам говорил — полечиться». Этой ночью доктор наблюдал приступ эпилепсии у Д.: «Припадок был сильный и характеристический» (1, с. 2).

По утверждению Яновского, в его квартире у Торгового моста в доме Чешихина Д. побывал также вечером 22 апреля 1849 г., накануне, а вернее, за несколько часов до ареста, произошедшего 23 апреля в четыре часа утра.

В этот день, по словам мемуариста, шел сильный дождь, и Д. появился у Яновского в семь часов пополудни совершенно промокший. Он объявил, что направлялся к Петрашевскому, но, попав под ливень, решил зайти к Яновскому «пообсушиться». К девяти часам одежда его просохла, но дождь не переставал. И Д. решил доехать до Покровской площади на извозчике. Однако денег у него не было. У Яновского хранилась общая касса, заведенная в их кружке в целях взаимопомощи (Д. сам разрабатывал «устав» этой кассы). Взяв из «железной копилки» 30 копеек, Д. покинул Яновского, направившись к Петрашевскому (3, с. 242).

Хронологическая приуроченность мемуаристом этого визита писателя к 22 апреля вызывает сомнения и, судя по всему, является ошибкой памяти. Причем дело не только в том, что Д. в этот вечер не было у Петрашевского (по показанию агента П. Д. Антонелли, в этот вечер на *Петрашевского «пятницах»* был лишь М. М. Достоевский (4, с. 441); это подтвердил, отвечая на вопросы Следственной комиссии, и сам Михаил Михайлович, объяснивший свое присутствие на последней «пятнице» тем, что он пошел к Петрашевскому «в надежде увидеться с ним (Д. — Б. Т.)», «но брата там не было» (5, с. 262)). В шесть часов (то есть за час до появления на квартире Яновского, по версии мемуариста) Д. на Загородном проспекте, близ Введенской церкви, встретился с младшим братом Андреем, который шел в гости к другу на Литейный проспект. В своих мемуарах А. М. Достоевский пишет, что «день был очень жаркий»; о проливном дожде он не упоминает, но сообщает, что туда и обратно шел пешком, «в очень приятном настроении духа», наслаждаясь по пути домой (он вернулся в двенадцатом часу) великопной белой ночью (6, с. 168). Это совсем не похоже на ту картину разбушевавшейся непогоды, которую рисует С. Д. Яновский. Нет оснований подозревать, что мемуарист выдумал этот визит к нему «промокшего до костей» Д. Но, судя по всему, это произошло не 22 апреля, а, по-видимому, в одну из предшествовавших пятниц.

Зато более достоверным представляется свидетельство Яновского, что утром 23 апреля к нему явился «бледный и сильно растерявшийся» Михаил Достоевский, сообщил об аресте брата, и они вместе устроили «роковое auto da fe», предав огню письма и другие бумаги (например, устав кассы взаимопомощи), написанные рукой Д. (3, с. 242, 235).

Лит.: (1) Яновский. 1881; (2) Цылов. Атлас. Л. 54, с. 254; (3) Д. в воспоминаниях. Т. 1; (4) Дело петрашевцев. Т. 3; (5) Перлина; (6) Достоевский А. М.

Григорьева квартира. Поручик лейб-гвардии Конно-егерского полка Николай Петрович Григорьев (1822–1886) аттестовал себя на следствии по делу петрашевцев как товарищ детства А. Н. Плещеева (1, с. 248). На собрания *Плещеева кружка* осенью 1848 г. он попал раньше, чем стал посетителем *Петрашевского «пятниц»*, на которых присутствовал лишь два-три раза в 1849 г. Имея общих с Д. друзей вне круга петрашевцев — доктора С. Д. Яновского,

штабс-капитана Н. Е. Власовского и др. (1, с. 248), Григорьев мог познакомиться с Д. еще в конце 1847 — начале 1848 г. Однако на следствии Д., скорее всего намеренно, утверждал, что имени и отчества Григорьева не припоминает и чина его не знает (ДЗ0; 18: 171). Не исключено, что и в тайное общество Н. А. Спешнева, о котором известно из воспоминаний Ап. Н. Майкова (см.: *Майкова квартира*), Григорьева в январе 1849 г. привлек именно Д. На следствии тот указал на Д. как одного из тех лиц, под влиянием которых в нем проявилось «либеральное или социальное направление» (1, с. 246). Впрочем, вольномыслие Григорьева выразилось лишь в написании памфлета «Солдатская беседа», который 2 апреля 1849 г. он прочел на обеде в *Спешнева доме*. Д. в показаниях Следственной комиссии оценил впечатление от памфлета как «ничтожное» (ДЗ0; 18: 159). Тем не менее Военно-судная комиссия тот факт, что он прослушал такое «преступное сочинение», как «Солдатская беседа», вменила Д. в качестве одного из главных обвинений (но в дальнейшем, в Заключении Генерал-аудиториата, этот пункт обвинения был снят).

На следствии Д. показал, что вечером 22 апреля 1849 г., накануне ареста, он заходил к Григорьеву и взял у него запрещенную книгу Э. Сю «*Le Berger de Kravan*» (ДЗ0; 18: 165). Это подтверждается и его мемуарной записью в альбоме Ольги Милюковой, согласно которой в ночь на 23 апреля, когда его арестовали, он «воротился домой часу в четвертом от Григорьева» (ДЗ0; 18: 174). Жил Григорьев на Гороховой улице, в доме наследников купца 1-й гильдии Ивана Михайловича Савостьянова, № 39 (соврем. № 40) (2, с. 56¹⁷; 3). Построенный в 1820-е гг., 3-этажный дом И. М. Савостьянова сохранил до сегодняшнего дня свой исторический облик. Другие данные о посещении писателем Г. к. неизвестны, но можно предположить, что он бывал по этому адресу и ранее.

Лит.: (1) *Дело петрашевцев*. Т. 3; (2) *Список лицам*; (3) *Цылов. Атлас*. Л. 47, с. 204.

Достоевского Михаила квартира. Старший брат писателя Михаил Михайлович Достоевский (1820–1864), служивший с мая 1847 г. полевым инженер-прапорщиком в Свеаборгской инженерной команде (а до этого в Ревельской команде), в конце августа или начале сентября 1847 г. подал прошение об отставке «по домашним обстоятельствам». Находясь в 28-дневном отпуске и не дожидаясь Указа об отставке (датирован 5 октября 1847 г.), он 27 сентября приехал в Петербург и поселился вместе с братом в доме Я. Шиля на Малой Морской улице, № 24. В январе 1848 г. братья Достоевские сменили квартиру и переехали в дом М. Протопопова на Большой Подъяческой улице, № 6 (см. вступ. статью). В Ревеле (ныне Таллин) у Михаила Достоевского осталась жена Эмилия Федоровна с тремя детьми. На страстной неделе, 9 апреля 1848 г., они также приехали на постоянное жительство в Петербург (ДЗ0; 28₁: 154). С этого времени старший брат писателя с семейством

поселились в 3-м квартале Литейной части, на Невском проспекте, в доме купца Мартына Неслинда, № 109 (соврем. № 104; исторический дом не сохранился) (1; 2).

Хотя М. М. Достоевский с конца 1847-го или начала 1848 г. посещал *Петрашевского «пятницы»* и пользовался запрещенными книгами из тайной библиотеки, которая общими усилиями была собрана в доме на Покровской площади, а также был участником *Плещеева кружка* и *Дурова кружка*, включение его квартиры в орбиту Петербурга Достоевского-петрашевца несколько условно: конечно же, в 1848–1849 гг. Д. посещал брата и посещал довольно часто, но в первую очередь в силу родственных отношений (так, с младшим братом Андреем они регулярно обедали в семье Михаила по воскресеньям и праздничным дням). И тем не менее для такого решения есть известные резоны.

Во-первых, по наблюдению В. Н. Захарова, при аресте Д. в его комнате в квартире Бреммера не был обнаружен творческий архив писателя. Все изъятые при обыске «бумаги и письма» образовали лишь небольшой «тюк», который жандармы «аккуратно связали веревочкой» (ДЗ0; 18: 174). По гипотезе исследователя, свой архив Д. хранил в квартире Михаила, и 23 апреля тот, оставшийся не арестованным минувшей ночью лишь по случайности, в панике сжег большую часть находившихся у него бумаг брата (так же как утром этого дня вместе с доктором С. Д. Яновским они сожгли архив последнего, включая бумаги, написанные рукой Д.; см. *Яновского квартира*). Этим объясняется исчезновение творческого архива писателя 1840-х гг., никаких следов которого не обнаруживается в документах *Третьего отделения*, Следственной комиссии или Комиссии по разбору бумаг и книг арестованных (3, с. 287–296).

Во-вторых, с конца июня по начало октября 1849 г., когда Д., находившемуся в *Секретном доме Алексеевского рavelина*, была разрешена переписка (она была прекращена с началом работы Военно-судной комиссии), Михаилом было написано брату пять писем и в ответ получено три письма. Старший брат адресовал свои письма в канцелярию коменданта С.-Петербургской крепости; младший — на Невский проспект, против *Грязной улицы*, в дом *Неслинда* (после выхода из крепости, где он находился под арестом с 6 мая по 24 июня, Михаил сменил квартиру, заняв новую в том же доме). По этому же адресу было отправлено и уникальное по своему содержанию письмо, написанное Д. старшему брату 22 декабря 1849 г., после инсценировки смертной казни над петрашевцами на *Семновском плацу*. Надо полагать, что письма политического заключенного из Алексеевского рavelина шли отнюдь не по городской почте, но, со всем тщанием просмотренные кем-то из крепостных надзирателей, были доставляемы в дом Неслинда, скорее всего, жандармским курьером (4, с. 243–246).

Наконец, именно в доме Неслинда (до переезда Михаила Михайловича в 1855 г. в дом вдовы надворного советника Настасьи Пономаревой на углу Малой Мещанской улицы и Екатерининского канала, № 4/54) хранились автографы некоторых произведений брата, написанных в камере *Секретного дома Алексеевского рavelина* и полученных Михаилом вместе с его вещами после отправки Д. по этапу в Сибирь. Что стало с «черновым планом драмы и романа», нам не известно: следы их затерялись. Но вот рукопись созданной в крепости повести «Детская сказка» Михаил сберег до того времени, когда находившийся в ссылке в Семипалатинске Д. получил разрешение печататься, и это замечательное произведение увидело свет в 1857 г. в журнале «Отечественные записки» под названием «Маленький герой».

Так что без упоминания дома М. Неслинда на Невском проспекте какие-то значимые черточки в судьбе Достоевского-петрашевца оказались бы невосполнимо утраченными.

Лит.: (1) ДЗ0; 28₁: 165; (2) Цылов. Атлас. Л. 217, с. 166; (3) Захаров; (4) Тихомиров. 2012.

Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии — высший орган политической полиции Российской империи в эпоху правления императоров Николая I и Александра II (1826–1880). С 1839 г., когда в подчинение **Т. о.** был передан Корпус жандармов, руководитель ведомства стал именоваться начальником Штаба Корпуса жандармов и главноначальствующим III Отделением. В 1844–1856 гг. им являлся князь А. Ф. Орлов. С 1838 г. **Т. о.** занимало бывший особняк князя В. П. Кочубея, находившийся на набережной реки Фонтанки, № 15 (соврем. № 16) (1). Дом, построенный в последней трети XVIII в., в дальнейшем неоднократно перестраивался, но в фасадной части во многом сохранил свой первоначальный облик. В городском обиходе его эвфемистически именовали «зданием у Цепного моста» (по названию Пантелеймоновского цепного моста через Фонтанку, близ которого располагалось здание **Т. о.**).

Д., как и другие петрашевцы, был доставлен в **Т. о.** после ареста ранним утром 23 апреля 1849 г. «Там было много ходьбы и народу, — вспоминал он позднее в мемуарной записи, сделанной в альбоме Ольги Милюковой. — Я встретил многих знакомых. Все были заспанные и молчаливые. Какой-то господин, статский, но в большом чине (тайный советник А. А. Сагтынский, чиновник для особых поручений в III Отделении. — *Б. Т.*) принимал... беспрерывно входили голубые господа (то есть жандармы в голубых мундирах. — *Б. Т.*) с разными жертвами. <...> Нас разместили по разным углам, в ожидании окончательного решения, куда кого девать. В так называемой белой зале нас собралось человек семнадцать...» (ДЗ0; 18: 174–175).

Странно, что Д. не упоминает здесь о неожиданной встрече в Белой зале **Т. о.** с младшим братом Андреем, арестованным по недоразумению вместо старшего брата Михаила (ошибка будет обнаружена лишь через десять дней,

2 мая). «Вдруг вижу, — описывает этот эпизод А. М. Достоевский, — ко мне подбегает брат Федор Михайлович. — “Брат, ты зачем здесь?” Но только и успел он это сказать. К нам подошли 2 жандарма, один увел меня, другой брата в разные помещения» (2, с. 171). Странно и другое: через семь лет, в письме к барону А. Е. Врангелю от 23 марта 1856 г., вспоминая эту встречу с Андреем в Т. о., Д. напишет: «...я умолял третьего моего брата, которого арестовали ошибкой, не объяснять ошибки арестовавшим как можно долее (чтобы вывести из-под удара брата Михаила. — Б. Т.)» (Д30; 28; 216). А. М. Достоевский в своих воспоминаниях отрицает это позднейшее свидетельство писателя:

«...Федор Михайлович не мог не только умолять меня, как видно из изложенного, не открывать как можно долее ошибки, но даже не имел времени намекнуть мне об этой ошибке. О, ежели бы он объявил мне это! Насколько бы успокоил он этим мое десятидневное заключение в каземате!» (2, с. 172).

Ведь А. М. Достоевский ничего не знал о кружке петрашевцев и не мог даже подозревать, что он арестован по недоразумению.

Зато Д. сохранил в своей мемуарной записи другое любопытное свидетельство. «Мы мало-помалу окружили статского господина со списком в руках, — сообщает он. — В списке перед именем господина Антонелли написано было карандашом: “агент по найденному делу”. “Так это Антонелли!” — подумали мы» (Д30; 18: 175). Эту странную «полицейскую неловкость» современные исследователи объясняют интригой между двумя ведомствами, соперничавшими в раскрытии дела петрашевцев, — III Отделением и Министерством внутренних дел, чьим агентом был П. Д. Антонелли:

«Статский господин “со списком в руках”, о котором упоминает Достоевский (очевидно, генерал Сагтынский), как бы впад в задумчивость, позволит им заглянуть в документ <...>. Не лишена основательности догадка, будто указанная небрежность была умышленной. III Отделение хоть таким образом постаралось досадить непрошенному помощнику, благодаря ревнию которого общая полиция коварно присвоила дело, по праву принадлежащее полиции тайной» (3, с. 263–264; также см.: 4, с. 169).

Андрей Достоевский далее вспоминает:

«Целый день 23 апреля, вплоть до ночи, мы провели в III Отделении, нас разместили по отдельным залам по 8–10 человек и обязали не разговаривать друг с другом (поэтому арестованные «обменивались записочками». — Б. Т.). Это был очень томительный день неизвестности. Около полудня приехал князь <А. Ф.> Орлов (бывший тогда шеф жандармов). Он в каждой зале говорил арестованным маленькую речь, сущность которой, насколько припомню, была та, что мы не умели пользоваться правами и свободой,

предоставленными всем гражданам, и своими поступками принудили правительство лишить нас этой свободы, и что при подробном разборе наших преступлений над нами будет произведен суд, а окончательная участь наша будет зависеть от милосердия монарха.

Нам подавали чай, кофе, завтрак, обед и всё очень изысканно сервированное... одним словом, кормили на славу, как гостей в III Отделении. <...> Когда уже совершенно стемнело, следовательно, часов уже в 11, нас начали поодиночке выкликать, и раз вызванный более уже к нам не возвращался» (2, с. 172–173, 249).

Так началась отправка арестантов в Петропавловскую крепость. Руководил ею сам Л. В. Дубельт, управляющий **Т. о.** Сначала в «индивидуальных» каретах при жандармских офицерах, с интервалом в 10–15 минут, в крепость были отправлены тринадцать «главнейших виновников», которых было предписано разместить в *Секретном доме Алексеевского рavelина*. Затем в каретах по двое и по трое — остальные петрашевцы. Первым, в 10 час. 15 мин. вечера, был отправлен Петрашевский (4, с. 173). Достоевский — в 11 час. 25 мин. в сопровождении жандармского поручика <А. Ф.> Эка (5, с. 255).

Лит.: (1) *Цылов. Атлас*. Л. 190, с. 23 отд. паг.; (2) *Достоевский А. М.*; (3) *Волгин*; (4) *Егоров*; (5) *Перлина*.

Секретный дом Алексеевского рavelина Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости — главная политическая тюрьма Российской империи. Деревянное здание было построено на территории западного рavelина, прикрывавшего Зотов и Трубецкой крепостные бастионы, еще в середине XVIII в. В 1796–1797 гг., в царствование Павла I, на его месте было возведено каменное строение. В нем насчитывалось 26 камер, из которых 20–21 использовались для одиночного заключения и именовались номерами. Часть камер была занята квартирою смотрителя, цейхгаузом и библиотекой. В качестве тюрьмы **С. д. А. р.** функционировал до 1884 г. Снесен в 1892 г. Современное здание на его месте построено в 1892–1895 гг. (1, с. 150). В настоящее время (с 1994 г.) оно принадлежит Государственному музею истории С.-Петербурга и используется как служебное помещение. Современный адрес: Петропавловская крепость, дом № 14.

Отправленный из *Третьего отделения* в «индивидуальной» карете в 11 час. 25 мин. вечера, Достоевский, очевидно, был доставлен в крепость уже за полночь. «Мосты на Неве были разведены (имеется в виду Троицкий мост через Большую Неву. — *Б. Т.*), — вспоминал петрашевец Д. Д. Ахшарумов, — и объезд был долгий» (2). Петрашевцев везли через Исаакиевский мост (специально для этого случая наведенный), Васильевский остров, Тучков мост и Петербургскую сторону. Водворение Д. в Петропавловскую крепость состоялось уже 24 апреля 1849 г. Всех арестантов принимал лично, под расписку

комендант Набоков. В **С. д. А. р.** писатель был заключен в камеру № 9. Его соседями оказались: в камере № 8 — П. Н. Филиппов и в камере № 10 — А. П. Баласогло (3, с. 216). В июле 1849 г., когда часть арестованных по делу Петрашевского была освобождена и в том числе 10 июля вышел на свободу П. И. Белецкий, содержащийся в камере № 7 (4, с. 172), Достоевский был переведен на его место.

Одноэтажный **С. д. А. р.** в плане представлял собою равносторонний треугольник, внутри которого был садик, использовавшийся для прогулок арестантов. В нем, по свидетельству Достоевского, росло «почти семнадцать деревьев» (Д30; 28, с. 158). Камеры № 7 и 9 располагались с той его стороны, которая была обращена к Кронверкскому протоку.

В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского»¹⁸ приведен фрагмент из воспоминаний Д. Д. Ахшарумова с подробным описанием его камеры, но необходимо иметь в виду, что он был помещен в каземат № 3 Трубецкого бастиона и его описание нельзя экстраполировать на внутреннюю обстановку камер **С. д. А. р.**

Следственная комиссия, учрежденная 23 апреля 1849 г.¹⁹, работала также на территории Петропавловской крепости — в *Комендантском доме*. Впервые на «предварительный опрос» Д. был вызван 6 мая. Любопытно, что, по свидетельству петрашевца Ивана Ястржембского, перед тем как вести в Следственную комиссию, их переодевали из тюремного халата в собственную одежду, в которой они были арестованы. Сопровождал подследственных смотритель **С. д. А. р.** одноглазый старик полковник Яблонский (2, с. 154). На «формальный допрос» Д. был вызван 8 июня, он был продолжен также 11 июня. До 20 июня подследственным запрещено было читать и иметь переписку с родственниками. Начиная с 20 июня Д. пишет письма брату Андрею, а позднее, узнав, что старший брат также на свободе, и брату Михаилу. Просит прислать книги и журналы. Читает книги из тюремной библиотеки — «Сочинения» св. Димитрия Ростовского, «Путешествия ко святым местам» (скорее всего, А. Н. Муравьева), а также присланные братом Библию на церковнославянском языке и произведения Батюшкова, Даля, Шекспира, Шиллера и др. (5, с. 71–82). Получив возможность писать, начинает заниматься литературным творчеством. «Я времени даром не потерял, выдумал три повести и два романа; один из них пишу теперь...» — сообщает он в письме от 18 июля брату Михаилу (Д30; 28, с. 157). Видимо, речь идет о «Детской сказке», известной в печати под названием «Маленький герой». «Когда я очутился в крепости, — рассказывал уже в 1870-е гг. Д. литератору Всеволоду Соловьеву, — я думал, что тут мне и конец, думал, что трех дней не выдержу, и — вдруг совсем успокоился. Ведь я там что делал?.. я писал “Маленького героя” — прочтите, разве в нем видно озлобление, муки? Мне снились тихие, хорошие, добрые сны...» (6, с. 212).

Многое из пережитого Д. в **С. д. А. р.** навсегда останется скрытым от его биографов. Так, в записной тетради 1875–1876 гг. с материалами к «Дневнику

писателя» содержится набросок: «Алексеевский равелин. Ростовцев, Филиппов. Кончил раздумье. Мечтал об имевших детей. Чья это кровь? Филиппов — *бежать* (фехтовальщик перерубил). <...> Мне это снится до сих пор» (Д30; 24: 133). Петрашевец Павел Филиппов, как уже указано, был соседом Д. по камере в **С. д. А. р.**, генерал-майор Я. А. Ростовцев — членом Следственной комиссии. Все остальное в этой записи недоступно для комментирования.

В Петропавловской крепости писатель содержался ровно 8 месяцев — с 24 апреля по 24 декабря 1849 г. Утром 22 декабря состоялась инсценировка смертной казни над петрашевцами на *Семеновском плацу*. По возвращении в **С. д. А. р.**, пережив на эшафоте минуты смертного ужаса, Д. рассказывает в письме к брату Михаилу о произошедшей экзекуции (см.: Д30; 28₁: 161–165). Дата отправки Достоевского из крепости в Сибирь документируется предписанием коменданту крепости генерал-адъютанту И. А. Набокову за № 523 от 24 декабря 1849 г.:

«...содержащихся в Алексеевском равелине преступников Дурова, Достоевского и Ястржембского, назначенных к отправлению сего числа вечером в Тобольск закованными, выдать их назначенному для сопровождения поручику фельдъегерского корпуса Прокофьеву и из списков об арестованных по равелину исключить», а также рапортом Набокова № 522 от того же числа об исполнении этого предписания (7, с. 181–182).

В письме брату Михаилу от 30 января — 22 февраля 1854 г. из Омска Достоевский так вспоминал отправку из Петропавловской крепости:

«Ровно в 12 часов, то есть ровно в Рождество, я первый раз надел кандалы. <...> Затем нас посадили в открытые сани, каждого особо, с жандармом, и на 4-х санях, фельдъегерь впереди, мы отправились из Петербурга» (Д30; 28₁: 167).

А. П. Милюков, приходивший вместе с М. М. Достоевским в этот день в Петропавловскую крепость прощаться с отправляющимся по этапу писателем, корректирует это свидетельство. Предупрежденные плац-адъютантом Ю. К. Майделем о том, что Д. с товарищами будут отправлены по этапу вскоре после свидания («через час или даже раньше»), они остались поджидать выезда арестантов у ворот Петропавловской крепости. «На крепостной колокольне куранты проиграли девять часов, — пишет Милюков, расходясь в указании времени со свидетельством в письме Достоевского брату, — когда выехали двое ямских саней, и на каждом сидел арестант с жандармом.

— Прощайте! — крикнули мы.

— До свидания! до свидания! — отвечали нам» (8, с. 270).

Достоевский пишет: «ровно в 12 часов» (то есть в полночь), Милюков вспоминает: «куранты проиграли девять часов». Большое доверие вызывает изложение событий сторонним наблюдателем — Милюковым. Писатель же, как представляется, пытается в позднейшем эпистолярном свидетельстве *сакрализовать* роковой, поворотный момент своей биографии: его каторжный, страдальческий путь начинается «ровно в Рождество» (9, с. 243–248).

Лит.: (1) *Архитекторы-строители*; (2) *Первые русские социалисты*; (3) *Гернет*. Т. 2; (4) *Егоров*; (5) *Тихомиров*. 2015; (6) *Д. в воспоминаниях*. Т. 2; (7) *Бельчиков*; (8) *Д. в воспоминаниях*. Т. 1; (9) *Тихомиров*. 2012.

Комендантский дом Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости. Здание расположено между Петропавловским собором и Нарышкиным бастионом. Построено в 1743–1746 гг. по проекту военного инженера Хр. де Марина. В 1750 г. объединено с одноэтажным П-образным в плане флигелем. Фасад главного корпуса оформлен в стиле барокко и в основном сохранил первоначальный облик. В здании находилась квартира коменданта крепости генерала от инфантерии генерал-адъютанта Ивана Александровича Набокова (1849–1852), назначенного 23 апреля 1849 г. председателем «Секретной следственной комиссии, высочайше учрежденной в Петербургской крепости над злоумышленниками». В К. д. проходили заседания Следственной комиссии и велись допросы петрашевцев. В комиссию также входили член Государственного совета князь П. П. Гагарин, товарищ военного министра генерал-адъютант князь В. А. Долгоруков, начальник штаба Корпуса жандармов генерал-лейтенант Л. В. Дубельт и начальник штаба Управления военно-учебных заведений генерал-майор Я. А. Ростовцев.

Вызовы арестантов для дачи показаний начались 29 апреля. Они происходили по вечерам: от шести до десяти часов. Андрей Достоевский, вызванный в К. д. 2 мая, несколькими днями ранее брата, так описал обстановку своего допроса:

«Меня ввели сперва в приемную, небольшую, но ярко освещенную комнату. Там было большое зеркало, я взглянул в него и удивился...». Это зеркало вспоминают многие петрашевцы, так как, впервые увидев свое отражение после полутора-двух недель заточения в казематах, большинство из них переживало ужас от своего внешнего вида. «Через несколько минут, — продолжает А. М. Достоевский, — меня позвали в залу заседаний следственной комиссии. Посередине довольно большой и ярко освещенной комнаты стоял большой продолговатый стол, покрытый сукном. На председательском месте сидел комендант крепости генерал Набоков. Первое место по правую от него руку занимал, как после узнал я, князь Павел Павлович Гагарин, впоследствии председатель комитета министров, второе — Леонтий Васильевич Дубельт. Первое место по левую руку председателя занимал князь Василий Андреевич Долгоруков, а второе — Яков Иванович Ростовцев. Конец стола

занимала канцелярия, т. е. обер-аудитор (статский советник А. В. Шмаков. — Б. Т.), аудитор и секретарь.

Допрос начал князь Гагарин...» (1, с. 177).

«Всякого мало-мальски мыслящего человека, — передавал свое впечатление от Следственной комиссии И. Л. Ястржембский, — конечно, удивит и поразит, что для производства следствия по делу, в котором не было и помина о каких-либо преступных действиях, а только исследовались мнения и тенденции, и для чего, конечно, необходимо было поручить дело ученым специалистам, назначены были круглые невежды. А эти невежды решали участь многих молодых людей и упекли их в Сибирь» (2, с. 160).

Д. впервые был приведен в **К. д.** из *Секретного дома Алексеевского рavelина* 6 мая и подвергнут «предварительному опросу». Согласно свидетельству А. Г. Достоевской, в 9-м заседании Следственной комиссии «Ф. М. <...> на допросе сначала решительно отвергал всякую мысль о преступности собраний у Петрашевского, а затем заявил, что на этих собраниях происходили горячие споры о теории Фурье и читалось о социализме; лично он, Ф. М. Достоевский, прочитал письмо Белинского» (3, с. 59).

«Федор Михайлович припоминал, что <...> Я. И. Ростовцев обратился к нему со словами: “Я не могу поверить, чтобы человек, написавший “Бедных людей”, был заодно с этими порочными людьми. <...> Вы мало замешаны, и я уполномочен от имени Государя объявить вам прощение, если вы захотите рассказать все дело”. “Я, — вспоминал Ф. М., — молчал. Тогда Дубельт с улыбкой заметил: “Я ведь вам говорил”. Тогда Ростовцев, вскричав: “Я не могу больше видеть Достоевского”, выбежал в другую комнату и заперся на ключ, а потом оттуда спрашивал: “Вышел ли Достоевский? Скажите мне, когда он выйдет, — я не могу его видеть”. Достоевскому это казалось напускным» (4, с. 106–107).

8 июня был проведен формальный допрос Д., ответы на вопросных листах он вписывал тут же, в **К. д.**, непосредственно в присутствии членов Следственной комиссии (более пространные показания Д. записывал в каземате *Секретного дома Алексеевского рavelина*). Писатель вызывался в **К. д.** на допросы также 11, 17 и 20 июня.

«На 42-м заседании комиссии 20 июня читалось письменное показание Ф. М. Достоевского, в котором он высказывался, что большая часть показаний обвиняемых относительно крайнего направления Петрашевского справедливы, что в собраниях у Петрашевского говорилось (Головинским) о необходимости бунта для освобождения крестьян, а на собраниях у Дурова обсуждался вопрос об устройстве тайной типографии, отвергнутый, однако ж, собранием...» (3, с. 59).

До 25 августа Д. также дает показания о знакомстве с В. Р. Зотовым, Вал. Н. Майковым, А. П. Милюковым, Н. А. Мордвиновым и др. 17 сентября Следственная комиссия закончила свою работу, представив военному министру светлейшему князю А. И. Чернышеву Записку из произведенного ею следственного дела и Список из 28 лиц, обвиняемых по этому делу (5, с. 190). Дальнейшее рассмотрение дела было передано в Военно-судную комиссию.

В конце июня — начале июля, специально вызвав Д. для этого в К. д., князь П. П. Гагарин сообщил ему об освобождении из-под ареста его старшего брата Михаила (ДЗ0; 22: 135). 20 октября Д. был приведен в К. д., чтобы дать подписку по завершении работы Военно-судной комиссии. «К оправданию своему, — написал он, — не имею представить ничего нового, кроме разве того, что я никогда не действовал с злым и преднамеренным умыслом против правительства» (ДЗ0; 18: 173).

Последний раз Д. побывал в К. д. вечером 24 декабря 1849 г. Здесь в «большой комнате, в нижнем этаже», состоялась его встреча с братом Михаилом и А. П. Милюковым, получившими разрешение коменданта И. А. Набокова попрощаться с осужденным Д. и его товарищем по несчастью С. Ф. Дуровым перед их отправкой в Сибирь. «Оба уже одеты были в дорожное арестантское платье — в полушубках и валенках». «Смотря на прощанье братьев Достоевских, — вспоминал Милюков, — всякий заметил бы, что из них страдает более тот, который остается на свободе в Петербурге, а не тот, кому сейчас предстоит ехать в Сибирь на каторгу. В глазах старшего брата стояли слезы, губы его дрожали, а Федор Михайлович был спокоен и утешал его. <...> Более получаса продолжалось наше свидание, но оно показалось нам очень коротким, хотя мы много-много переговорили» (5, с. 268, 269–270). Сразу же после прощания, писал Д. брату через четыре года, по выходе с каторги, «нас повели, троих: Дурова, Ястржембского и меня, заковывать». В этот вечер накануне Рождества Д. «первый раз надел кандалы» (ДЗ0; 28₁: 167). Но в каком здании и помещении Петропавловской крепости его заковывали, неизвестно.

Лит.: (1) Достоевский А. М.; (2) Первые русские социалисты; (3) Гроссман; (4) Биография; (5) Егоров; (6) Д. в воспоминаниях. Т. 1.

Маршрут на Семеновский плац. Утром 22 декабря 1849 г. Д. и двадцать его товарищей, осужденных за участие в социалистическом кружке М. В. Петрашевского, были доставлены из Петропавловской крепости, где они находились в заключении в течение восьми месяцев, на *Семеновский плац* — для проведения инсценировки обряда смертной казни и затем, после объявления монаршего решения о смягчении наказания, для оглашения реальных приговоров. Как и многие другие детали разыгрываемой по инициативе императора Николая I «акции», маршрут, которым петрашевцев должны были доставить из крепости на «Семеновское плац-парадное место»,

был предписан в «высочайше утвержденном проекте приведения в исполнение приговора над осужденными злоумышленниками». Списки с проекта накануне вечером были разосланы в канцелярии всех должностных лиц, которые обеспечивали осуществление подробно определенных мероприятий. В частности, в проекте было означено:

«22-го сего декабря, в 9 часов утра, привезти к тому (Семеновскому плац-парадному. — Б. Т.) месту преступников в каретах. Впереди и сзади поезда находиться по одному взводу от С.-Петербургского жандармского дивизиона. Ехать рысью из крепости, через Неву, на Гагаринскую пристань, по набережной до Арсенала, по Литейной и Владимирской на Семеновское плац-парадное место.

При каждом экипаже, с обеих сторон, быть по одному конному жандарму, а впереди поезда плац-адъютанту верхом» (1, с. 258).

Вместе с тем анализ проекта в соотношении с иными мемуарными, эпистолярными, документальными свидетельствами обнаруживает, что, возможно, по причине чрезвычайной краткости времени, выделенного на подготовку «мероприятия», в ряде пунктов имели место отступления от предписаний проекта. Обратить на это внимание важно в том числе и при рассмотрении вопроса о маршруте, которым петрашевцы были доставлены к месту экзекуции. Дело в том, что в воспоминаниях участников события, и прежде всего некоторых из арестантов, доставленных утром 22 декабря из Петропавловской крепости, имеют место существенные разногласия в описании пути следования к Семеновскому плацу. Так, в мемуарах Д. Д. Ахшарумова читаем:

«Из коридора (гауптвахты, где он был заключен. — Б. Т.) я выведен был на крыльцо, к которому подъехала сейчас же карета, и мне предложено было в нее сесть. Когда я сел, то вместе со мною влез в карету и солдат в серой шинели и сел рядом — карета была двухместная. Мы двинулись, колеса скрипели, катясь по глубокому, морозом стянутому снегу. Оконные стекла кареты были подняты и сильно замерзлые, видеть через них нельзя было ничего. <...> Мы ехали, я ногтем отскабливал замерзший слой влаги от стекла и смотрел секундами — оно тускнело сейчас же. <...> Я усердно дышал на стекло, отчего удавалось минутно увидеть кое-что из окна. Так ехали мы несколько минут, переехали Неву; я беспрестанно скоблил ногтем или дышал на стекло.

Мы ехали по Воскресенскому проспекту, повернули на Кирочную и на Знаменскую, — здесь опустил я быстро и с большим усилием оконное стекло. Сосед мой не обнаружил при этом ничего неприятного, — и я с полминуты полюбовался давно не виданной мною картиной пробуждающейся в ясное зимнее утро столицы; прохожие шли и останавливались, увидев перед собою небывалое зрелище — быстрый поезд экипажей, окруженный

со всех сторон скачущими жандармами с саблями наголо! <...> Я выглянул в окно и увидел впереди и сзади карет эскадроны жандармов. Вдруг скакавший близ моей кареты жандарм подскочил к окну и повелительно и грозно закричал: «Не оттуливай!» Тогда сосед мой спохватился и поспешно закрыл окно. Опять я должен был смотреть в быстро исчезающую щелку! Мы выехали на Лиговку и затем поехали по Обводному каналу. Езда эта продолжалась минут тридцать. Затем повернули направо и, проехав немного, остановились; карета отворилась предо мною, и я вышел.

Посмотрев крутом, я увидел знакомую мне местность — нас привезли на Семеновскую площадь» (2, с. 247–248).

Не может не броситься в глаза, что маршрут, описанный мемуаристом, серьезно отличается от того, который был определен в высочайше утвержденном проекте. По существу, лишь в начальной, безальтернативной части — «из крепости, через Неву, на Гагаринскую пристань», располагавшуюся против Гагаринской улицы, — путь в мемуарах Ахшарумова совпадает с предписанием проекта. Однако затем вместо поворота с Воскресенской набережной (Шпалерной улицы) на Литейный проспект, мимо расположенного в самом его начале Арсенала, его, по версии мемуариста, провезли до Воскресенского проспекта (ныне проспект Чернышевского). И далее — по Кирочной и Знаменской (ныне Восстания) улицам, по набережной Лиговского канала и, наконец, от Новообводного моста — по набережной (шоссе) Обводного канала, к которой и примыкал в своей южной части Семеновский плац, отделенный от нее лишь земляным валом и хозяйственными постройками. Стоит подчеркнуть, что, хотя в какой-то части маршрута возможность отслеживать путь была у Ахшарумова ограничена, на Знаменской улице он смог опустить заледеневшее оконное стекло экипажа, и, значит, в этой части его свидетельство как будто вполне достоверно: маршрут, которым его везли по петербургским улицам, был отличным от определенного в проекте.

Однако существуют и иные свидетельства. Так, барон А. Е. Врангель вспоминал, как, гостя у своего дяди, барона Н. А. Корфа, жившего «в маленьком деревянном одноэтажном доме гр. Аракчеева на углу Литейной и Кирочной» (ныне на этом месте здание Дома офицеров Западного военного округа; соврем. адрес: Литейный просп., № 20/1), утром 22 декабря 1849 г., «часов в восемь утра», он увидел в окно «целую вереницу двуконных возков-карет, едущих со стороны р<еки> Невы вверх по Литейной улице по направлению к Невскому». Другой его дядя, В. Е. Врангель, объяснил ему, что «это везут на Семеновский плац петрашевцев, приговоренных к смертной казни» (3, с. 6). Свидетельство барона Врангеля, напротив, вполне точно соответствует предписанию проекта.

О том же свидетельствуют и воспоминания петрашевца Н. С. Кашкина, который отметил исключительно значимую для себя деталь маршрута, которым его везли на Семеновский плац:

«Случилось так, что меня везли по той улице, на которой была квартира моего отца. Поравнявшись с домом, я выглянул и увидел отца и братьев в окне выступа дома, а около подъезда стояли запряженные сани, в которых сидела мать. Я инстинктивно потянулся, чтобы открыть оконце кареты, но солдат сурово сказал: “Нельзя”. Я видел только, что мать поехала за мной» (2, с. 321).

Родители Кашкина жили на Владимирском проспекте, в доме наследников генерал-лейтенанта Александра Берхмана, № 78 (соврем. № 19), против Владимирской церкви (2, с. 319; 4). В двух шагах от дома Берхмана начинался Загородный проспект, который вел прямо к Семеновскому плацу. Воспоминания барона Врангеля и петрашевца Кашкина, каждое по отдельности и оба в совокупности, точно соответствуют указаниям «высочайше утвержденного проекта». Еще одному петрашевцу, Н. А. Спешневу, также «казалось», что его везли «по Литейной», однако и он вспоминал, что «был мороз и сквозь обледенелые окна кареты нельзя было хорошенько разобрать, по какой дороге везут» (5, с. 117).

Как разрешается это противоречие в краеведческой литературе и биографических исследованиях? Никак: оно осталось практически незамеченным. У редких авторов маршрут указан в соответствии с «высочайше утвержденным проектом» (6, с. 111). Большинство же некритически абсолютизируют описание Д. Д. Ахшарумова (7, с. 112; 8, с. 226; 9, с. 239). На свидетельство барона Врангеля есть лишь единственная ссылка (10, с. 175). И никто не учитывает уникальную черту в воспоминаниях Н. С. Кашкина, которого провозят к Семеновскому плацу мимо родительского дома. Более того, принимая как единственное и достоверное свидетельство Ахшарумова, исследователи не отмечают его противоречия с «высочайше утвержденным проектом исполнения приговора». Однако вся совокупность рассмотренных данных скорее заставляет считать свидетельство Ахшарумова абберрацией памяти мемуариста, в то время как характер воспоминаний Врангеля и Кашкина исключает такую интерпретацию. Однако нельзя полностью исключить и другое: что на каком-то этапе подготовки экзекуции было принято решение везти петрашевцев на Семеновский плац *двумя маршрутами*. Такое предположение нельзя признать совершенно беспочвенным. Оно, однако, чревато новой проблемой: в таком случае придется признать, что нам не дано установить, какой же дорогой 22 декабря 1849 г. был привезен из Петропавловской крепости к месту экзекуции Д.

Лит.: (1) Бельчиков; (2) Первые русские социалисты; (3) Врангель; (4) Цылов. Атлас. Л. 106, с. 21; (5) Биография; (6) Чулков; (7) Саруханян; (8) Басина; (9) Сараскина; (10) Летопись. Т. 1.

Семеновский плац. Другие названия XIX в.: Семеновское плац-парадное место; Семеновская площадь. На рубеже XVIII и XIX вв. на этой территории, находившейся на дальней окраине Петербурга, были расквартированы Московский, Егерский и Семеновский полки. В результате казарменной застройки была образована площадь в 26 гектаров, которая стала использоваться как плац. В 1840-е гг. границами **С. п.** являлись с северной стороны Загородный проспект, с восточной — Седьмая линия (ныне Звенигородская улица), с южной — Обводный канал (отделенный от плаца земляным валом), с западной — линия Царскосельской железной дороги. С трех сторон, кроме западной, по периметру плаца располагались сараи, конюшни, кузницы и др. постройки Семеновского и Егерского полков. В северо-западном углу, напротив Введенской церкви, стоял офицерский флигель (1). В настоящее время территория бывшего **С. п.** рассечена на две части продолжением улицы Марата. В южной части, которая примыкает к Обводному каналу, разбит Багратиновский сквер и возведены современные постройки. В центре северной части, обращенной к Загородному проспекту, в 1962 г. построено здание Театра юных зрителей им. А. А. Брянцева с окружающим его садом. Территория между театром и Загородным проспектом образует Пионерскую площадь.

В 9 часов утра 22 декабря 1849 г. на **С. п.** из Петропавловской крепости были привезены Д. и двадцать его товарищей, осужденных учрежденной по высочайшему повелению Военно-судной комиссией за участие в кружке М. В. Буташевича-Петрашевского. Здесь они были подвергнуты обряду подготовки к смертной казни, который оказался инсценировкой, осуществленной по проекту, инициированному и утвержденному императором Николаем I. События развивались следующим образом.

В течение ночи против середины вала был воздвигнут эшафот размером четыре на четыре сажени и высотой в сажень, с лесенкой для подъема, обтянутый черной траурной тканью. Неподалеку от эшафота, «саженей на десять и более», в землю были врыты три столба. На плац были выведены войска — два батальона лейб-гвардии Егерского и Московского полков и дивизион Конно-гренадерского полка, выстроенные в каре лицом к эшафоту. На валу с южной стороны плаца расположились зрители — «толпа народа» «до 3000 человек» (2, с. 153). Мороз был 21 градус по Реомюру (то есть более 26°C).

Осужденных привезли в каретах по одному с конвойным солдатом внутри и с двумя конными жандармами с обеих сторон каждого экипажа. Впереди и сзади «поезд» сопровождался двумя взводами С.-Петербургского жандармского дивизиона. Подвезенные к самым войскам, петрашевцы по

выходе из карет были встречены священником в погребальном облачении с крестом и Евангелием и проведены вдоль всего фронта выстроенных войск до эшафота. На эшафоте они были поставлены спиной к городскому валу в определенном порядке, каждый с конвойным солдатом за спиной: по правому фасу тремя рядами Петрашевский, Григорьев, Момбелли; Львов, Спешнев, Ястржембский; Дуров, Достоевский, Толль — всего девять человек; по левому фасу, также по трое в ряд, — остальные двенадцать. Войскам была дана команда «На караул!» Петрашевцам — «Шапки долой!» (3, с. 250). Вслед за этим под барабанную дробь взошедший на эшафот аудитор зачитал каждому из осужденных приговор с изложением состава его преступления. Двадцать один приговор читался в течение получаса. Восьмой приговор звучал так: «Отставного инженер-поручика Федора Достоевского (27 лет) за участие в преступных замыслах, распространение одного частного письма, наполненного дерзкими выражениями против православной Церкви и верховной Власти и за покушение к распространению, посредством домашней литографии, сочинений против Правительства подвергнуть смертной казни расстрелянием» (4).

По свидетельству Н. С. Кашкина, «формулу обвинения и наказания» петрашевцы выслушивали, уже будучи одетыми в «саваны» — белые балахоны с колпаками и длинными рукавами (3, с. 321). Д. Д. Ахшарумов, напротив, вспоминал, что это произошло уже после оглашения приговора: «...солдаты, стоявшие сзади нас, одевали нас в предсмертное одеяние» (3, с. 251). Но оба единодушны в том, что они были уже в балахонах, когда на эшафот взошел священник. Одновременно принесли и поставили на эшафоте аналой, и священник, поместившись на противоположном входу конце, произнес проповедь: «Братья! Пред смертью надо покаяться... Кающемся Спаситель прощает грехи...» и т. д., завершив ее призывом осужденных к исповеди (3, с. 251). Исповедоваться вышел один лишь К. И. Тимковский (по другой версии мещанин П. Г. Шапошников). Священник, «видя, что более никто не обнаруживает желания исповедаться, подошел к Петрашевскому с крестом и обратился к нему с увещанием, на что Петрашевский ответил ему несколькими словами». Священник «поднес к устам его крест, и Петрашевский поцеловал крест». Вслед за этим священник обошел всех и «все приложились к кресту». По завершении обряда «раздался голос генерала, сидевшего на коне возле эшафота (скорее всего, петербургского коменданта генерал-майора барона Н. А. Зальца, отвечавшего за организацию всех мероприятий во время экзекуции на С. п. — Б. Т.): “Батюшка! Вы исполнили всё, вам больше здесь нечего делать!”» (3, с. 251).

После этого трех осужденных, стоявших первыми с правой стороны эшафота, — Петрашевского, Момбелли и Григорьева — свели вниз, привязали к столбам, завязали им глаза и накинули на головы колпаки. «По привязании преступников», как предписывал «проект приведения в исполнение приговора», к ним выдвинулись «на 15 шагов 15 рядовых, при

унтер-офицерах, с заряженными ружьями» (5, с. 259). Начальствующий командовал «прицель». «Момент этот был поистине ужасен, — вспоминал стоявший на эшафоте Д. Д. Ахшарумов. — Видеть приготовление к расстрелянию, и притом людей близких по товарищеским отношениям, видеть уже наставленные на них почти в упор ружейные стволы и ожидать — вот прольется кровь и они упадут мертвые, было ужасно, отвратительно, страшно...» (3, с. 252).

По воспоминаниям жены, Д. рассказывал об этих минутах так:

«На нас уже одели смертные рубашки и разделили по трое, я был восьмым, в третьем ряду. Первых трех привязали к столбам. Через две-три минуты оба ряда были бы расстреляны, и затем наступила бы наша очередь» (6, с. 111).

«Он ощущал только мистический страх, весь находился под влиянием мысли, что через каких-нибудь пять минут перейдет в другую, неизвестную жизнь...» (7, с. 119).

Видимо, в этот момент Д. сказал стоявшему близ него (перед ним) Спешневу: «*Nous serons avec le Christ* [Мы будем вместе с Христом, *фр.*]» — «*Un peu de poussière* [Горстью праха, *фр.*]» — ответил тот (3, с. 58). Брату Михаилу Д. писал в тот же день об этих мгновениях: «Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; в последнюю минуту ты, только один ты, был в уме моем, я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый!» Он «успел тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возле, и проститься с ними» (Д30; 28; 161).

Но «тут, по словам Спешнева, махнули платком — и казнь была остановлена» (7, с. 119). Раздался барабанный бой. Ружья, уже «прицеленные, вдруг были подняты стволами вверх». Оказалось, что «приехал какой-то экипаж, оттуда вышел офицер — флигель-адъютант — и привез какую-то бумагу, поданную немедленно к прочтению» (3, с. 252). По другой версии, этот флигель-адъютант тайно находился на С. п. с самого начала инсценировки обряда. Вслед за этим «отвязали жертвы от столбов и привели обратно на эшафот. Объявили, что император дарует преступникам жизнь и заменяет казнь другими наказаниями» (3, с. 58). По распоряжению генерал-адъютанта С. П. Сумарокова, командовавшего войсками на С. п., обер-аудитор зачитал петрашевцам реальные приговоры, утвержденные императором Николаем I по ходатайству генерал-аудиториата. Приговор Д. гласил: «...лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях <...> “на четыре года, а потом рядовым”» (5, с. 180).

К каторжным работам приговорены были первые девять петрашевцев, стоявшие на эшафоте в три ряда по правому фасу. Именно у них, и только у них, в знак лишения всех прав состояния над головами были переломлены (заранее подпиленные) шпаги. Но остается не вполне ясным, в какой момент это было осуществлено. Согласно «высочайше утвержденному проекту»,

«у дворян снимается мундирная одежда и переламываются над головою шпаги, собственно у тех, которые назначены в каторжную работу» (5, с. 259), — сразу же по прочтении смертного приговора, еще прежде появления на эшафоте священника. Однако в письме брату Михаилу, написанном сразу же после возвращения с **С. п.** в Петропавловскую крепость, Д. описывает события в иной последовательности:

«...всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту, переломили над головою шпаги и устроили наш предсмертный туалет (белые рубахи)» (Д30; 28₁: 161).

В такой же последовательности перечисляет совершенные над ними действия и Н. С. Кашкин (3, с. 323). Ахшарумов же вообще относит церемонию преломления шпаг в заключительную часть обряда — уже после оглашения реальных приговоров (что представляется наиболее логичным) (3, с. 253). Отдать предпочтение какому-то одному свидетельству затруднительно.

Приговоренного к каторжным работам М. В. Петрашевского заковали в кандалы здесь же, на эшафоте. Его единственного увозили в Сибирь в санях с фельдъегерем прямо с **С. п.** «Я хочу проститься с моими товарищами!» — сказал он. «Это вы можете сделать, — последовал великодушный ответ». «Он подошел к Спешневу, — вспоминал Ахшарумов, — сказал ему несколько слов и обнял его, потом подошел к Момбелли и также простился с ним, поцеловав и сказав что-то. Он подходил по порядку, как мы стояли, к каждому из нас и каждого поцеловал, молча или сказав что-нибудь на прощание» (3, с. 253). «Нехорошо распорядились тем, что допустили *Петрашевского* обойти всех преступников для прощального поцелуя...» — неодобрительно отметил находившийся на **С. п.** жандармский полковник Васильев (2, с. 154).

По завершении всего действия каждому из петрашевцев дали «арестантскую шапку, овчинные, грязной шерсти, тулупы и такие же сапоги». Поскольку петрашевцы были привезены на **С. п.** и стояли всё время на морозе сначала в весенней одежде, в которой они были арестованы, а затем в белых холщовых саванах, «тулупы, каковы бы они ни были <...> были поспешно надеты, как спасение от холода, а сапоги велено было самим держать в руках» (3, с. 253). Стали подъезжать кареты, и тем же порядком, по одному с конвойным солдатом в экипаже, с конными жандармами с двух сторон, петрашевцы были отправлены с **С. п.** назад в Петропавловскую крепость.

В тот же день в письме к старшему брату Михаилу Д. описал события экзекуции на **С. п.** (Д30; 28₁: 161–162).

Через девятнадцать лет в романе «Идиот» устами князя Мышкина Д. выразит свои переживания на **С. п.** в рассказе о человеке, который «был раз

взведен, вместе с другими, на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстрелянием, за политическое преступление», а «минут через двадцать прочтено было и помилование и назначена другая степень наказания...» (ДЗ0; 8: 51). См.: *Введения во храм Пресвятой Богородицы церковь*.

Лит.: (1) Цылов. Атлас. Лл. 123, 126; (2) *Петрашевы*. 1907; (3) *Первые русские социалисты*; (4) *Русский инвалид*. 1849. 22 декабря. № 276. С. 1102; (5) *Бельчиков*; (6) *Достоевская*; (7) *Биография*.

Введения во храм Пресвятой Богородицы церковь. Выстроенный по проекту архитектора К. А. Тона в русско-византийском стиле пятикупольный храм был возведен для расквартированного в этом районе Петербурга лейб-гвардии Семеновского полка. Заложен 22 августа 1837 г.; основные работы были закончены к 1839 г.; 21 ноября 1842 г. в присутствии императора Николая I состоялось освящение храма. Церковь была закрыта в 1932-м, снесена в 1933 г. Располагалась напротив *Семеновского плаца* (его северо-западной части, примыкавшей к станции Царскосельской железной дороги), по другую сторону Загородного проспекта (ныне территория Введенского сквера; место бывшего храма отмечено памятным знаком).

Судя по некоторым воспоминаниям, 22 декабря 1849 г. привезенные из Петропавловской крепости петрашевцы были взведены на эшафот и размещены так, что лица их были обращены в сторону Введенской церкви: «За спинами осужденных находился существовавший в то время на Семеновском плацу земляной вал» (1, с. 323).

В исследовательской литературе утвердилось мнение, что в романе «Идиот» в рассказе князя Мышкина о человеке, который «был раз взведен, вместе с другими, на эшафот <...> за политическое преступление», а «минут через двадцать прочтено было и помилование...» (ДЗ0; 8: 51), Д. воспроизвел свои собственные переживания во время оглашения смертного приговора на Семеновском плацу:

«Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченною крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от нее сверкавшие; оторваться не мог от лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он чрез три минуты как-нибудь сольется с ними... Неизвестность и отвращение от этого нового, которое будет и сейчас наступит, были ужасны; но он говорит, что ничего не было для него в это время тяжеле, как непрерывная мысль: “Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, — какая бесконечность! И всё это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы минуту счетом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил!” Он говорил, что эта мысль у него наконец в такую злобу переродилась, что ему уж хотелось, чтоб его поскорей застрелили» (ДЗ0; 8: 52).

Согласно «высочайше утвержденному проекту проведения и исполнения приговора над осужденными злоумышленниками», петрашевцев должны были привести к месту экзекуции к 9 часам утра (2, с. 258). Именно в это время 22 декабря в Петербурге начинался восход солнца (3, с. 36). Таким образом, эпизод в романе «Идиот» внешними чертами вполне соответствует реалиям экзекуции на *Семеновском плацу*. Можно предположить, что священник «в погребальном облачении с крестом и св. Евангелием» (2, с. 258–259), участвовавший в инсценировке смертной казни над петрашевцами и призывавший осужденных к исповеди, был также из ближайшей к плацу Введенской церкви; оттуда же, по-видимому, был доставлен и аналой, водруженный на эшафоте (1, с. 251).

Лит.: (1) *Первые русские социалисты*; (2) *Бельчиков*; (3) *Месяцеслов на 1869 год*. СПб., 1868.

Этап в Сибирь (начальная часть). Ровно в девять часов вечера 24 декабря 1849 г. из ворот Петропавловской крепости выехало четверо саней (1, с. 270). В трех санях везли петрашевцев Сергея Дурова, Ивана Ястржембского и Д., вместе с каждым находилось по жандарму. В четвертых санях ехал сопровождавший их до Тобольска поручик фельдъегерского корпуса Кузьма Прокофьев. «...Это был славный старик, — вспоминал Д., — добрый и человеколюбивый до нас <...>. Дорогой он нам сделал много добра. <...> Между прочим, он нас пересадил в закрытые сани, что нам было очень полезно, потому что морозы были ужасные» (Д30; 28₁: 167–168). Ехали уже в кандалах: полчаса назад их заковал крепостной кузнец. Позже узнали, что на каторге такие кандалы называются «мелкозвон». В них можно ехать или сидеть в камере, но ходить затруднительно, а работать вообще невозможно. В остроге новоприбывших узников сразу же перекуют в кандалы другой конструкции.

Поезд из четырех саней переехал по льду Неву, выехал на Гагаринскую пристань и с Воскресенской набережной повернул на Литейный проспект. Маршрут был знакомый: так позавчера петрашевцев везли на *Семеновский плац*. С Литейного, однако, повернули налево, на Невский. Их везли на Ярославль, и Шлиссельбургский тракт начинался за Александро-Невской лаврой.

Был поздний вечер Рождественского сочельника. «...Я в сущности был очень спокоен, — писал позднее Д. брату Михаилу, вспоминая эти минуты, — и пристально глядел на Петербург, проезжая мимо празднично освещенных домов и прощаясь с каждым домом в особенности. Нас провезли мимо твоей квартиры, и у Краевского было большое освещение. Ты сказал мне (во время свидания в *Комендантском доме*. — Б. Т.), что у него елка, что дети с Эмилией Федоровной отправились к нему...» (Д30; 28₁: 167).

Достоевского Михаила квартира находилась на Невском проспекте в доме купца Мартына Неслинда, № 109 (соврем. № 104) (2, 3). До ареста Д. вместе

с младшим братом Андреем бывал в семье старшего брата каждое воскресенье. Сейчас окна их квартиры были погашены: невестка Эмилия Федоровна с детьми была на рождественском празднике в доме издателя «Отечественных записок», сам Михаил еще не успел вернуться домой после прощания с братом в Петропавловской крепости.

Квартира Андрея Александровича Краевского находилась на Невском проспекте в доме генеральши А. А. Александровой, № 85 (соврем. № 82) (4, с. 55, 62; 3), расположенном почти сразу после поворота с Литейного²⁰, несколько ранее по движению, чем дом Неслинда. Когда Д. смотрел на празднично освещенные окна квартиры Краевского, ему «стало жестоко грустно»: он представил себе веселящихся племянников и племянниц — своего крестника и любимца Федю, его братца Мишу и сестренку Машу. «Я как будто простился с детенками, — писал он спустя четыре года брату. — Жаль их мне было, и потом, уже годы спустя, как много раз я вспоминал о них, чуть не со слезами на глазах» (Д30; 28; 167).

Миновав Знаменскую площадь, четверка саней продолжила движение по Старо-Невскому проспекту, в его конце повернула налево и далее на Шлиссельбургский проспект, тянувшийся вдоль Невы. Это была последняя городская магистраль, заканчивавшаяся Шлиссельбургской заставой, располагавшейся у Рожковских провиантских магазинов (ныне район проспекта Обуховской обороны, № 26) (5, с. 10). За ней пролегла граница Северной столицы и далее — путь в неизвестность.

Вернется Д. в Петербург лишь спустя десять лет...

Лит.: (1) Д. в воспоминаниях. Т. 1; (2) Д30; 28; 165; (3) Цылов. Атлас. Л. 217, с. 166; (4) Греч. 1846; (5) Червяков.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 17-04-50090 а(ф).

¹ Эти данные далее будут уточнены.

² Все ссылки будут даны в последующем изложении.

³ Здесь и в дальнейшем перекрестные отсылки к конкретным статьям справочника-путеводителя «Петербург Достоевского-петрашевца» даются курсивными выделениями в изложении их заголовочной части.

⁴ Подробнее см. в моей книге: [Тихомиров, 2017: 37–40]. Здесь же указаны источники, а также дана критика ошибочного утверждения, широко представленного в краеведческой литературе, согласно которому весной 1846 г. Достоевский якобы жил в Кирпичном переулке.

⁵ Подробнее см.: [Тихомиров, 2017: 41–43].

⁶ См.: [Летопись: 138, 150, 152].

⁷ Согласно полицейской регистрации, писатель был «прописан» по данному адресу с 17 января 1848 г. (см.: [Бельчиков: 115]), но реально он мог поселиться здесь несколькими днями раньше.

⁸ Подробнее см.: [Тихомиров, 2017: 51–53].

- 9 См.: [Бельчиков: 93–94].
- 10 Схожим образом описывает свой арест младший брат писателя Андрей Достоевский, которого по ошибке вместо старшего брата Михаила в ту же ночь арестовали по месту его жительства в доме везенбергских купцов Петра и Фомы Нестеровых, в квартире Анны Дорошкевич, во 2-й роте Измайловского полка, № 1, на углу Царскосельского проспекта, № 6 (соврем. адрес: угол 1-й Красноармейской улицы, № 2 и Московского проспекта, № 27) (см.: [Достоевский А. М.: 168–171]).
- 11 Согласно данным Атласа Н. И. Цылова (Л. 64, с. 183), дом № 116 был разновысоким, частью 2-х-, частью 3-хэтажным; нижний этаж был каменным, верхние деревянными.
- 12 Из документов, приведенных Б. В. Федоренко, следует, что в 1845 г. Петрашевский занял отдельную квартиру № 13, потом в 1846 г. — № 11 и, наконец, № 9» [Федоренко: 130].
- 13 Надо полагать, что ко времени начавшихся многолюдных собраний Петрашевский уже перебрался из квартиры № 11 в № 9. Во всяком случае, никто из мемуаристов не сообщает, что в период «пятничных» сборов имел место переезд хозяина из квартиры в квартиру.
- 14 На приложенной к изданию карте (Планшет № 1) П. Н. Столпянский вполне определенно обозначает место указываемого им 2-этажного деревянного домика, где, по его мнению, «в углу площади» проходили «пятницы» Петрашевского. Это № 116 по нумерации 1840-х гг. (Столпянский не называет номера) или левая часть участка, на которой сегодня стоит дом № 109. В тексте автор «Революционного Петербурга» описывает и соседний 5-этажный (уже 5-этажный!) дом («один из старейших домов в этой местности, ему около ста лет»), не отмечая, однако, что он также принадлежал Петрашевским (№ 118 по нумерации 1840-х гг., № 111–113 по современной нумерации). Доверившись указанию П. Н. Столпянского, одни современные авторы называют исторический адрес Петрашевского (и соответственно места проведения «пятниц») по Большой Садовой, № 116 [Егоров: 225]. Другие же совершенно запутывают дело, когда, процитировав пассаж Столпянского про «деревянный, маленький домик», сообщают, что «ныне на участке, где стоял домик Петрашевского, высятся многоэтажные каменные дома под номерами 111 и 112 [так!] по Садовой улице» [Саруханян: 69]. Парадоксально возникший на нечетной стороне улицы дом № 112, судя по всему, опечатка. Но, исправив ее, мы получим современный № 111–113, то есть как раз место второго — 4-этажного каменного — дома Петрашевских. Ср. тождественный повтор данных Саруханян, вплоть до нелепой опечатки, у С. В. Белова: «...сейчас здесь каменные дома под номерами 111 и 112 по Садовой улице» [Белов, 2002: 84].
- 15 В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» [Летопись, 1: 147] приведен исторический адрес дома по Гороховой улице, № 64, где квартировали С. Ф. Дуров, А. И. Пальм и А. Д. Щелков, но современный номер не указан, что не позволяет установить его нынешнее местоположение. Исторический дом не сохранился, на его месте сейчас здание постройки начала XX в. (№ 61).
- 16 Указанный в воспоминаниях Яновского адрес дома действительного статского советника Василия Богдановича Шольца подтверждается петербургским справочником конца 1840-х гг. (см.: [Цылов. Атлас. Л. 49, с. 263]). В новейшей публикации К. А. Баршт (см.: Письмо С. Д. Яновского к О. Ф. Миллеру от 8/20 ноября 1882 года / публ. К. А. Баршта // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 368–369) предпринимает попытку дезавуировать аутентичность этого адреса со ссылкой на более позднюю адресную книгу, в которой жительство самого В. Б. Шольца показано «по Демидовск<ому> пер. в д<оме> Шпехта» (Путеводитель. 60, 000 адресов

- из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина и прочия. 1854. СПб., [1853]. С. 227, 1-я паг.). Однако в XIX в. домовладельцы далеко не всегда жили в собственном доме, и показание «Атласа...» Н. И. Цылова снимает всякие сомнения. Кроме того, дом Шольца на Обуховском проспекте показывает и справочник 1854 г., к которому апеллирует К. А. Баршт (см.: Там же. С. 42, 2-я паг.).
- 17 Здесь Григорьев ошибочно поименован «Александром Петровичем».
- 18 См.: [Летопись, 1: 162].
- 19 В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» [Летопись, 1: 163] ошибочно указано, что Следственная комиссия была учреждена 26 апреля 1849 г. Так же ошибочно в состав Следственной комиссии здесь включен князь А. Ф. Голицын. 26 апреля 1849 г. была учреждена Комиссия для разбора бумаг и книг арестованных под председательством князя А. Ф. Голицына (этот факт в «Летописи...» не отмечен) (см.: [Егоров: 174]).
- 20 В примечаниях Д30 ошибочно указано, что в 1849 г. «А. А. Краевский жил в собственном доме на углу Литейного проспекта и Бассейной ул. (ныне ул. Некрасова)» (Д30; 28₁: 452). Этот дом был приобретен Краевским только в 1857 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алянский Ю. Л. Веселящийся Петербург: по материалам собрания Г. А. Иванова. — СПб.: Прана, 1992–2002. — Т. 1–6 (издание не завершено).
2. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX в.: справочник / сост. А. М. Гинзбург и Б. М. Кириков. — СПб.: Пилигрим, 1996. — 397 с.
3. Атлас тринадцати частей С.-Петербурга с подробным изображением набережных, улиц, переулков, казенных и обывательских домов / сост. Н. Цылов. [СПб., 1849]. — Репринтное воспроизведение. — М.: Центрполиграф, 2003. — [2], [3], [1], [1], [3] с.; 392 л.; [2], [1], [4], 279, 40 с.
4. Басина М. Я. Сквозь сумрак белых ночей: документальная повесть. — Л.: Детская литература; Ленингр. отд., 1979. — 231 с.
5. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь: в 2 т. — СПб.: Алетейя, 2001. — Т. 1. — 573 с.; Т. 2. — 544 с.
6. Белов С. В. Петербург Достоевского: научное издание. — СПб.: Алетейя, 2002. — 355, [28] с.
7. Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. — М.: Наука, 1971. — 296 с.
8. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. — СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. — 332, 375, 122, V с. (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 1).
9. Волгин И. Л. Пропаший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 г. — М.: Либеря, 2000. — 704 с.
10. Врангель А. Е., барон. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири: 1854–56. — СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1912. — 221 с.
11. Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. — 3-е изд. — М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1960–1963.
12. [Греч А. Н.] Весь Петербург в кармане: справочная книга для столичных жителей и приезжих. С новейшим планом С.-Петербурга. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1846. — [2], VI, 174 с.; 1 л. фронт. (план).
13. Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: биография в датах и документах. — М.; Л. Academia, 1935. — 382, [1] с.

14. Дело петрашевцев: в 3 т. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937–1951.
15. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. — М.: Бослен, 2015. — 768 с.; ил.
16. Достоевский А. М. Воспоминания / вступ. ст., подгот. и примеч. С. В. Белова. — СПб.: Андреев и сыновья, 1992. — 399 с.
17. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
18. Егоров Б. Ф. Петрашевцы. — Л.: Наука, 1988. — 237 с.; ил.
19. Захаров В. Н. Куда исчез архив Достоевского 1840-х годов? // Проблемы филологии, культурологии и искусствознания. — 2014. — № 3. — С. 287–296.
20. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. — СПб.: Академический проект, 1993–1995.
21. Первые русские социалисты: воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге / сост. Б. Ф. Егоров. — Л.: Лениздат, 1984. — 392 с.; ил.
22. [Перлина Н. М.] Следственное дело М. М. Достоевского-петрашевца // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1974. — Т. 1. — С. 254–265.
23. Петрашевцы. — М.: Изд. В. М. Саблина, 1907. (Политические процессы Николаевской эпохи; [вып. 2]). — [5], 160, 4 с.
24. Петрашевцы: сб. материалов: в 3 т. / под ред. П. Е. Щеголева. — М.; Л.: Государственное издательство, 1926–1928.
25. Пинчук В. А. Из жизни Ф. М. Достоевского // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / вступ. ст, подгот. текста и примеч. С. В. Белова. — СПб.: Андреев и сыновья, 1993. — С. 37–38.
26. Путеводитель по С.-Петербургу. С приложением программ всех учебных заведений и 6-ти планов Петербурга / сост. и издал А. П. Червяков. — СПб., 1865. — 308; 144 с.
27. Сараскина Л. И. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 825, [7] с.; ил. (Сер. «Жизнь замечательных людей»; вып. 1320).
28. Саруханян Е. П. Достоевский в Петербурге. — Л.: Лениздат, 1972. — 279 с.
29. Список лицам, посещавшим с 11 марта 1849 года собрания Петрашевского <по> Пятницам // Общество пропаганды в 1849: собрание секретных бумаг и высочайших конфирмаций. — Лейпциг: Э. Л. Каспрович, 1875. — С. 39–62. (Международная библиотека; т. IX).
30. Столпянский П. Н. Революционный Петербург: у колыбели русской свободы. — СПб.: Колос, 1922. — 208; [16] с.
31. Тихомиров Б. Н. С Достоевским по Невскому проспекту, или Литературные прогулки от Дворцовой площади до Николаевского вокзала. — СПб., 2012. — 261 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/124493032.pdf>
32. Тихомиров Б. Н. Книги, бывшие у Ф. М. Достоевского во время пребывания в Алексеевском равелине Петропавловской крепости (1849): опыт реконструкции // Известный Достоевский. — 2015. — № 3. — С. 68–83 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449054179.pdf (01.07.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2484
33. Тихомиров Б. Н. «А живу в доме Шиля...»: Адреса Ф. М. Достоевского в Петербурге, известные и неизвестные. 1837–1881: исследование. — СПб.: Серебряный век, 2017. — 152 с., ил.
34. Тихомиров Б. Н. Достоевский на Кузнечном: Даты. События. Люди. — 2-е изд., испр. — СПб.: Кузнечный переулоч, 2018. — 224 с.

35. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1990.
36. Федоренко Б. В. Здесь они встречались по пятницам (Достоевский в доме у Покрова) // Достоевский и мировая культура. — СПб.: Серебряный век, 2001. — № 16. — С. 123–133.
37. Чулков Г. И. Жизнь Достоевского. — М.: ИМЛИ РАН, 2015. — 467 с. (Сер. «Источниковедение литературы XX века»; вып. 1)
38. Яновский С. Д. Болезнь Ф. М. Достоевского // Новое время. — 1881. — 24 февраля. — № 1793. — С. 2–3.

Boris N. Tikhomirov

*The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

btkhomirov@rambler.ru

Saint Petersburg of Dostoevsky as a Petrashevsky's Circle Member (an Experience of Composing a Guide-book)

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 17-04-50090 а(ф).

Abstract. The publication is an experience of composing a Saint Petersburg guide-book by Dostoevsky as a Petrashevsky's circle member. All the addresses of the Northern capital more or less significant for the Dostoevsky's biography as the member of the Petrashevsky's socialist circle, get described in a systematic manner. Besides, the life events of the writer related to this or that address get published. All the data are provided with documentary, memoir and epistolary sources. Each article is dedicated to a particular address, accompanied with the respective bibliography. The materials in the guide-book are put in a chronological order if possible: from the Wolf baker's shop where in May, 1846 Dostoevsky got acquainted with Petrashevsky, up to the Semyonovsky parade ground where in December, 1849 the false execution over the Petrashevsky's circle members was held and the route of escorting of the writer from the Peter and Paul Fortress to Siberia on Christmas Eve. Along with the historic addresses given in accordance with the documents of the 1840s the actual addresses of Dostoevsky's places of staying get indicated as well.

Keywords: Dostoevsky, Saint Petersburg, the Petrashevsky's circle members, local studies, addresses, routes, guide-book, sources

About the authors: *Tikhomirov Boris N.* — Doctor of Philology, Deputy Director of Academic Affairs, The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum, the President of the Russian Dostoevsky Society (per. Kuznechnyy 5/2, Saint Petersburg, 191002, Russian Federation)

Received: July 5, 2019

Date of publication: September 14, 2019

For citation: Tikhomirov B. N. Saint Petersburg of Dostoevsky as a Petrashevsky's Circle Member (an Experience of Composing a Guide-book). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 3, pp. 18–66. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4181 (In Russ.)

REFERENCES

1. Alyanskiy Yu. L. *Veselyashchisya Peterburg: po materialam sobraniya G. A. Ivanova* [Merry St. Petersburg: Based on the Materials of the Collection of G. A. Ivanov]. St. Petersburg, Prana Publ., 1992–2002, vol. 1–6 (In Russ.)

2. *Arkhitektory-stroiteli Sankt-Peterburga serediny XIX — nachala XX v.: spravochnik* [Architects, Builders of St. Petersburg in the middle of the 19th Beginning of the 20th Century: Guide]. St. Petersburg, Piligrim Publ., 1996. 397 p. (In Russ.)
3. *Atlas trinadtsati chastey S.-Peterburga s podrobnym izobrazheniem naberezhnykh, ulits, pereulkov, kazennykh i obyvatel'skikh domov* [The Atlas of 13 Parts of St. Petersburg with Detailed Images of Embankments, Streets, Lanes, Public and Private Houses]. St. Petersburg. (Reprint Edition 1849). Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2003. 862 p. (In Russ.)
4. Basina M. Ya. *Skvoz' sumrak belykh nochey: dokumental'naya povest'* [Through the Twilight of White Nights: Documentary Novel]. Leningrad, Detskaya literatura Publ., 1979. 231 p. (In Russ.)
5. Belov S. V. F. M. *Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh* [F. M. Dostoevsky and His Ambience: Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, vol. 1. 573 p.; vol. 2. 544 p. (In Russ.)
6. Belov S. V. *Peterburg Dostoevskogo: nauchnoe izdanie* [Dostoevsky's Petersburg: Scientific Publication]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2002. 355, 28 p. (In Russ.)
7. Bel'chikov N. F. *Dostoevskiy v protsesse petrashevtsyev* [Dostoevsky in the Trial of the Petrashevtsy]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 296 p. (In Russ.)
8. *Biografiya, pis'ma i zametki iz zapisnoy knizhki F. M. Dostoevskogo. S portretom F. M. Dostoevskogo i prilozheniyami* [Biography, Letters and Notes from the Notebook by Fedor Dostoevsky. With a Portrait of F. M. Dostoevsky and Applications]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina Publ., 1883. 838 p. (Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh, vol. 1). (In Russ.)
9. Volgin I. L. *Propavshiy zagovor: Dostoevskiy i politicheskiy protsess 1849 goda* [Missing Plot: Dostoevsky and State Trial of 1849]. Moscow, Libereya Publ., 2000. 704 p. (In Russ.)
10. Vrangel' A. E., baron. *Vospominaniya o F. M. Dostoevskom v Sibiri: 1854–56* [Memories About F. M. Dostoevsky in Siberia: 1854–1856]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina Publ., 1912. 221 p. (In Russ.)
11. Gernet M. N. *Istoriya tsarskoy tyur'my: v 5 tomakh* [History of the Royal Prison: in 5 Vols]. Moscow, State Publishing House of Legal Literature Publ., 1960–1963. (In Russ.)
12. Grech A. N. *Ves' Peterburg v karmane: spravochnaya kniga dlya stolichnykh zhiteley i priezzhikh. S noveyshim planom S.-Peterburga* [All St. Petersburg in a Pocket: Reference Book for the Capital's Residents and Visitors. With the Updated Plan of St. Petersburg]. St. Petersburg, Tipografiya E. Pratsa Publ., 1846. 174 p. (In Russ.)
13. Grossman L. P. *Zhizn' i trudy F. M. Dostoevskogo: biografiya v datakh i dokumentakh* [Life and Works of F. M. Dostoevsky: Biography in Terms of Dates and Documents]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 382 p. (In Russ.)
14. *Delo petrashevtsyev: v 3 tomakh* [The Petrashevsky Case: in 3 Vols]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937–1951. (In Russ.)
15. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917* [Memoirs. 1846–1917]. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
16. Dostoevskiy A. M. *Vospominaniya* [Memoirs]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1992. 399 p. (In Russ.)
17. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
18. Egorov B. F. *The Petrashevtsy*. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 237 p. (In Russ.)

19. Zakharov V. N. Where did the Dostoevsky Archive of the 1840s Disappear? In: *Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvovznaniya* [Problems of Philology, Culturology and Art History], 2014, no. 3, pp. 287–296. (In Russ.)
20. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993–1995. (In Russ.)
21. *Pervye russkie sotsialisty: vospominaniya uchastnikov kruzhkov petrashevtssev v Peterburge* [The First Russian Socialists. Memoirs of Participants of the Petrashevsky Societies in St. Petersburg]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1984. 392 p. (In Russ.)
22. Perlina N. M. The Investigation Case of M. M. Dostoevsky as a Petrashevets. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 1, pp. 254–265. (In Russ.)
23. *The Petrashevtsy*. Moscow, Izdanie V. M. Sablina Publ., 1907. 164 p. (Political Trials of the Epoch of Nicholas; issue 2). (In Russ.)
24. *Petrashevtsy: sbornik materialov: v 3 tomakh* [The Petrashevtsy: Collection of Materials: in 3 Vols]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1926–1928. (In Russ.)
25. Pinchuk V. A. From Facts of Life of F. M. Dostoevsky. In: *F. M. Dostoevskiy v zabytykh i neizvestnykh vospominaniyakh sovremennikov* [F. M. Dostoevsky in the Forgotten and Unknown Memoirs of His Contemporaries]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1993, pp. 37–38. (In Russ.)
26. *Putevoditel' po S.-Peterburgu. S prilozheniem programm vsekh uchebnykh zavedeniy i 6-ti planov Peterburga* [The Guide-book to St. Petersburg. With the Information of the Programs of All Education Institutions and of Six Layouts of St. Petersburg]. St. Petersburg, 1865. 144 p. (In Russ.)
27. Saraskina L. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2011. 825 p. (Ser. “Life of Outstanding People”; issue 1320). (In Russ.)
28. Sarukhanyan E. P. *Dostoevskiy v Peterburge* [Dostoevsky in St. Petersburg]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1972. 279 p. (In Russ.)
29. A List of People Visiting the Meetings of the Petrashevsky's Circle on Fridays Since March 11, 1849. In: *Obshchestvo propagandy v 1849: sobranie sekretnykh bumag i vysochayshikh konfirmatsiy* [The Propaganda Society in 1849: Collection of Secret Papers and Imperial Confirmations]. Leipzig, E. L. Kasprovich Publ., 1875, pp. 39–62. (International Library; vol. 9). (In Russ.)
30. Stolpyanskiy P. N. *Revolutsionnyy Peterburg: u kolybeli russkoy svobody* [Revolutionary St. Petersburg: at the Cradle of Russian Freedom]. St. Petersburg, Kolos Publ., 1922. 208 p. (In Russ.)
31. Tikhomirov B. N. *S Dostoevskim po Nevskomu prospektu, ili Literaturnye progulki ot Dvortsovoy ploshchadi do Nikolaevskogo vokzala* [With Dostoevsky Along Nevsky Avenue, or Literary Walks from Palace Square to Nicholas Station]. St. Petersburg, 2012. 261 p. Available at: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/124493032.pdf> (In Russ.)
32. Tikhomirov B. N. The Books F. M. Dostoevsky Had During His Detention in the Alexis Ravelin of the Peter and Paul Fortress (1849). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2015, no. 3, pp. 68–83. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449054179.pdf (accessed on July 1, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2484 (In Russ.)
33. Tikhomirov B. N. «A zhivu v dome Shilya...»: Adresa F. M. Dostoevskogo v Peterburge, izvestnye i neizvestnye. 1837–1881: issledovanie [“I Live in the House of Shil...”. Addresses of F. M. Dostoevsky in St. Petersburg, Known and Unknown. 1837–1881: Research]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2017. 152 p. (In Russ.)

34. Tikhomirov B. N. *Dostoevskiy na Kuznechnom: Daty. Sobytiya. Lyudi* [*Dostoevsky in Kuznechny Lane: Dates. Events. People*]. St. Petersburg, Kuznechnyy pereulok Publ., 2018. 224 p. (In Russ.)
35. *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh* [*F. M. Dostoevsky in Memoirs of His Contemporaries: in 2 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. (In Russ.)
36. Fedorenko B. V. It Is Where They Used to Meet on Fridays (Dostoevsky in the House Near The Church of the Intercession). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura* [*Dostoevsky and World Culture*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2001, no. 16, pp. 123–133. (In Russ.)
37. Chulkov G. I. *Zhizn' Dostoevskogo* [*Life of Dostoevsky*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 467 p. (Ser. “Source Studies of the Literature of the 20th Century”; issue 1). (In Russ.)
38. Yanovskiy S. D. F. M. Dostoevsky's Disease. In: *Novoe vremya*, 1881, 24 February, no. 1793, pp. 2–3. (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2019.4021

УДК 821.161.1

А. В. Бурмистрова

*Институт мировой литературы,
Российская академия наук
(Москва, Российская Федерация)*

alina-art@autorambler.ru

Инсценировки романов Достоевского (первые опыты)*

Аннотация. В статье рассматривается проблема зарождения и формирования так называемого «театра Достоевского». Исследование выполнено после изучения статей из столичной и провинциальной периодики, посвященных инсценировкам произведений Достоевского и рецепции его творчества в 1880–1890-е гг. Многие из них, ранее не рассматривавшиеся исследователями, посвящены сценичности романов писателя. Обзор и подробный анализ этих источников, впервые вводимых в научный оборот, составляет новизну работы. Особый интерес представляют материалы из архива ГЦТМ им. А. А. Бахрушина — суфлерский экземпляр инсценировки «Преступления и наказания» Дельера и пьеса Крылова и Сутугина по мотивам романа «Идиот» для сцены московского Малого театра и петербургского Александринского театра по роману «Идиот».

Ключевые слова: Достоевский, театр, инсценировка, рецепция, традиция, периодика, критика, архив

Об авторе: Бурмистрова Алина Валентиновна — кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ул. Поварская, 25а, г. Москва, 121069, Российская Федерация), корреспондент газеты Союза кинематографистов «СК-Новости» (ул. Васильевская, дом 13, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 123056)

Дата поступления: 17.01.2019

Дата публикации: 14.09.2019

Для цитирования: Бурмистрова А. В. Инсценировки романов Достоевского (первые опыты) // *Неизвестный Достоевский*. — 2019. — № 3. — С. 96–115. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4021

Достоевский и театр: введение в тему

Федор Михайлович Достоевский не только один из самых значительных русских авторов, но также один из самых сценичных. Несмотря на то, что Достоевский не был драматургом, инсценировки его романов вот уже более ста лет идут на российской и мировой сцене наряду с пьесами Шекспира и Чехова.

Однако у истоков творчества писателя находились именно драматические опыты. По свидетельству друга молодости писателя, доктора А. Е. Ризенкампа (в пересказе О. Ф. Миллера), в 1840–1842 гг. Достоевский трудился над двумя историческими драмами — «Марией Стюарт» и «Борисом Годуновым»: «Что касается первого сюжета, то Федор Михайлович <...> продолжал ревностно им заниматься и в 42 г., чему способствовало сильное впечатление, произведенное на него в роли Марии Стюарт немецкою трагическою актрисою Лилли Лёве. Достоевский хотел обработать эту трагическую тему по-своему, для чего тщательно принялся за приготовительное историческое чтение. Куда девались наброски его “Марии Стюарт”, а равно и “Бориса” — остается неизвестным»¹.

Американский славист Роберт Л. Бэлнеп писал о драматургических истоках творчества Достоевского: «Драматургия всегда привлекала Достоевского. <...> Роман “Преступление и наказание” первоначально также был задуман в виде драмы. К счастью, писатель не довел этот план до конца — вполне вероятно, что драма вобрала бы в себя все недостатки “Власти тьмы” и “Воскресения” Льва Толстого, не обладая и малой долей их достоинств. Но как у Толстого замысел романа о декабристах переродился в роман “Война и мир”, так и составленный Достоевским план мелодрамы послужил основой “Братьев Карамазовых”» [Бэлнеп: 93].

Известно, что за десять дней до смерти в разговоре с А. С. Сувориным, который поинтересовался, отчего Достоевский никогда не писал драмы при таком великом мастерстве написания монологов, Федор Михайлович посетовал: «У меня какой-то предрассудок насчет драмы. Белинский говорил, что драматург настоящий должен начинать писать с двадцати лет. У меня это и засело в голове. Я все не осмеливался. Впрочем, нынешним летом я надумывал один эпизод из “Карамазовых” обратить в драму»². К сожалению, этому замыслу не суждено было воплотиться.

По мнению И. Л. Волгина, «роман Достоевского <“Идиот”> (как целое) абсолютно неподъемен ни для сцены, ни для экрана. <...> зритель рискует заблудиться в этом чудовищном лабиринте человеческих отношений — в подвалах, башенках, флигелечках, чуланах, пристройках и т. д.» [Волгин]. Однако и режиссеры XIX–XX вв., и современные, обращались и продолжают обращаться к творчеству Ф. М. Достоевского и инсценировать его произведения, сохраняя авторское слово или опираясь на собственную концепцию.

Опыт этих постановок очень важен, поскольку позволяет говорить о «театре Достоевского» как особой художественной системе.

Тема сценичности романов Достоевского давно в центре внимания критики, но она до сих пор не получила глубокого теоретического осмысления. Б. Н. Любимов так обозначил эту проблему: «...судьба Достоевского в театре, судьба в своем роде единственная. Повышенный интерес театров к Достоевскому нельзя объяснить только философской и социальной значимостью его созданий. Проникновению произведений Достоевского в репертуар театра способствовала загадочная сценичность его повествования, отмечавшаяся исследователями неоднократно, хотя и не всегда доказательно» [Любимов: 10].

Ф. М. Достоевского не стало в 1881 г. Этот год — поворотный для русской критики, писавшей о нем: его образ и биография стали завершенным полотном, оценивать которое можно было уже не только с позиции сиюминутности, но и вечности.

Одним из первых обратил особое внимание на сценичность произведений Достоевского Д. С. Мережковский. Например, он писал о близости художественной системы Достоевского поэтике античной драмы, ведь «не только присутствие рока в событиях придает рассказу Достоевского трагический пафос в античном смысле слова — этому впечатлению способствует еще и единство времени (тоже в античном смысле)»³. Отмечает Мережковский и динамику, и насыщенную событийность произведений писателя: «В промежуток одного дня, иногда нескольких часов, события и катастрофы нагромождаются целыми массами. Роман Достоевского — не спокойный, плавно развивающийся эпос, а собрание пятых актов многих трагедий»⁴.

Позже критики, вслед за Мережковским, подчеркнут и сверхдраматизм произведений Достоевского, и тему фатума, и роковых страстей в судьбах его героев.

Вяч. Иванов дал романам Достоевского определение «романов-трагедий», утверждая, что трагичен, по существу, сам их поэтический замысел: «Роман Достоевского есть роман катастрофический, потому что все его развитие спешит к трагической катастрофе»⁵. И катастрофизм этот, по мнению Вяч. Иванова, проистекает из самой духовной жизни писателя, который, стоя на эшафоте и заглянув смерти в глаза, пережил духовное перерождение: «Мы видим, что идея вины и возмездия, эта центральная идея трагедии, есть и центральная идея Достоевского, все творчество которого, после Сибири, кажется одним художественным раскрытием и одним религиозным исповеданием единой мысли о единой дилемме человека и человечества: быть ли, т. е. с Богом, или не быть, т. е. мнить себя сущим — без Бога»⁶.

**Периодика о первых опытах инсценировок:
«Дядюшкин сон», «Село Степанчиково»**

В период с 1840-х до 1880-х гг., согласно библиографическому указателю С. В. Белова [Белов: 403–469], имя Достоевского в связи с театром упоминается в критике всего несколько раз. Например, в рубрике «Московская летопись» журнала «Москвитянин» за 1846 г. мы встречаем заметку В. В. Львова о чтении актером М. С. Щепкиным письма из «Бедных людей» в доме С. Ю. Самариной.

В тот вечер Щепкин, помимо «Старосветских помещиков» Н. В. Гоголя и двух стихотворений Н. А. Некрасова, прочел отрывок из напечатанного в «Петербургском сборнике» романа Достоевского «Бедные люди». Критик газеты «Москвитянин» пишет об этом следующее: «...вечер был не совсем удачен <...> Одно письмо из “Бедных людей” Достоевского прочтено им <Щепкиным> было лучше. Но зачем читал он его? Г-н Достоевский имеет неотъемлемые достоинства: глубокий взгляд, глубокое знание сердца человеческого, мастерскую кисть, и сцена Девушкина перед добрым начальником верна, слова нет, но дело не в одной верности только, дело в выборе того, что дагеротипировано; прекрасно нарисованная картина не всегда найдет себе приличное место на стене богатой гостиной»⁷.

Начало же сценической биографии Достоевского было положено лишь в 1878 г., когда по мотивам повести «Дядюшкин сон» Л. Н. Антропов написал комедию «Очаровательный сон». «В 1882 г. эта повесть была по-новому интерпретирована в Петербургском русском театре, а в 1891 г. К. С. Станиславский инсценирует и ставит “Фому” (по роману “Село Степанчиково и его обитатели”) на сцене Московского общества искусства и литературы. Затем появляются спектакли по романам Достоевского: в императорских театрах ставится “Идиот”, в театре Литературно-художественного общества “Преступление и наказание” и, наконец, в 1900 г., в гастрольном спектакле известного актера П. Н. Орленева, — “Братья Карамазовы”» [Сокурова: 123].

Проанализируем критику 1880-х гг., посвященную постановке комедии «Дядюшкин сон» на сцене Русского театра в Петербурге (художественным руководителем которого был на тот момент Д. Д. Коровяков⁸). Сразу три крупных газеты написали о премьере 1882 г.: «Новое время»⁹, «Голос» и «Биржевые ведомости».

В разделе «Театр и музыка» газеты «Новое время» (1882, 9 дек.) критик пишет о том, что представленный на сцене «Дядюшкин сон» вышел не комедией, а рассказом в разговорной форме, который может смотреться с удовольствием только в мастерском исполнении.

Подробно анонимный критик останавливается на актерском составе. На сцене Русского театра роль князя играл г. Борисовский — «даровитый актер». В роли Зины — г-жа Н. Абаринова, молодая актриса, «обладающая эффектной сценичной наружностью». В маленькой роли Натальи Дмитриевны выделилась

г-жа Милова, а актрисе Дубровской, исполнившей одну из главных ролей, — практической дамы Москалевой — «можно пожелать более рельефной игры и поменьше однотонности»¹⁰.

В разделе «Хроника» петербургской газеты «Голос» (1882, 8 дек.) также выходит заметка об этой постановке. «Вчера в Русском театре была дана незнакомая петербургской публике, но уже несколько лет с успехом играющаяся в провинции трехактная комедия “Дядюшкин сон”»¹¹, — предваряет критик свою статью, из которой мы узнаем, что комедия, оказывается, давно идет в провинции и только сейчас дошла до Петербурга.

Автор заметки, как и предыдущий критик, размышляет о жанре постановки: «...в пьесу эту перешел юмор покойного писателя. Он-то и составляет, при некой бедности ее содержания, главное ее достоинство»¹².

Газета «Биржевые ведомости» (1882, 14 дек.) также публикует отзыв о премьере в Русском театре. Критик Еф. А. пишет о том, что повесть «Дядюшкин сон» — одно из самых слабых произведений Достоевского и в переделке представляет очень незавидную по сценичности и по новизне комедию.

Главные же достоинства героев Достоевского — психологическая верность и тонкость, по мнению критика, не проявляются в комедии: «Действующие лица выходят ходульными и водевильными и не представляют ничего сценически эффектного»¹³.

Рассуждая о жанровой специфике постановки, автор отмечает, что «несмотря на чисто водевильный характер комедии, в ней проглядывает местами мастерская рука маститого писателя»¹⁴.

Что касается актерской игры, то, как и критик газеты «Голос», автор «Биржевых ведомостей» пишет, что роль князя, которую взял на себя сам режиссер, он «постыдно провалил», а из всех исполнителей одна г-жа Абаринова была прилична.

В 1891 г. К. С. Станиславский предпринял постановку спектакля «Фома» по роману Достоевского «Село Степанчиково» — написал инсценировку, стал режиссером и сыграл одну из заглавных ролей. Это был один из его первых сценических опытов в кружке любителей драматического искусства при Обществе искусства и литературы.

На эту постановку появилось всего два отзыва: в журналах «Артист» и «Развлечение».

Критик С. на страницах «Артиста» называет эту постановку творческой удачей и, что особенно важно, отмечает ее близость оригинальному тексту Достоевского: «Дух рассказа Достоевского сохранен в полной неприкосновенности; большею частью даже сохранен его слог, и Станиславскому (автору переделки) совершенно несправедливо делали упреки за то, что будто бы им слабо передан язык эпохи»¹⁵. Критик, напротив, полагает, что точность в передаче эпохи, к которой относится происходящее на сцене, — это первое, что бросается в глаза, начиная с архитектуры, комнат и убранства 30-х годов

и заканчивая костюмами. Все это, по словам автора, производит «цельное и гармоничное впечатление, какого зритель не получал даже и на сцене Малого театра»¹⁶.

Говоря об актерском мастерстве, рецензент отмечает работу Станиславского, называя ее лучшей в этом спектакле: «Бесхарактерный полковник в его исполнении живет на сцене с поразительной правдивостью, и вы минутами готовы поверить, что перед Вами не актер, а сам полковник, то очаровательный в своей непомерной доброте, то до отвращения тряпичный... Без искры истинного таланта этого не заставишь почувствовать никакою игрою»¹⁷.

Завершая статью, критик заключает, что на сцене были показаны психологически достоверные человеческие типы героев, которые актуальны во все времена, потому как «они жили всегда и умрут с человечеством»¹⁸ и что каждая сцена в этой постановке — это выхваченная из жизни картинка.

Рецензент журнала «Развлечение» С. Никонов размышляет о том, что переделать рассказ в драматическое произведение, сохранив при этом целостность оригинала, практически невозможно: «Драматические произведения, по самому существу своему, глубоко разнятся ото всякого другого рода литературных работ не только способом изложения, формой, но и течением действия...»¹⁹. Именно поэтому, переделывая рассказ в пьесу, недостаточно просто перенести туда диалоги персонажей. Требуется также привнести движение действующих лиц, выразить все идеи и все содержание, заложенное в рассказе.

Критик утверждает, что создатель инсценировки должен вступить в творческое соавторство с создателем прозаического произведения: «...словом, переделыватель должен явиться самостоятельным автором, стать в уровень с тем, у кого заимствует, смотреть его глазами и, кроме того, в случае надобности — дополнить движение типов и действие пьесы сценами, не идущими вразрез с мыслью автора»²⁰.

Отмечая недостатки постановки, рецензент все же высоко оценивает актерское мастерство К. С. Станиславского, исполняющего роль Егора Ильича: «Станиславского я видел всего в первый раз и должен сознаться, что жалею, что ранее мне не удалось ознакомиться с ним, как артистом. В роль Ростанева он вложил такую массу таланта, был так прост, так естественен, что положительно являл собой живой образ»²¹.

Этот спектакль, таким образом, стал одним из первых подступов Станиславского к инсценировкам произведений Достоевского.

Роман «Преступление и наказание» на российской и зарубежной сцене

В декабре 1871 г. В. Д. Оболенская²² писала письмо Ф. М. Достоевскому с просьбой о дозволении переделать «Преступление и наказание» в драму для представления на Императорских театрах. На что Достоевский ответил: «Есть какая-то тайна искусства, по которой эпическая форма никогда не

найдет себе соответствия в драматической. <...> Другое дело, если Вы как можно более переделаете и измените роман, сохранив от него лишь один какой-нибудь эпизод, для переработки в драму, или, взяв первоначальную мысль, совершенно измените сюжет?...»²³.

В следующий раз сцена из романа будет представлена в переделке Андреева-Бурлака в первом частном театре России²⁴ в 1883 г. Остальные попытки инсценировать этот роман, включая первую — Ушакова (1867), — не были приняты цензурой.

Как видим, сценическая история романов Достоевского формировалась уже после смерти писателя. Все дело в том, что «цензурные органы с большим упорством и последовательностью препятствовали проникновению на сцену театра произведений Достоевского, усматривая в них “сплошной протест против существующего общества”» [Орнатская, Степанова: 269].

До нас дошли протоколы двух заседаний Совета Главного управления по делам печати, на которых рассматривалась пьеса Ушакова²⁵. Скажем, в протоколе записано: «Ввиду такого неудовлетворительного исхода пьесы, отсутствия в ней торжества жизненной правды и нравственных начал, цензор не находит удобным дозволить оную к представлению на сцене» [Орнатская, Степанова: 270]. Так, все старания и ходатайства Ушакова о цензурном разрешении своей инсценировки на протяжении долгих пятнадцати лет оказались безрезультатными.

В итоге «...более трех десятилетий попытки добиться разрешения постановки инсценировок “Преступления и наказания”, хоть в какой-то мере близких к роману Достоевского, были тщетными. И лишь искажение содержания и идей произведения великого писателя, на которое пошел Я. Дельер, устроило вершителей театральной политики» [Орнатская, Степанова: 275].

Заметной и обсуждаемой в прессе стала инсценировка романа в 1888 г. на сцене парижского театра «Одеон» (режиссеры — Поль Жинисти и Гюг Леру). Оговоримся, что это была первая известная нам зарубежная постановка романа «Преступление и наказание». Перевод был осуществлен французским литератором Виктором Дерели, который впоследствии перевел и другие романы Достоевского²⁶.

Критик И. Яковлев в газете «Новое время» анализирует инсценировку с точки зрения художественного воплощения замысла Достоевского и точности передачи страстей, которыми одержимы герои его произведений.

«Как передать своеобразность этого нервного стиля, гениальный анализ сложных, тонких и запутанных психологических состояний его измученных и больных героев?»²⁷, — спрашивает И. Яковлев. Ведь сама основа его произведений заключена в том, что «постепенность развития страстей важнее самих страстей. Но на сцене такой анализ невозможен»²⁸.

Критик отмечает смелость режиссеров, которые поставили не всю драму целиком, а ряд картин, взятых из романа, точнее семь картин в семи актах.

Переделанный для сцены роман теряет свою психологическую глубину, однако сама инсценировка, по мнению критика, сделана «умело, умно и смотрится с интересом»²⁹.

Через несколько дней рецензия на этот спектакль появляется и в газете «Русские ведомости». Мнение критика К. В. Аркадакского во многом совпадает с И. Яковлевым.

Вердикт обоих критиков таков: невозможно перенести на сцену психологический анализ романов Достоевского. Ведь «малейшее непонимание в развитии того душевного процесса, который довел героя сначала до преступления, а потом до раскаяния — и драма “Преступление и наказание” потеряет всю свою оригинальность»³⁰.

Критик утверждает, что постановщики не поняли характера Раскольникова и не проследили развитие драмы в его душе. Автор рецензии высказывает претензии и актеру Полю Мунэ, который «не сумел уловить той тонкой черты, которая отделяла его героя от сумасшествия: в первых двух действиях он предстает прямо-таки маньяком в последней степени развития болезни»³¹.

Меж тем, из инсценировки выброшены такие важные персонажи романа, как Свидригайлов, сестра Лизавета, мать Раскольникова, которые создают объем произведения и оттеняют черты характера самого Раскольникова.

Порфирий же, по мнению критика, и вовсе предстает «простым вульгарным сыщиком». Роман, таким образом, «исковеркали и обезобразили». А для публики, которая не читала оригинал, «драма предстает скучной и убийственно мрачной, в отсутствие сложной душевной драмы Раскольникова, которую режиссеры не сумели передать»³². Заканчивается статья словами критика о том, что этот роман претерпит еще много сценических переделок.

Вслед за парижской премьерой, в 1890 г., роман инсценировали в Германии. Были осуществлены сразу две постановки — в Лейпциге и в Берлине.

Лейпцигская постановка «Raskolnikow», по словам «Berlinez Tagblatt», проходит с большим успехом. А для спектакля в Берлине, который также идет с успехом в Лессинговом театре, «даже сделаны специальные декорации с видом Невского проспекта, для погружения зрителей в атмосферу романа Достоевского»³³.

Спустя пять лет, в 1895 г., в Новом театре Берлина предприняли еще одну попытку инсценировать «Преступление и наказание». Более того, критик Е. Ш., отзыв которого приведен на страницах «Нового времени», считает эту постановку единственно удачным прочтением романа Достоевского на немецкой сцене.

По мнению Е. Ш., авторам сценической переделки удалось уложить этот шедевр психологического романа в узкие рамки сцены — да к тому же еще иностранной: «Хотя это и кажется на первый взгляд неподъемной задачей, г-н Цабель, знакомый русской публике по своему постоянному и дружелюбному стремлению популяризировать наших великих поэтов — лучше всякого

другого мог понять эту невозможность»³⁴. Меж тем, «...переделка, — продолжает рецензент, — сделана искусно и занимательно»³⁵.

Высоко оценивает критик и исполнительское мастерство. Настолько высоко, что даже восклицает: «Где взять прилагательные для похвалы г-жи Шрамм (закладчица), г-ну Матковскому (Раскольников) и Келлер (Порфирий). Это трио артистов выше всяких похвал!»³⁶.

Возвращаясь к предыдущей постановке этого романа в Лессинг-театре, критик отмечает, что все безобразные ошибки в выборе декораций и реквизита были устранены.

Таким образом, Е. Ш. резюмирует, что Достоевский сумел привести холодную публику в восторг.

В России к постановке «Преступления и наказания» обратились в 1899 г. В петербургском Театре Литературно-художественного общества³⁷. Сценическую версию представил известный драматург и литератор Дельер³⁸. Заглавную роль Раскольникова исполнил ведущий актер Суворинского театра Павел Орленев.

Пресса встретила переделку настороженно. В газете «Сын Отечества» выходит статья критика А. А. Яблоновского, в которой он негативно высказывается о всякого рода переделках романов для сцены.

По мнению автора статьи, Дельер выхватил несколько самых драматических и эффектных сцен, бестолково перепутал их и, «спрятавшись за спину Достоевского», преподнес публике. В то время как сцены, которые при чтении их в романе захватывают дух своим высоким драматизмом, при воплощении на сцене вызывают хохот зрителей.

Завершает статью критик тем, что сетует на то, что, к сожалению, ни закон, ни общество не придумали еще средства, с помощью которого можно было бы «оградить художественное достояние нации от посягательств»³⁹.

Отметим, что с момента смерти писателя прошло почти два десятилетия, и критики уже называют его национальным достоянием. Думается, что инсценировки его произведений, как удачные, так и спорные, отчасти этому поспособствовали, заложив традицию постановок прозы Достоевского и дав возможность зрителям познакомиться со сценическим эквивалентом.

Серьезное осмысление эта же постановка получила в журнале «Театр и искусство». Критик Н. М. Ежов предваряет статью размышлениями, традиционными для авторов, пишущих о Достоевском, — о сложности перенесения романного текста на театральные подмостки: «Роман нуждается в совершенно других элементах, чем драма. <...> Такая переделка может быть исполнена хорошо только самим автором»⁴⁰, — размышляет критик. Особенно крупные затруднения в этом отношении представляет, по его мнению, творчество Достоевского, поскольку его действующие лица в основном сильны и живы своей сущностью, а не какими-либо внешними признаками.

Между тем, Дельер, по мнению Н. М. Ежова, со своей задачей справился, поскольку «пьеса произвела на публику впечатление глубокое. <...> в пьесе много хороших ролей, доставивших талантливым исполнителям успех»⁴¹.

Критик Б. И. Бентовин подчеркивает огромный зрительский и читательский интерес к этой постановке, так как все билеты не только на первое, но и на второе представление были распроданы, а в пяти библиотеках не нашлось ни одного свободного экземпляра книги.

По мнению критика, в пьесу включены сцены, в которых очень трудно удержаться от соблазна, чтобы не перейти на почву психопатизма: «Такова картина 7-я, вторая встреча с Порфирием Петровичем. Г-н Орленев ведет финал этой сцены замечательно сильно, ярко, энергично, но в кликушество ни на минуту не впадает. И здесь Орленев достигает потрясающего эффекта, ведя всю сцену просто, не форсируя, не ударяясь в область истерии. За такое олицетворение Раскольникова — г-ну Орленеву большое спасибо»⁴².

В целом автор рецензии полагает, что эта постановка делает честь режиссеру театра, так как все в ней продумано до мелочей (от декораций до костюмов), все художественно-реально слажено и отражает сложный мир романа Достоевского.

Чтобы оценить полемику в прессе по поводу инсценировки авторства Дельера и понять, насколько она близка к оригиналу, мы обратились в архив ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Так, изучив суфлерский экземпляр, можно сделать следующие выводы. Во-первых, в тексте отсутствует такой важный персонаж как Свидригайлов. Во-вторых, отсутствует эпилог романа. Инсценировка заканчивается разговором Сони и Раскольникова, финальные слова которого звучат так:

*«Раскольников. О, как я вас всех ненавижу. Пойду, отдамся ему один.
к чему тут целая свита.
Занавес»*⁴³.

То есть момент признания Раскольникова в преступлении Илье Петровичу (помощнику квартального надзирателя) также отсутствует.

Таким образом, отзывы критиков о значительном изменении оригинального текста были небезосновательны.

В 1900 г. прошли гастроли Суворинского театра с этим спектаклем. В газете «Новое время» выходит статья, посвященная гастролям, идущим «с блестящим материальным успехом»⁴⁴. Как отмечается в публикации: три спектакля в Москве дали сбор в 1800 рублей, а последующие представления в Туле, Орле, Харькове, Полтаве, Кременчуге — более 1100 рублей за каждое.

Редакция газеты «Новое время» приводит на своих страницах и реплики авторов других газет. Думается, это означает то, что редакторы газеты осознают значимость инсценировок романов Достоевского не только в России и за рубежом, но и в провинции.

Так, харьковская газета «Южный край» находит, что Орленев прочувствовал и выстрадал роль Раскольникова. Подкупает зрителя искренность тона, необыкновенная нервность и изумительная мимика. Особое впечатление произвела сцена объяснения с Соней, в роль которой «внесла много сердечности и непосредственной простоты г-жа Погодина. Актер Яковлев убедителен в роли Порфирия Петровича»⁴⁵.

Эти гастроли не оставили равнодушным и критика газеты г. Керчь «Южный курьер», который, несмотря на их успех, полагает, что создатель инсценировки, кто бы он ни был и какими великодушными поступками он не руководствовался — желанием ли познакомить публику с произведением или другими побуждениями, — «должен быть клеймен общественным презрением»⁴⁶, поскольку смеет не только посягать на классику, но и вольно ее интерпретировать.

Однако он отмечает, что Орленев играет точно по Достоевскому и проявляет тонкое артистическое чутье. Актер, по его словам, из этого тяжелого испытания вышел победоносно. Публика встречает его овациями: «Зал аплодировал ему за умение слушать, за умение без слов выражать свою душевную скорбь, за умение высказывать сострадание, участие, жалость и любовь, не проронив ни одного слова, одними только взглядами, мимикой, выражением лица <...> Он весь соткан из нервов»⁴⁷.

Видимо, этот пример вдохновил и режиссера города Уральска Викторова на создание инсценировки по мотивам этого же произведения, которая и была представлена в местном театре силами местной труппы. В газете «Уралец» незамедлительно отреагировали на этот опыт. «Переделка романа оказалась много удачнее других переделок подобного рода»⁴⁸, — пишет корреспондент «Уральца», однако отмечает, что желание как можно полнее передать содержание романа сделало переделку слишком длинной: спектакль был окончен только к двум часам ночи. К тому же, сложно выдержать нервное напряжение, нарастающее на протяжении всей постановки. Но в целом, эту инсценировку, по мнению автора «Уральца», можно считать состоявшейся.

Полемика вокруг инсценировки романа «Идиот»

В 1899 г. первую постановку романа «Идиот» осуществил московский Малый театр и параллельно Александринский петербургский театр (авторы инсценировки для обоих театров — Крылов⁴⁹ и Сутугин⁵⁰). Литературно-критические статьи носили полемический характер — от неприятия до суждений о том, что впервые был найден и воплощен сценический образ прозы Достоевского.

Уже на следующий день после постановки в газете «Московские ведомости» в разделе «Театр и музыка» появилась заметка о том, что спектакль прошел с большим успехом, были проданы все билеты, а «исполнение сопровождалось

горячими аплодисментами обычно сдержанной публики»⁵¹. И это была едва ли не единственная положительная рецензия на спектакль.

Главную роли Настасьи Филипповны исполняла М. Н. Ермолова (в роли Аглаи выступила А. А. Яблочкина). Отношение М. Н. Ермоловой к творчеству Достоевского не было однозначным. Как отмечает Т. Л. Щепкина-Куперник, она его «признавала гениальным, но долгие годы ей было мучительно его читать. Ее отталкивало то, что Достоевский, заставляя своих героев страдать, не дает им никакого выхода, а это никак не вязалось с требованиями, которые М. Н. Ермолова предъявляла к искусству»⁵².

Критики не оценили ни актерскую работу Ермоловой, ни постановку в целом. В газете «Русский листок» появляется разгромная рецензия критика М. Оликова, в которой он сетует на то, что «постановщики без толку понадергали цитат из романа, связали их белыми нитками, присочинили безграмотный и грубый конец, и эту скверную стряпню преподнесли публике»⁵³.

По мнению автора рецензии, Крылов и Сутугин на первый план выдвигают мотив соревнования Настасьи Филипповны и Аглаи, что не совсем верно. И даже талантливый актер Васильев не исправляет положение, так как «личность князя туманно и слабо охарактеризована Крыловым и Сутугиным»⁵⁴.

Настасье Филипповне в исполнении Ермоловой дана такая характеристика: «Великолепная фигура Настасьи Филипповны, чистой женской души, загаженной и изломанной скверным сластолюбцем, нашла себе отличную истолковательницу в лице М. Н. Ермоловой. Правда, Настасья Филипповна должна быть значительно моложе, чем изображает ее Ермолова, но что же тут поделаешь?»⁵⁵. Напомним, что Ермоловой на момент исполнения роли было 46 лет.

Сразу после премьеры Ермолова пишет в письме к Л. В. Середину следующие строки: «Пишу вам под тяжелым впечатлением. Вчера сыграли “Идиота” — и ничего, так-таки ничего. Публика холодна и сдержанна... в чем дело — понять не могу, но огорчена я была страшно, я говорила, что я никуда не годная актриса, что мне надо бросать сцену и т. д. Одним словом, вела себя “по-идиотски”... Наутро я немножко опомнилась»⁵⁶.

Анна Григорьевна Достоевская в своем «цензорском попечении» сетует на то, что она страдала на представлении «Идиота» в Московском театре, слыша отзывы публики: «Нет, это не Достоевский, это черт знает что! Ведь можно так испортить Достоевского? Пропал мой любимый роман» [Волгин].

Не обошли эту постановку и театральные журналы, на страницах которых она получила более подробный разбор. Критики писали не только о качестве самой инсценировки и актерских работах, но и о декорациях и костюмах. Сразу в двух номерах журнала «Театр и искусство» за 1899 г. выходят рецензии на московского «Идиота».

Казалось бы, начало первой публикации обнадеживает: «Пьеса не так слаба, как стараются выставить некоторые рецензенты. Первые три акта смотрятся с захватывающим интересом. Достоевский в них соблюден в достаточной

степени»⁵⁷, — пишет критик. Но потом сам же и разносит постановку, особенно пятый акт, который называет нелепым, поскольку «вместо человеческого финала Достоевского, г-н Крылов заставляет князя Мышкина говорить какой-то монолог, надерганный автором из разных немецких пьес, которые всю свою жизнь он ловко перекраивал. Г-н Крылов любит подправлять авторов. Это черта его самонадеянности»⁵⁸.

А. Р. Кутель, опубликовавший свою рецензию на эту же постановку в одном из последующих номеров журнала «Театр и искусство» был не так категоричен в своих высказываниях. На его взгляд, создатели переделки, напротив, взяли материал почти прямо, без изменений: «Обвинения авторов в том, что они ввели в пьесу много своего — неосновательны. Напротив того, они крайне осторожно и осмотрительно допустили изменения, которые требовали условия сцены»⁵⁹.

Автор находит, что актер Васильев в роли Мышкина был неубедителен, поскольку «эта роль ему еще не по плечу». Но больше всего критики опять-таки в адрес Ермоловой: «При всем глубочайшем уважении к таланту этой артистки, приходится сказать, что она менее всех остальных исполнителей соответствует этому образу Настасьи Филипповны, которая так ярка и колоритна»⁶⁰. Были высказаны претензии и к декорациям (салон Настасьи Филипповны напомнил автору рецензии декорации «Травиаты»), и к костюмам (все персонажи были выведены в современных костюмах, что «не вяжется со многими местами текста»)⁶¹.

Говоря о такой важной составляющей, как заполняемость зала, критик отметил, что уже на втором и третьем показе было значительное количество пустых мест. Все эти замечания представляют интерес, поскольку не только воссоздают образ спектакля, но и акцентируют внимание на любопытных деталях театральной жизни тех лет.

Гневно высказался в адрес создателей инсценировки и автор отзыва в журнале «Русская мысль», с самого начала заявивший, что «все, что есть в спектакле хорошего, принадлежит Достоевскому, а все неудачное — авторам переделки»⁶². Хотя именно этот критик оказался одним из немногих, кто поддержал актрису Ермолову: «Данные таланта г-жи Ермоловой говорят за то, что исполнение ею роли Настасьи Филипповны может дойти до высокой степени нервного подъема»⁶³.

Об игре остальных исполнителей он отзывается нелестно, но считает, что смазанные характеры — вина не актеров, а создателей спектакля: «Авторы переделки из большинства действующих лиц драмы безжалостно вырезали ту душу, которую вложил им автор романа»⁶⁴. Князь Мышкин, Ганя Иволгин, Аглая Епанчина, Парфен Рогожин, по мнению критика, изменены до неузнаваемости, и артисты, их изображающие, вынуждены бороться с непосильной задачей: заставить зрителей слушать их между строк и вспоминать образы изображаемых ими лиц теми фразами, мыслями и действиями, которые в драматической переделке упущены.

В Александринском театре роль Настасьи Филипповны исполняла прима театра М. Г. Савина, до которой дошли слухи о провале московского спектакля, что ее несколько обескуражило. Накануне премьеры она даже писала: «До того это неладно и нескладно на сцене и так невыполнимо, что ужас берет»⁶⁵. Роль Аглаи досталась другой примае — В. Ф. Комиссаржевской. К постановке Александринского театра в Санкт-Петербурге критика была благосклоннее. Более того, об этой инсценировке вышли отзывы даже в провинциальной прессе.

В газете «Гражданин» критик П. И. Вейнберг начинает свою статью со слов о маленькой победе Петербурга над Москвой и о том, что петербургский «Идиот» вышел много лучше московского и не только не провалился, но и имел крупный успех. «Дело в том, что вся петербургская труппа отнеслась к “Идиоту” старательнее московской, а главное — две центральные фигуры драмы (Настасья Филипповна и князь Мышкин) вышли у нас куда удачнее»⁶⁶, — пишет критик.

У Ермоловой, по его мнению, роль Настасьи Филипповны не задалась, в то время как для Савиной эта роль стала одной из лучших в ее карьере. Хвалит рецензент и актерскую работу Аполлонского, исполнившего роль князя Мышкина: «грим, тон, манера — все это он в Мышкине удивительно тонко выдержал и вкупе с Савиной создал успех пьесы»⁶⁷.

В «Петербургской газете» А. Р. Кугель восторженно пишет о том, что постановка, в отличие от московской, его не разочаровала, а напротив, произвела даже более сильное впечатление, чем роман. «Густо написанное в романе стало еще гуще в пьесе; экстаз стал еще экстаичнее, надрыв еще надорваннее. Драматическое действие — при том довольно искусно слаженное — подобно прессу сжало роман, выпустив из него всю воду и оставив только то крепкое, нерастворимое, что составляло его потайную сущность»⁶⁸, — считает А. Р. Кугель.

Отмечает критик и прекрасные актерские работы, которые «прочувствовали сущность Достоевского и усилили черты героев собственным талантом»⁶⁹.

А. А. Измайлов в газете «Биржевые ведомости» высказывает мнение о том, что эта инсценировка представляется ему целостной драмой, а не простым лишь рядом случайных сцен. Все артисты, на его взгляд, были талантливы и органичны, а наиболее эффектными показались сцена бросания 100 тысяч в камин и сцена объяснения Аглаи и Настасьи Филипповны, в которой «г-жа Савина и г-жа Комиссаржевская возвысились до высокой художественности»⁷⁰. По поводу остальных актерских работ написано следующее: «Сдержанно и с тактом был воплощен актером Аполлонским на сцене князь Мышкин. Спокойно и ровно изобразил Дальский Рогожина, сумев совершенно избежать театральности»⁷¹.

Показательны слова о том, что «нельзя не приветствовать новинки хотя бы просто потому, что она дает возможность восстановить в памяти одно

из замечательных произведений родной литературы»⁷². Это подчеркивает, что образ Ф. М. Достоевского и его творчество все более входят в сознание как часть национальной культуры, ведь «он воплотил не только потаенные черты русского духа, но и драматический ход национальной истории» [Волгин].

Осип Дымов на страницах журнала «Театр и искусство» отмечает досадные неточности и расхождения текста романа с действием на сцене. Например, в спектакле князь Мышкин принят генералом в столовой, а не в кабинете (как у Достоевского), скомкана, на его взгляд, и значимая сцена с пощечиной. Эффектную сцену бросания в огонь 100 тысяч в оригинале «князь наблюдал грустно и молча», а в переделке князь подходит к Гане и уговаривает его не лезть за деньгами: «Этим искажается образ князя. Из тонкой, полной ужаса психологии вышло что-то водевильное и пошловатое»⁷³. Расстраивает критика и вольное обращение постановщиков с важными художественными деталями: «В романе денежная пачка была завернута в “Биржевые ведомости” и обвязана туго-натуго со всех сторон бечевкой; на сцене — пачка обернута синей толстой бумагой»⁷⁴. Все это приводит к тому, что создается не совсем точный и психологически достоверный образ спектакля.

Добавим, что и конец инсценировки изменен, согласно экземпляру пьесы «Идиот», хранящемуся в архиве ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Так, в уста князя Мышкина вложены слова Мити Карамазова. Кроме того, в финале романа Достоевского князь и вовсе не произносит ни слова, в отличие от текста Крылова и Сутугина, который приведен ниже:

«Князь. Не подходите! Не подходите!.. Не пуцу!.. Красота — это страшная сила!.. Тут бог с дьяволом борется и поле битвы сердца людей. Оставьте их, они добрые... Чистые сердцем, младенцы, а? Господа, вы согласны быть младенцами? (Вопросительно оглядывает всех). Что же вы мне не отвечаете?»⁷⁵

Автор статьи в газете «Северный курьер» Н. А. Селиванов считает, что «Достоевский менее всего способен поддаваться драматической переделке. Это необычное по психологической глубине и ширине произведение включает в себе двадцать, тридцать сюжетов, каждый из которых готов и может развернуться в драму, в сильную, потрясающую, очень редко примирающую, потому что в каждой драме за человека становится или больно, или страшно»⁷⁶.

Н. А. Селиванов находит художественные и логические провалы. Так, на его взгляд, в техническом исполнении пьеса сделана слабо. Первая часть романа занимает три больших акта, остальные части скомканы в двух последних актах: «От этих сокращений прежде всего пострадал Ганя: вместо яркого вышло лицо бледное, в высшей степени неясное. Его ужасная пощечина,

данная князю, получила совсем иные смысл и освещение, так как сцены раскаяния Гани, прощения в пьесе нет»⁷⁷.

Скомкан, по мнению критика, и образ Аглаи. Образы Лебедева и Коли совсем пропадают из пьесы, а Нина Александровна и Варвара выведены на сцене в одном лице Вари, которая говорит реплики и за себя, и за отсутствующую в пьесе мать. Рецензент единодушен с другими критиками, писавшими об инсценировке романа «Идиот» на сцене Александринского театра: образ Настасьи Филипповны — одна из самых удачных ролей Савиной, которая ближе всего замыслу Ф. М. Достоевского.

В провинциальной критике, как и в столичной, поднимается вопрос о драматическом потенциале романов Достоевского и о трудностях их воплощения на сцене.

В 1900 г. в городском театре города Уральска силами местной труппы была осуществлена постановка спектакля «Идиот», что вызвало объемную статью в газете «Уралец».

Автор статьи пишет больше о психологии героев романа, чем о самой постановке. Настасью Филипповну он называет падшей женщиной, сохранившей при всем своем падении душевную чистоту. Князю Мышкину дана очень точная характеристика: «...это какой-то человек не от мира сего, какое-то взрослое дитя, называющее все предметы их собственными именами, это — сама правда, сама любовь. Его любовь какая-то всеобъемлющая. Он еще более христианин, чем этого требует само Евангелие»⁷⁸.

Актерское воплощение, по мнению критика, было на высоком уровне: «Глубоко-драматические моменты хорошо удались артистке Крельской (Настасья Филипповна). Она была очень хороша в сцене с Аглаей (Новгородская). Мы переживали тогда истинно эстетические минуты»⁷⁹.

Подводя итоги, отметим, что большинство критиков сходилось во мнении, что произведения Достоевского имеют значимый вес в репертуаре театра, обладают несомненным драматургическим потенциалом и являются национальным достоянием, однако воплотить их на сцене — невероятно сложная задача, требующая полнейшего погружения в мир героев Достоевского.

Создатели инсценировок этого периода во многом интуитивно методом проб и ошибок, но способствовали зарождению «театра Достоевского».

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-012-90021 Достоевский.

¹ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 41. В первой полной публикации воспоминаний А. Е. Ризенкампа см.: [Ризенкампф: 119, 125, 126, 128-129].

² Незнакомец (Суворин А. С.). о покойном // Новое время. 1881. 1 (13) февраля. № 1771. С. 2.

³ Мережковский Д. С. Достоевский // Русское обозрение. 1890. Т. 2. Кн. 3. С. 155-186, под загл. «О “Преступлении и наказании” Достоевского». С. 164.

- 4 Там же.
- 5 Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // Иванов Вяч. Борозды и межи. Опыты эстетические и критические. М.: Мусaget, 1916. С. 21.
- 6 Там же. С. 51.
- 7 М. Ж. (Львов В. В.). Московская летопись. Жизнь в Москве в апреле 1846 года // Москвитянин. 1846. № 5. 30 мая. С. 242.
- 8 Коровяков Д. Д. — русский писатель, критик и театральный педагог, один из авторов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.
- 9 Более подробную информацию о рецепции творчества Достоевского в газете «Новое время» и о взаимоотношениях с А. С. Сувориным см. в работе А. А. Проценко.
- 10 Театр и музыка // Новое время. 1882. 9 дек. С. 3.
- 11 Хроника // Голос. 1882. 8 дек. С. 3.
- 12 Там же.
- 13 Театральные заметки // Биржевые ведомости. 1882. 14 дек. С. 2.
- 14 Там же.
- 15 С. Спектакль в зале немецкого клуба «Фома» // Артист. 1891. № 18, дек. С. 127.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Там же.
- 19 Никонов С. «Фома» г. Станиславского // Развлечение. 1891. № 47. 1 декабря. С. 14.
- 20 Там же. С. 15.
- 21 Там же.
- 22 Оболенская Варвара Дмитриевна — княжна, дочь министра гос. имуществ.
- 23 Письмо Ф. М. Достоевского В. Д. Оболенской. 20 января 1872 г. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1986. Т. 291. С. 225.
- 24 Имеется в виду Товарищество артистов Пушкинского театра, впоследствии театр Корша.
- 25 Материалы хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге.
- 26 В дальнейшем Дерели также перевел «Идиота», «Бесов» и «Бедных людей». Все эти книги в последующие годы были изданы издательством «Plon».
- 27 Яковлев И. Маленький фельетон // Новое время. 1888. 9 сент. С. 2–3.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 Д-ч (Аркадакский К. В.). Преступление и наказание // Русские ведомости. 1888. 13 сент. С. 2–3.
- 31 Там же.
- 32 Там же.
- 33 Новое время. 1890. 19 ноября.
- 34 Е. Ш. Еще раз Раскольников на немецкой сцене // Новое время. 1895. 11 апреля.
- 35 Там же.
- 36 Там же.
- 37 Другие названия: Суворинский театр, или Малый театр в Петербурге.
- 38 Настоящее имя — Яков Алексеевич Плющик-Плющевский. Действительный статский советник, тайный советник. Драматург, переводчик, театральный и музыкальный критик, юриконсульт Министерства внутренних дел. Сотрудник газет: «Свет», «Новости», «Голос», «Новое Время» и «Театр и Искусство».
- 39 Яблоновский А. А. Отголоски дня // Сын Отечества. 1899. 16 октября. С. 2.

- 40 Прозаик (Ежов Н. М.) об инсценировке романа «Преступление и наказание» в Театре Литературно-художественного общества // Театр и искусство. 1899. № 41. С. 712.
- 41 Там же.
- 42 Импрессионист (Бентовин Б. И.). Малый театр // Новости и биржевая газета. 1899. 7 окт. С. 13.
- 43 ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, архивно-рукописный отдел (АРО), фонд № 421 Орленева П. Н. «Преступление и наказание», пьеса по роману Достоевского Ф. М. (суфлерский экземпляр) с пометками Орленева П. Н. 1899 г. Книга поступления (КП) 298029, ед. хр. 6, 99 л.
- 44 Новое время. 1900. 20 мая. С. 4.
- 45 Там же.
- 46 Южный курьер. 1901. 2 декабря. С. 3.
- 47 Там же.
- 48 Уралец. 1900. 30 ноября.
- 49 Крылов Виктор Александрович — русский драматург, один из авторов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.
- 50 Суругин Сергей (Этингер Осип Григорьевич) — писатель, театральные критик, автор инсценировок и переделок для театра.
- 51 «Идиот» в Малом театре // Московские ведомости. 1899. № 281. С. 5.
- 52 Щепкина-Куперник Т. Л. Из воспоминаний. М.: ВТО, 1959. С. 199.
- 53 Оликов М. Театр и музыка // Русский листок. 1899. 13 окт. С. 3.
- 54 Там же.
- 55 Там же.
- 56 Ермолова М. Н. Письмо Л. В. Середину от 12 окт. 1899 г. // Письма М. Н. Ермоловой. М.: ВТО, 1939. С. 158.
- 57 Театр и искусство. 1899. № 42. С. 735.
- 58 Там же.
- 59 Старый театрал (Кугель А. Р.) // Театр и искусство. 1899. № 45. С. 793.
- 60 Там же.
- 61 Там же.
- 62 Русская мысль. 1899 год. № 11. С. 205.
- 63 Там же.
- 64 Там же.
- 65 Савина М. Г. Письмо А. Кони от 25 окт. 1899 г. // М. Савина и А. Кони. Переписка: 1883–1915. Л.; М.: Искусство, 1938.
- 66 Скептик (Вейнберг П. И). Вслух // Гражданин. 1899. 7 ноября. С. 7.
- 67 Там же.
- 68 Ното Новус (Кугель А. Р.). Театральное эхо // Петербургская газета. 1899. 5 октября. С. 4.
- 69 Там же.
- 70 Измайлов А. А. Александринский театр // Биржевые ведомости. 1899. 6 ноября. С. 3.
- 71 Там же.
- 72 Там же.
- 73 Дымов О. Спектакль «Идиот» Александринского театра // Театр и искусство. 1899. № 46. С. 810
- 74 Там же.
- 75 ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, архивно-рукописный отдел (АРО), фонд № 585 36 Леонидова (Бермана Л. Д.). Инсценировка романа Достоевского Ф. М. «Идиот», сезон 1899–1900 гг. Малый театр. Книга поступления (КП) 316558/39, ед. хр. 36, 102 л.

- ⁷⁶ Селиванов Н. А. Театр и музыка // Северный курьер. 1899. 6 ноября. С. 3.
⁷⁷ Там же.
⁷⁸ А. А. «Идиот» в городском театре // Уралец. 1900. 19 октября.
⁷⁹ Там же. 26 октября.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бэлнеп Р. Л. Генезис романа «Братья Карамазовы». Эстетические, идеологические и психологические аспекты создания текста / пер. с англ. Л. Высоцкого. — СПб.: Академический проект, 2003. — 264 с. (Современная западная русистика; т. 45)
2. Белов С. В. Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. — СПб.: Российская национальная библиотека, 2011. — 755 с.
3. Волгин И. Л. Остановите Парфена (О фильме «Идиот» В. Бортко) [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Игорь Волгин». — URL: <http://www.volgin.ru/public/898.html> (25.12.2018) (опубл.: Литературная газета. — 2003. — № 23–24. — 11 июня).
4. Любимов Б. Н. о сценичности произведений Достоевского: лекция по курсу «История русского дореволюционного и советского театра» для студентов театральных вузов. — М: ГИТИС, 1981. — 62 с.
5. Орнатская Т. И., Степанова Г. В. Романы Достоевского и драматическая цензура (60-е годы XIX — начало XX в.) // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1974. — Т. 1. — С. 268–285.
6. Проценко А. А. «Достоевец» Суворин: от противоборства к сближению» // Неизвестный Достоевский. — 2019. — № 2. — С. 149–170 [Электронный ресурс].— URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562686094.pdf (25.12.2018).
7. Ризенкамф А. Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. Первая полная публикация / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Б. Н. Тихомирова // Достоевский и мировая культура. Альманах № 36. — 2018. — С. 103–158
8. Сокурова О. Б. Сценическая история «Братьев Карамазовых» // Вестник СПбГУ. — Сер. 2. — Вып. 2. — 2010. — Июнь. — С. 123–132.

Alina V. Burmistrova

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

alina-art@autorambler.ru

Dostoevsky's Novels on the Stage (Experience of the 1st Presentations)

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90021 Dostoevsky.

Abstract. The problem of origin and development of the so-called Dostoevsky theatre is the problem under consideration in this article. The study is based on a comprehensive research of the metropolitan and provincial periodicals about the staging of Dostoevsky's novels and their acceptance in 1880s-1890s. Many of the articles not studied by the researchers earlier are dedicated

to the performability of the writer's novels. The review and analysis of these sources being introduced into scientific discourse for the first time make the originality of the work. Of particular interest are the materials from the archives of the State Central Theatre Museum named after A. A. Bakhrushin, a promptbook of the staged version of the novel "Crime and Punishment" by Delier and the play by Krylov and Sutugin based on the novel "The Idiot" for its staging in The Maly Theatre in Moscow and The Alexandrinsky Theatre in St. Petersburg.

Keywords: Dostoevsky, theatre, staging, acceptance, tradition, periodicals, criticism, archive

About the author: *Burmistrova Alina V.* — PhD in Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya, 25a, Moscow, 121069, Russian Federation), Correspondent of the Newspaper of the Union of Cinematographers "SK-Novosti" (ul. Vasil'evskaya, 13, str. 1, Moscow, 123056, Russian Federation)

Received: January 17, 2019

Date of publication: September 14, 2019

For citation: Burmistrova A. V. Dostoevsky's Novels on the Stage (Experience of the 1st Presentations). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 3, pp. 96–115. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4021 (In Russ.)

REFERENCES

1. Belnep R. L. *Genesis romana «Brat'ya Karamazovy». Esteticheskie, ideologicheskie i psikhologicheskie aspekty sozdaniya teksta [The Genesis of the Novel "The Brothers Karamazov". Aesthetic, Ideological and Psychological Aspects of the Text Creation]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2003. 264 p. (Ser. "Modern Western Russian Studies"; vol. 45). (In Russ.)
2. Belov S. V. *F. M. Dostoevskiy. Ukazatel' proizvedeniy F. M. Dostoevskogo i literatury o nem na russkom yazyke, 1844–2004 gg. [F. M. Dostoevsky. Index of the Works of F. M. Dostoevsky and Literature About Him in the Russian Language, 1844–2004]*. St. Petersburg, Rossiyskaya natsionalnaya biblioteka Publ., 2011. 755 p. (In Russ.)
3. Volgin I. L. Stop Parfyon (About the Film "The Idiot" by V. Bortko). In: *Literaturnaya gazeta*, 2003, no. 23–24. June 11. Available at: <http://www.volgin.ru/public/898.html> (accessed on December 25, 2018). (In Russ.)
4. Lyubimov B. N. *O stsenichnosti proizvedeniy Dostoevskogo: leksiya po kursu «Istoriya russkogo dorevolutsionnogo i sovetskogo teatra» dlya studentov teatral'nykh vuzov [About the Staginess of Dostoevsky's Works: Lecture on the Course of History of Russian Pre-Revolutionary and Soviet Theatre for the Students of Theatre Universities]*. Moscow, Russian Institute of Theatre Arts Publ., 1981. 62 p. (In Russ.)
5. Ornatskaya T. I., Stepanova G. V. The Dostoevsky's Novels and Drama Censorship (From the 1860s Until the Beginning of the 20th Century). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, 1974, vol. 1, pp. 268–285. (In Russ.)
6. Proshchenko A. A. "Dostoevets" Suvorin: From the Confrontation to Repprochement. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 2, pp. 149–170. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562686094.pdf (accessed on December 25, 2018). (In Russ.)
7. Rizenkampf A. E. Memories of Fedor Dostoevsky. The First Full Publication. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh № 36 [Dostoevsky and World Culture. Almanac no. 36]*, 2018, pp. 103–158. (In Russ.)
8. Sokurov O. B. A Stage History of "The Brothers Karamazov". In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2 [Vestnik of Saint-Petersburg University. Ser. 2]*, 2010, issue 2, June, pp. 123–132. (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2019.4201

УДК 821.161.1+655

Раффаэлла Вассена*Миланский государственный университет=Università degli Studi di Milano
(Милан, Италия)*

raffaella.vassena@unimi.it

Достоевский для детей: провал или успех первого детского издания, составленного А. Г. Достоевской (1883)

Аннотация. Публикация вводит в научный оборот историю первого детского издания сочинений Ф. М. Достоевского, выпущенного в 1883 г. его вдовой под названием «Русским детям: из сочинений Ф. М. Достоевского». Выход этого издания в печати стал значительным этапом как для истории литературной репутации писателя, так и для дальнейшего развития издательской деятельности А. Г. Достоевской. Вызванные появлением сборника споры о том, подходят ли сочинения Достоевского для детского чтения, привели к тому, что Анна Григорьевна в своих последующих изданиях, предназначенных для юных читателей, разработала новые издательские стратегии, уделяя большее внимание паратекстуальным элементам книг (заглавию, послесловию, оформлению и др.). На основе архивных источников, журнальных рецензий и социологических опросов 1880-х гг. в статье описан ранний этап издательского проекта «Достоевский для детей», выявлены критерии, которыми руководствовалась А. Г. Достоевская в его осуществлении, показана история восприятия антологии русскими критиками и читателями. В процессе исследования уточнена датировка двух писем О. Ф. Миллера к А. Г. Достоевской.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, детская литература, адаптация, А. Г. Достоевская, книгоиздательское дело в России XIX века, О. Ф. Миллер, Н. К. Михайловский

Об авторе: *Вассена Раффаэлла* — кандидат в области гуманитарных наук, доцент Департамента иностранных языков и литератур, Миланский государственный университет=Università degli Studi di Milano (Via Festa del Perdono 7, г. Милан, Италия, 20122)

Дата поступления: 01.08.2019

Дата публикации: 14.09.2019

Для цитирования: Вассена Р. Достоевский для детей: провал или успех первого детского издания, составленного А. Г. Достоевской (1883) // *Неизвестный Достоевский*. — 2019. — № 3. — С. 116–139. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4201

© Раффаэлла Вассена, 2019

В России второй половины XIX в. становление литературного канона для детей происходило в том числе и через адаптацию произведений для взрослых. Адаптированные произведения публиковались в специализированных журналах и сборниках. Если поначалу этот процесс был обусловлен причинами литературно-педагогического характера: еще с эпохи В. Г. Белинского русская критика отмечала объективную нехватку писателей для детей [Хеллман, 72–76] [Лучкина], — то со временем он подчинился и коммерческой логике, способствуя расширению развивающегося рынка детской книги [Книга в России, 18], [Сытин: 76–83].

Приступая к выпуску издания «Русским детям: из сочинений Ф. М. Достоевского» в 1883 году, А. Г. Достоевская стремилась прежде всего осуществить заветную мечту мужа: «Была у Федора Михайловича мечта выбрать из своих сочинений, которые можно было бы дать в руки детям 12–14 лет»¹. Однако под градом критики вскоре Достоевская вынуждена была тщательно пересмотреть свои издательские планы, прежде чем вновь вернуться к проекту, который, как оказалось, таил в себе множество опасностей и грозил навеки связать литературную репутацию ее мужа с «жестокостью» его таланта².

Попытки создать репутацию Достоевского как «писателя для детей», предпринятые в 1880-е гг., проводились на фоне растущего уважения интеллигенции к педагогической практике и большего осознания ею своей культурно-просветительской миссии по отношению к русскому народу. «Гуманическое» направление (согласно известному выражению Н. А. Добролюбова) романов Достоевского отвечало потребностям народниково-культурников, среди которых стоит упомянуть Х. Д. Алчевскую, не один раз выдвигавшуюся на защиту дидактической ценности произведений Достоевского [Алчевская, 1881], [Алчевская, 1884: 289–291].

Тем не менее «культ страдания» в романах Достоевского озадачивал не только его литературных врагов, но и даже почитателей его таланта. Характерно, что имя Достоевского не фигурировало в самых авторитетных исследованиях 1860-х и 1870-х гг., восхвалявших нравственный вклад отечественной литературы в воспитание детей. Даже В. П. Острогорский и В. Я. Стоюнин, которые разделяли философские и педагогические взгляды Достоевского и отчасти содействовали появлению его произведений на детском книжном рынке (см., напр.: [Федорова, Андрианова]), не включили его в свои обзоры «образцовых» писателей для школьников [Острогорский], [Стоюнин]. В связи с этим появление первого детского издания произведений Достоевского вызвало острые дебаты и вынудило Анну Григорьевну проявить весь свой талант профессиональной издательницы. Ей нужно было сохранить моральное значение литературного наследия Достоевского и в то же время обеспечить его творчеству право на существование на издательском рынке.

Как известно, еще одной мечтой Достоевского, за исполнение которой после его смерти взялась Анна Григорьевна, была публикация Полного собрания его сочинений. В своих воспоминаниях Достоевская много места уделяет истории этого проекта [Достоевская, 2015: 480–489], но даже не упоминает о проекте издания для детей, хотя их подготовка должна была вестись параллельно. Идея второго из них обрела конкретную форму, когда профессор Петербургского университета и давний почитатель творчества Достоевского О. Ф. Миллер, по поручению Анны Григорьевны работавший над биографией писателя для Полного собрания сочинений, взял на себя роль редактора сборника «Русским детям»³.

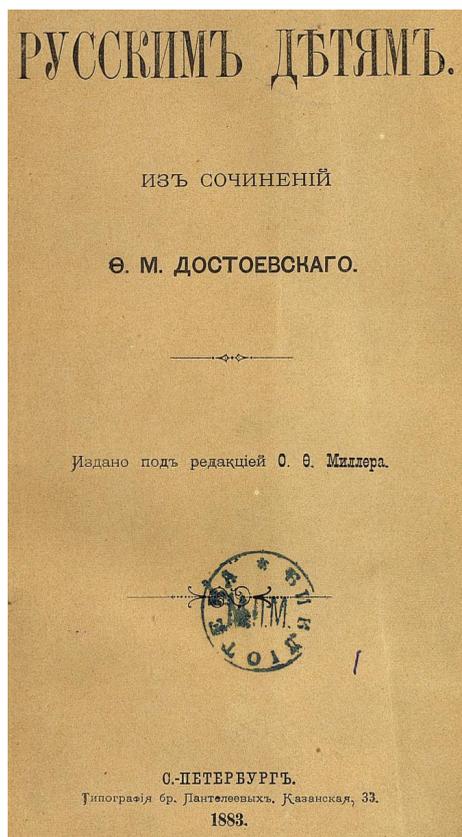
Мы располагаем немногими отрывочными сведениями об этапах подготовки сборника: главным образом их можно почерпнуть из двух писем Миллера Достоевской. Всего сохранилось 53 письма профессора к вдове писателя. Следует отметить, что даты почти на всех из них проставлены рукой Достоевской — вероятно, с этим связана неточность их датировок. По-видимому, именно это произошло и с письмами о проекте сборника «Русским детям». Впервые этот проект упоминается в письме Миллера Достоевской, на котором она рядом с датой, проставленной Миллером — «9 июня» — поставила и год — «1883». В этом письме Миллер сообщал Достоевской, что договорился с одним из братьев Пантелеевых (владельцев типографии, где должен был печататься сборник) о порядке следования отрывков, отобранных для публикации:

«Быль у меня г. Пантелъевъ и я ему объяснилъ, въ какомъ порядкѣ набирать. Вслѣдъ за доставленными Вамъ отрывками должны слѣдовать три изъ “Дневника”: “Мужикъ Марей”, “Мальчикъ у Христа на елкѣ” и “Столытняя”, а затѣмъ изъ “Подростка” — рассказы его о посѣщеніи матерью въ пансіонъ. Въ заключеніе — дѣтскія сцены изъ “Карамазовыхъ”»⁴.

В другом письме, датированном Достоевской 6-м сентября 1883 г., Миллер обсуждал с ней идею включить в сборник несколько отрывков из «Записок из Мертвого дома» и рассказывал о том, как продвигаются работы в типографии:

«Что касается дѣтской книжки, то мнѣ вдругъ пришло въ голову включить въ нее изъ «Мертва<го> Дома» — Лѣтнюю пору (ч. II, гл. 5) и Каторжныхъ Животныхъ (гл. 6). Какъ Вы объ этомъ думаете? Отпечатано пока только 3 листа — Пантелъевъ не спѣшитъ»⁵.

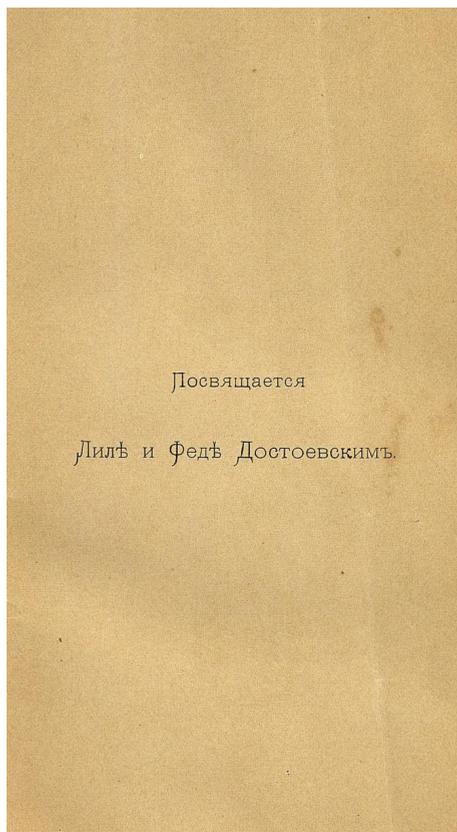
Однако, учитывая, что сборник «Русским детям» вышел на Рождество 1883 г. и что первые рецензии на него появились весной того же года, логично заключить, что вышеуказанные письма Миллера относятся не к 1883, а к 1882 г., когда велась подготовка сборника.

Илл. 1

Сборник «Русскимъ дѣтямъ: изъ сочинений Ф. М. Достоевскаго» был напечатан тиражом в три тысячи экземпляров, в изящно-издательском формате (см. Илл. 1). Переплет был украшен золотым овалом с портретом писателя в обрамлении переплетенных лавровых ветвей. Название сборника не оставляло сомнений относительно адресатов книги: в подтверждение той репутации «писателя-патриота», которую Достоевский заслужил в последние годы своей жизни, адресатами сборника были *русские* дети. Коннотативную функцию названия сборника усиливало посвящение «Лиле и Феде Достоевским», ставшим своего рода гарантом той «отеческой» ауры, которую составители хотели придать автору (см. Илл. 2). Уточнить, кто был аудиторией сборника, можно также исходя из его стоимости. Она составляла 2 р. 50 к. (в переплете — 3 р. 25 к.), что позволяет предположить, что эти «русские дети» принадлежали к семьям высшего и среднего сословий, способным позволить себе подобную покупку⁶.

В книгу вошли следующие отрывки: «Бедные люди» (*Из записок Вариньки Доброселовой*), «Нечочка Незванова» (*Нечочка и Катя*), «Униженные

Илл. 2

и оскорбленные» (*Рассказ сиротки Нелли*), «Записки из Мертвого дома» (*Летняя пора в тюрьме*), «Преступление и наказание» (*Смерть Мармеладова*), «Дневник писателя» (*Мальчик у Христа на елке*, *Столетняя*, *Фома Данилов*, *замученный русский герой*), «Подросток» (*В барском пансионе*), «Братья Карамазовы» (*Старец и послушник: Из воспоминаний инок Зосимы — Алеша; Илюшечка: — Школьники — У капитана — Коля Красоткин — Жучка — У Илюшечкиной постельки — Доктор — Проводы*). Из двух процитированных выше писем Миллера можно сделать вывод о том, что выбор отрывков из романов принадлежал Достоевской, за исключением, по-видимому, «Дневника писателя» и фрагмента из «Записок из Мертвого дома», идея использовать который, очевидно, принадлежала Миллеру⁷.

Обоснование выбора Миллера и в целом *raison d'être*¹ сборника проясняются в написанном им предисловии. Несмотря на представление сборника как «загробного исполнения» желания Достоевского издать книжку

¹ смысл (фр.)

для детей и на заявленное намерение посвятить этот «подарок к елке» детям, слова Миллера также были адресованы и другому, скрытому собеседнику. Ведь еще слишком свежа память о статье Н. К. Михайловского «Жестокий талант», чтобы Миллер и Достоевская могли ее забыть. Поэтому, пытаясь предупредить возражения тех, кто считал бы произведения Достоевского неподходящими для детей, в предисловии Миллер обосновывал их публикацию, ссылаясь на опыт страдания, своего или чужого, как фундаментальный момент нравственного и когнитивного развития ребенка и как необходимый этап перехода к взрослой жизни:

«Подарок покойного покажется многим слишком грустным для детского возраста. В нем, действительно, много говорится о детском горе, да и о всяком горе. <...> Горе ведь никак и не скроешь даже от самых приглубленных судьбою детей. Пусть же они заранее запасаются силой противостоять ему. Пусть познакомятся и с теми людьми, которые никогда и понятия не имели о неге и холе, с детства, можно сказать, боролись с жизнью, должны были твердо стать на ноги, да еще поддерживать собою других» [Миллер, 1883: I].

Как и в случае с другими отобранными для сборника текстами, выбор отрывка из «Записок из Мертвого дома» объяснялся той присущей Достоевскому поэтикой страдания, а точнее, духовного перерождения *через* страдание, которую Миллер и Достоевская стремились отстоять от нападков Михайловского:

Но пусть узнают они и то, что есть люди, не выдерживающие жизненной борьбы, под тяжестью ее доходящие до таких поступков, которые <...> могут наконец довести заблудившихся до лишения свободы — до заключения в тюрьму. Но пусть дети научатся знать и то, что большею частью это случается если другие, более счастливые, не умеют во время протянуть руку падающему, не дать ему упасть или же поднять его тотчас же после падения [Миллер, 1883: II].

Можно даже сказать, что Миллер попытался переиначить обвинения Михайловского, указывая на то, что воспитательное значение произведений Достоевского состоит не в изображении положительных моделей этики и поведения, а в том, чтобы показать пагубные последствия *антимоделей* и таким образом подготовить детей к жизненным испытаниям. Однако и сама аргументация Миллера явно противоречила педагогическим воззрениям эпохи с ее постулатами о постепенном развитии личности ребенка и внушении ему положительных ценностей, которые бы стимулировали его врожденную склонность к оптимизму. Редакторские правки, которым подверглись тексты Достоевского, также опровергали тезис Миллера. В них видится стремление дать молодому читателю лишь смягченный образ страдания, лишенный деталей, которые могли бы показать его слишком

реалистично. Судя по опубликованным отрывкам, редакторское вмешательство в основном заключалась в урезании текста в соответствии со следующими общими критериями:

- сокращение текста и изложение его содержания (например, из романа «Неточка Незванова» была напечатана только пятая глава, озаглавленная в новой редакции «Неточкой и Катей»; ей предшествовал пересказ истории Неточки перед ее приходом в семью князя);
- устранение отступлений повествователя и вообще ослабление авторского голоса, с тем чтобы сохранить хронологическую и причинную последовательность фабулы (например, в рассказе «Мальчик у Христа на елке» вырезаны начальные и заключительные строки от лица повествователя-романиста);
- устранение намеков на поведение или настроения, характерные для взрослой жизни, которые могли бы ввести в заблуждение маленького читателя (например, из романа «Неточка Незванова» устранено признание в любви Неточки к Кате, в частности удалены подобные предложения: «Да, это была любовь, настоящая любовь, любовь со слезами и радостями, любовь страстная» (ДЗ0; 2:207)⁸. Это также относится к фрагменту из седьмой главы второй части романа «Преступление и наказание» — «Смерть Мармеладова», в котором пропущено описание того, как одета Соня при входе в комнату, где лежит ее умирающий отец);
- исключение отрывков, которые могли бы расстроить нервы и травмировать маленького читателя слишком резким изображением болезни и смерти (так, из того же отрывка «Смерть Мармеладова» изъяты отдельные предложения Екатерины Ивановны о Мармеладове: например, фраза, адресованная маленькой Поленьке: «...как этот пьяница погубил меня и вас всех погубит» (ДЗ0; 6:138]) — и упоминания об окровавленной одежде Раскольниковова. Также в воспоминаниях Варвары из романа «Бедные люди» выпущено описание смерти Покровского);
- исключение тех отрывков, которые могли бы погубить невинную душу ребенка или подорвать его доверие ко взрослым (например, в рассказе «Мальчик у Христа на елке» пропущено предложение о «блюстителе порядка», который «отвернулся, чтоб не заметить» (ДЗ0; 22:15) замерзшего ребенка; в романе «Бедные люди» обойдено молчанием чувство ненависти, которое отец Покровского испытывает к Анне Федоровне, и пропущена фраза о «загадочности» занятий Анны Федоровны).

Нельзя, однако, сказать, что процесс переделки текстов подчинялся универсальным и последовательным критериям. С одной стороны, не были вырезаны отдельные фразы, которые могли бы произвести слишком сильное впечатление

на маленького читателя или вызвать в нем опасное желание подражать поступкам героев. С другой стороны, произведенные сокращения рисковали извратить первоначальный смысл произведения. Здесь достаточно привести лишь несколько примеров: в романе «Неточка Незванова», несмотря на перечисленные выше сокращения, сохранены такие сцены, как поцелуи между двумя девочками и недоумение княгини по поводу «ненатуральности» их отношений. Само собой разумеется, что, вырванные из контекста неудачной семейной истории девочки-сироты, отношения между Неточкой и Катей казались еще более «ненатуральными», в то время как характер Неточки, женское воплощение мечтателя Достоевского 1840-х гг., лишился своего первоначального значения. Что же касается рассказа «Мальчик у Христа на елке», то устранение голоса повествователя-романиста отнимало у истории нищего малыша-сиротки присущий ей поэтический характер, фактически придавая ей суровый тон физиологического очерка. И наконец, сцена прощения в отрывке «Смерть Мармеладова» из «Преступления и наказания» была непонятна из-за удаления композиционной мотивировки, т. е. первой встречи между Мармеладовым и Раскольниковым, раскрывающей причины, вынудившие Сою «пойти по желтому билету».

Подобные противоречия вызвали строгое порицание как педагогической, так и литературной критики. В первую очередь претензии касались адресата сборника, прямо указанного в названии: больше чем книга «для детей» собрание Миллера могло рассматриваться как книга «о детях», возможно даже способная принести пользу воспитателям как подборка детских психологических типов⁹. Так, рецензент «Санкт-Петербургских ведомостей» в доказательство этого тезиса привел отзыв тринадцатилетнего мальчика, который, несмотря на принадлежность к бедной семье, был сродни детям, населяющим романы Достоевского, но не узнал себя ни в одном из персонажей и нашел книгу «неинтересной», за исключением рассказа «Мужик Марей»¹⁰. Рецензент журнала «Педагогический сборник» также пришел к выводу, что сборник может быть полезен для воспитателей, но никак не для юных читателей, которым следовало бы дать возможность вступить во взрослую жизнь «с розовыми взглядами, с верой в свои силы, и с надеждой на счастливый билет жизненной лотереи»¹¹. Однако самые серьезные вопросы у критики вызвала *цель* издания. В рецензии, опубликованной в журнале «Педагогический листок» и не случайно озаглавленной «Мимо цели», писательница М. К. Цебрикова отмечала, что наряду с гуманитарными целями, заявленными Миллером в предисловии, ей виделись в нем и иные, идеологические цели, связанные с желанием одурманить сознание юных читателей славянофильскими концепциями и мистическими настроениями:

«Много гашишу дают “русским детям” издательница и редактор! А на детей гашиш действует тем сильнее, что запас жизненного опыта скуден, что

в детской душе мало представлений, которые могли бы явиться противоядием к виденьям, вызываемым гашишем»¹².

За исключением отрывка из «Записок из Мертвого дома», «в котором», по ее мнению, «есть наименее болезненное и наиболее реальное из произведений Достоевского»¹³, Цебрикова сочла почти все остальные тексты неподходящими для детского чтения. По мнению автора рецензии, отрывки в сборнике «Русским детям», либо избыточные сценами страдания и смерти, либо, напротив, насыщенные излишне идеализированными образами, являли собой воспитательную антимодель и собрание самых грубых педагогических ошибок:

«В Достоевском нет гармонии художника, который создаст потрясающую картину страданий в той мере, которая, произведя необходимое впечатление, вызовет сочувствие, скорбь, но не будет преследовать вас, как страшный кошмар, неотступно мучительно беречь нервы. Достоевский в высшей степени обладал этим даром мучительства»¹⁴.

Именно идея «жестокости таланта», как представляется, лежит в основе всех рецензий на сборник Миллера, включая и отзыв самого Михайловского, появившийся на страницах «Отечественных записок». Рецензия Михайловского открывалась саркастическим замечанием, что сборник «Русским детям» служит неопровержимым доказательством того, что у самого Миллера детей нет. Затем Михайловский обвинял составителя в том, что он нарушил элементарнейшие педагогические принципы, предложив детской аудитории писателя для взрослых и поставив единственным критерием отбора текстов наличие в них детских персонажей. Столь же неудачным посчитал Михайловский и решение отобрать именно отрывки из текстов, что противоречило потребности юных читателей в единстве и завершенности фабулы. Но главное, возвращаясь к одному из своих основных упреков Достоевскому как «жестокому таланту», Михайловский отмечал чрезмерное количество смертей, описанных в книге, и беспричинность страданий, которые Миллер пытался представить юным читателям как добродетель, к которой стоит стремиться:

«Не будем спорить о педагогическом принципе, допустим целесообразность прогулок с детьми на кладбище и в покойницкую: но надо же во всяком случае, чтобы это были в самом деле целесообразные прогулки, а не бесцельные, потому что никакая педагогика не оправдывает подобных прогулок, если ими достигается только раздражение нервов»¹⁵.

В провокативной манере Михайловский предлагал родителям дать детям прочитать этот «мариолог» с конца, а именно с отрывка из «Братьев Карамазовых»: по мнению критика, одного описания агонии и смерти Илюши,

как и садизма, на который оказались способны его товарищи, было бы достаточно, чтобы убедить родителей избавиться от книги и таким образом уберечь детей от бессмысленных мучений. Подтвердив снова, что творчество Достоевского совершенно не подходит для детского чтения, Михайловский в конце рецензии нашел случай еще раз уколоть Миллера:

«Был у нас довольно известный “писатель не для дам”. Так точно есть писатели не для детей и уж, конечно, Достоевский чуть не на первом месте в числе их стоит. Нет, впрочем, худа без добра, и мы отчасти рады появлению книги, изданной г. Миллером: неразумие идолопоклонства не могло быть доказано выразительнее, нагляднее...»¹⁶.

Явный неуспех у критики был уравновешен относительным успехом у публики. В опросе, опубликованном в майском номере за 1883 год журнала «Педагогический сборник», официального органа Главного управления военно-учебных заведений, приводился отчет о книгах, которые на рождественских каникулах читали 84 ученика второго класса (от 11- до 14-летнего возраста) одного среднего учебного заведения¹⁷. Согласно этому опросу, самым читаемым автором был Ж. Верн, за которым следовали другие иностранные писатели (Томас Майн Рид, Вальтер Скотт, Чарльз Диккенс), а Достоевский, упомянутый пять раз, занял место среди самых читаемых русских авторов, после А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, А. К. Толстого, но до М. Ю. Лермонтова и Н. А. Некрасова. Из произведений Достоевского упоминаются «Записки из Мертвого дома» (2 раза) и «Русским детям» (3 раза). Представив некоторые данные статистики, автор исследования продолжал свое рассуждение и задавался вопросом о зависимости круга чтения от социального происхождения детей. Юные читатели распределялись в основном на две категории: дети из интеллигентных семей с благополучными экономическими условиями и дети из семей среднего класса — главным образом дети мелких служащих, купцов, фабрикантов. Отмечая среди первых тенденцию читать издания, специально предназначенные для детей, а среди вторых — склонность «подпольно» знакомиться с произведениями для взрослых, автор заключал, что это различие объяснялось разницей в качестве и уровне воспитания и в количестве внимания, которое родители детей из первой и второй группы уделяли им. Неслучайно из двух упомянутых выше изданий Достоевского дети в первой группе читали «Русским детям», в то время как дети из второй — «Записки из Мертвого дома». Эти данные, пусть и только частично отражающие картину, подтверждают, что сборник «Русским детям» имел определенный успех среди детей, принадлежащих к верхним слоям среднего класса. Кроме материальных средств на покупку сборника, у них была возможность получить комментарий по поводу прочитанного

от компетентных воспитателей, а потому противоречия и неясности книги, отмеченные критикой, могли нанести им меньше вреда.

Еще одно свидетельство успеха, который, несмотря ни на что, сборник «Русским детям» имел у публики, можно обнаружить в документах А. Г. Достоевской. Всего лишь три года спустя, в письме А. С. Суворину от 18 декабря 1886 г., она вспоминала, что «издание давно разошлось и сильно требуется»¹⁸. В еще одном письме Суворину, от 12 апреля 1897 г., она более точно указала, за какой срок были распроданы три тысячи экземпляров «Русским детям»:

*«Книга эта имѣла большой успѣхъ — три тысячи экз<емпляр>овъ разошлись въ полтора года»*¹⁹.

Продолжение этого письма Суворину также подтверждает убежденность Достоевской в том, что издание сборника «Русским детям» не было полным провалом и что для читателей и определенных кругов педагогической критики вопрос о «Достоевском для детей» еще не закрыт:

*«За послѣдніе годы многіе родители и педагоги упрекали меня зачѣмъ я не издаю Сборника отрывковъ изъ произведеній покойнаго мужа, говорили, что хорошихъ книгъ для дѣтскаго чтенія у насъ мало, что они на опытѣ видѣли какъ многое изъ его сочиненій, съ толкомъ и умнѣемъ выбранное, производило отличное впечатленіе на дѣтей. Говорили, что дѣти, читая въ школьѣ отрывки изъ Достоевскаго, захотятъ впослѣдствіи познакомиться со всѣми его сочиненіями, и что такимъ образомъ благотворное влияніе его произведеній будетъ продолжаться. Все это заставило меня издать новый сборникъ»*²⁰.

Эти слова Достоевской, помимо изменения обстоятельств для публикации, свидетельствуют о росте ее профессиональной сознательности: берясь за публикацию нового издания для детей в 1897 г., она руководствовалась уже не только желанием исполнить мечту мужа, но и уверенностью в том, что она выполняет определенный запрос публики.

Где Достоевская черпала эту уверенность, учитывая отнюдь не благоприятные отзывы критики о сборнике «Русским детям»?

Прежде всего, стоит отметить, что любопытным образом именно нелюбезная критика принесла начинанию Анны Григорьевны неожиданную известность, выполняя скорее функцию рекламы²¹ последующих детских изданий сочинений Достоевского²². В рецензиях на эти издания сборник «Русским детям» то и дело упоминался как неудачный эксперимент и пример, которому нельзя было следовать. В этой связи особенно смелым выглядело решение А. В. Круглова начать предисловие к сборнику «Достоевский для детей школьного возраста» именно с воспоминания о нападках на Миллера:

«Можно было бы обойтись без предисловия, если бы не мысль, что люди, привыкшие думать по шаблонам, заметят наверно: “Достоевский — не для детей”. Это даже кто-то высказал в печати, когда вышел в свет сборник “Русским детям”, составленный проф. О. Ф. Миллером. Конечно, целиком, весь — Достоевский не для детей. Но ведь нет ни одного писателя, которого целиком можно было бы взять для библиотеки юных читателей» [Круглов: III].

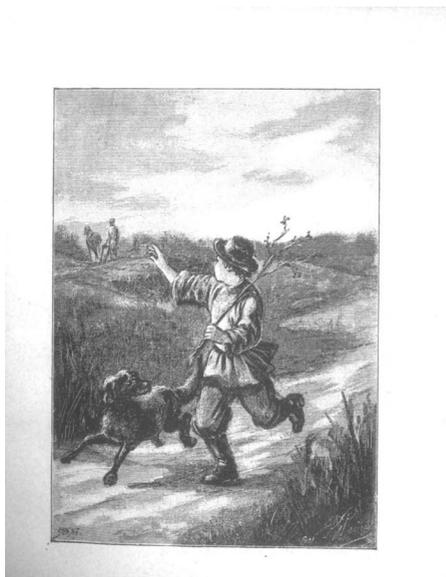
Детальный анализ этого и других изданий для юных читателей, выпущенных Достоевской после сборника «Русским детям», выходит за рамки данной работы, тем не менее позволим себе несколько предварительных замечаний.

В вышеупомянутом письме Суворину от 12 апреля 1897 г. Достоевская делает важное заявление относительно книги «Русским детям»: *«Но встрѣчена она была критикою до того недружелюбно, что я не рѣшилась повторить издание»*²³. Еще точнее Достоевская выразилась в письме Суворину от 18 декабря 1886 г.: *«Первый опытъ мой — книга «Русскимъ дѣтямъ» — былъ неудаченъ; издание давно разошлось и сильно требуется, но я не рѣшилась повторить его въ томъ же видѣ»*²⁴. Как видно, осознав опасность повторения ошибок, Достоевская решила пересмотреть свой подход к юным читателям. Судя по всему, главный вывод, который она сделала из истории со сборником «Русским детям», заключался в значимости *формы* издания, или, по определению Ж. Женетта, *паратекста*. Французский исследователь неслучайно называет паратекст «a privileged place of pragmatics and a strategy, of an influence on the public, an influence that — whether well or poorly understood and achieved — is at the service of a better reception for the text and a more pertinent reading of it»² [Genette: 2]. Потребность в формировании читательского опыта «теоретической публики» [Escarpit: 52] ее изданий (видимо, состоящей как из юных читателей, так и из критиков) привела Достоевскую к смене издательской стратегии и заставила ее более внимательно подойти к оформлению книги. Оставив прежние текстовые варианты, Достоевская обогатила детские издания новыми паратекстуальными элементами, иногда в ущерб прежним: например, в дешевых (5 и 10 к.) иллюстрированных изданиях, напечатанных в типографии А. С. Суворина в 1885 и 1886 г.²⁵, не был напрямую указан адресат книги, который двумя годами ранее вызвал такое негодование рецензентов сборника «Русским детям». О том, что издание предназначено для юных читателей, можно судить только по косвенным признакам, на основании других элементов паратекста, таких как иллюстрации

² «привилегированной областью прагматики и стратегии, воздействия на публику с определенной целью (в большей или меньшей степени осознанной и реализованной) — подготовить благоприятное восприятие текста и обеспечить более адекватное его прочтение» (перевод с англ. мой. — Р. В.)

Илл. 3

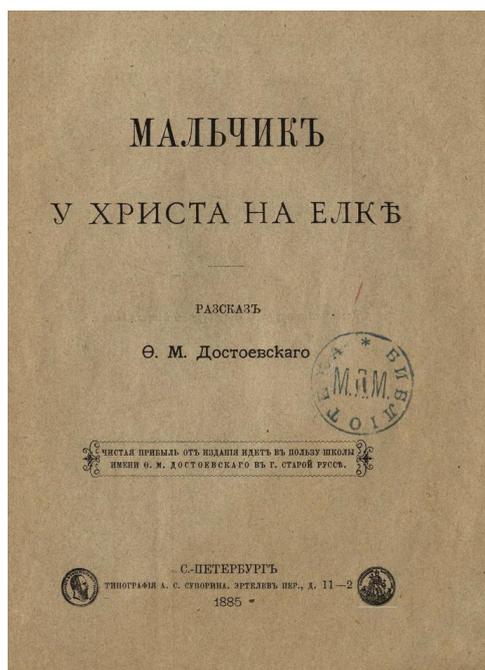
Илл. 4

Илл. 5

(см. Илл. 3 и Илл. 4), оформление буквиц (см. Илл. 5) и отметка о том, что чистая прибыль от продажи направлялась в пользу школы им. Достоевского в Старой Руссе (см. Илл. 6)²⁶. Разработка паратекста заключалась

также в выборе бумаги, что позволило Достоевской снизить цены и увеличить тиражи, диверсифицируя схемы дистрибуции и расширяя контингент читателей Достоевского. Широкое распространение книжек, отпечатанных в суворинской типографии, подтверждается как огромным количеством переизданий в последующие годы, так и свидетельством Достоевской, которая в письме к С. А. Толстой точно указывала сумму прибыли от продажи одного только «Мальчика у Христа на елке»: «Это дает ей некоторый доход, например, “Мальчик у Христа на елке” приносит ежегодно руб. 150–200»²⁷.

Илл. 6

Иным образом решалась проблема определения адресата в более поздних изданиях сочинений Достоевского для юных читателей²⁸, где в самой заглавии указывались возрастные рамки адресатов. Выбор названия представлял для Достоевской проблему даже годы спустя. Одно из ее писем Круглову в период его работы над сборником, который первоначально собирались также озаглавить «Русским детям», подтверждает, что память о критических отзывах 1883 г. еще не угасла: «*Не будетъ ли это ошибкой? <...> Не назвать-ли ее “Русскимъ юношамъ”>, <“>Русскому юношеству<”> чтобъ избѣгнуть упрека въ томъ, что Достоевскій своими произведеніями производитъ тяжелое впечатлѣніе на дѣтей»*²⁹.

Решение доверить подготовку новых изданий людям с заслуженной репутацией в области педагогики и детской литературы, таким как педагог В. Я. Стоюнин и популярный детский писатель А. В. Круглов, также принадлежит к сфере паратекста. Сама Достоевская не скрывала, что возлагает надежды относительно успеха издания на именитых редакторов и их многолетний опыт в педагогике:

«Настоящая книга издана под редакцією Вл. Я. Стоюнина. Не берусь рѣшать удаченъ-ли выборъ: я слишкомъ пристрастный судья, но думаю, что Стоюнинъ, какъ талантливый педагогъ, десятки лѣтъ знающій дѣтей, на вѣрно сѣумѣлъ выполнить свою задачу»³⁰.

«Я обратилась къ А. В. Круглову. Онъ считается однимъ изъ талантливыхъ дѣтскихъ писателей: онъ понимаетъ дѣтскую душу и дѣти любятъ его произведенія. Можно надѣяться, что онъ сѣумѣлъ выбрать изъ произведеній Достоевскаго только то что можетъ благотворно дѣйствовать на дѣтей»³¹.

Как можно судить из имеющихся у нас источников, выбор текстов Достоевская доверяла редакторам. Впрочем, она оставляла за собой право оспорить их решения в случае, если они могли вновь спровоцировать критику. Ответ Стоюнина на одно из несохранившихся писем Достоевской явно отражает ее беспокойство о возможных упреках экспертов детского чтения:

«...удачный ли выборъ мною сдѣланъ, я и самъ не знаю и не увѣренъ, такъ какъ желалъ бы, чтобы онъ имѣлъ воспитательное значеніе; а этотъ вопросъ рѣшить нелегко: кто захочетъ, придратъся можетъ безъ затрудненія; а отвѣчать и заводить полемику, нѣтъ охоты съ нашими умниками и крикунами»³².

Те же сомнения преследовали Достоевскую при работе над сборником под редакцией Круглова. Хотя Круглов расширил репертуар произведений Достоевского для детей, включив в него «Рассказ о купце» из романа «Подросток», «Музыкант Ефимов и его семья» из «Неточки Незвановой» и новые отрывки из «Братьев Карамазовых, его протесты не смогли повлиять на решение Достоевской больше не включать в сборник отрывки из «Преступления и наказания». На опасения, выраженные Достоевской, что они «произведутъ тягостное впечатлѣніе и помѣшаютъ успѣху книги и дадутъ поводъ лишній разъ напасть на Достоевскаго за его будто “мучительство”»³³, Круглов ответил, пытаясь ее переубедить:

«Жаль, что Вы выкидываете все изданіе “Преступленія и Наказанія”. Вы напрасно боитесь упрековъ и не вѣрите совѣстьмъ мнѣ. Да, впрочемъ, и педагогъ Острогорскій взялъ въ свою книгу “Раздавили”. Видите!»³⁴.

Осторожность Достоевской была награждена уважением педагогической критики: ее внимание не только к содержанию, но и к форме более поздних изданий, последовавших за сборником «Русским детям», заслужило высокую оценку в специализированных журналах³⁵. Некоторые из детских изданий Достоевской были включены в главные справочные книги по детскому чтению — как правило, в разделе «Старший возраст»³⁶. Столь же значимым было признание воспитательной ценности некоторых из этих изданий со стороны правительственных учреждений. Огромные усилия, предпринятые Достоевской, для того, чтобы произведения мужа попали в библиотеки учебных заведений, иногда увенчивались успехом: например, издания «Мужик Марей. Столетняя» (СПб., 1885) и «Выбор из сочинений Ф. М. Достоевского для учащихся среднего возраста» (под ред. В. Я. Стоюнина. СПб., 1887), наряду с «Записками из Мертвого дома» (СПб., 1883) и «Бедными людьми» (СПб., 1887. Изд. А. С. Суворина. Серия «Дешевая библиотека») были одобрены Ученым комитетом Министерства народного образования для ученических библиотек средних учебных заведений³⁷. Несколько лет спустя Ученый комитет Министерства Народного Просвещения одобрил издание «Мужик Марей. Столетняя» (СПб., 1885) также для ученических библиотек низших училищ³⁸.

В заключение стоит отметить, что многое из истории подготовки и рецепции детских изданий сочинений Достоевского еще предстоит выяснить. В России они прекратились после 1917 г., время от времени появлялись в литературе эмиграции³⁹, а в 1970-е гг. окончательно вернулись на книжный рынок с помощью советского издательства «Детская литература». Рассмотренный нами эпизод издательской деятельности вдовы Достоевского позволяет понять, какими были литературно-идеологические предпосылки проекта, который оказался смелым издательским шагом и сыграл важную роль не только в истории литературной репутации писателя, но и в дальнейшем развитии профессиональной деятельности А. Г. Достоевской. Столкнувшись с «провалом» издания «Русским детям», она постаралась выработать адекватную издательскую политику для той читательской аудитории, к которой планировала обратиться. Оказавшись умелым посредником, Достоевская показала, что она способна решить основную задачу, лежащую перед каждым настоящим издателем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Письмо А. Г. Достоевской к Е. Ф. Юнге от 19 ноября 1882 г. [Достоевский в неизданной переписке... 558–559]. По словам Анны Григорьевны, перед смертью писатель дал точные указания о содержании желаемого сборника: «Для детской книжки: Неточка Незван<ова>. Коля Красот<кин>. Смерть Илюшечки. Мальчик у Христа. Мужик Марей. Столетняя. Маленький герой. Боялся грустного впечатления. Боялся, чтоб детей не раздавили» [Достоевская, 1993]. О намерении Достоевского издать сборник своих произведений для детей см. также воспоминания типографского наборщика М. А. Александрова: «Иногда говорили о детских нравах, причем однажды Федор Михайлович

- рассказал, как он иногда забавляет свою маленькую дочь чтением библейских рассказов и русских былин и как она хорошо понимает их; читал он детям иногда отрывки из своих произведений и при этом замечал подтверждение своих догадок, что в его сочинениях есть-таки места, доступные даже детскому пониманию... Это обстоятельство надоумило его заняться когда-нибудь, на досуге, выборкою таких отрывков и издать их отдельною книжкою; но мысль эту он не успел привести в исполнение» [Воспоминания и исследования...: 60]. Первые попытки А. Г. Достоевской обратиться к юным читателям восходят к 1881 году, когда она разрешила публикацию фрагментов из «Неточки Незвановой» и «Братьев Карамазовых» в детских журналах «Воспитание и обучение» и «Семейные вечера» (Неточка и Катя // Воспитание и обучение. 1881. № 3; О священном писании в жизни отца Зосимы // Семейные вечера. 1881 № 2; У Илюшиной постельки // Семейные вечера. 1881. № 2).
- 2 Статья Н. К. Михайловского «Жестокий талант» вышла в 9-м и 10-м выпусках журнала «Отечественные записки» за 1882 г. Обстоятельный анализ аргументаций Н. К. Михайловского см.: [Викторович]. Категорическое отрицание и критика концепции Н. К. Михайловского содержится в книге Оскара фон Шульца [Шульц].
 - 3 В письме А. С. Суворину от 12 апреля 1897 г. Достоевская вспоминала: *«Покойнаго моего мужа чрезвычайно занимала мысль выбрать изъ своихъ произведеній отрывки, возможные для дѣтскаго чтенія. Онъ даже намѣтилъ нѣкоторые изъ нихъ, но къ сожалѣнію не успѣлъ при себѣ издать. Осуществить мысль Фёдора Михайловича взялся покойный О. Ф. Миллеръ и подъ его редакціею въ 1883 году была издана мною книга “Русскимъ Дѣтямъ”»* (Достоевская А. Г. Письмо к А. С. Суворину. От 12 апреля 1897 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1269. Л. 8). Стоит упомянуть, что «детская тема» не была чужда Миллеру: в 1882 г. в журнале «Женское образование» вышла его объемная статья о детях в творчестве Достоевского (см.: [Миллер, 1882]).
 - 4 Миллер О. Ф. Письмо к А. Г. Достоевской // ОР РГБ. Ф. 93.П.6.87. Л. 16. Еще одним доказательством того, что это письмо было написано не 9 июня 1883 г., а годом ранее, служит следующая фраза Миллера: *«Я въ гадкомъ настроеніи духа и почти готовъ теперь сказать: “чѣмъ хуже, тѣмъ лучше”. Стыдъ и срамъ Каткову, доставившему такое торжество жидамъ и нѣмцамъ, а что хуже того — отечественной барской партіи, превосходящей своимъ окаянствомъ и жидовъ, и нѣмцевъ»*. Есть основания полагать, что Миллер имеет в виду ряд статей, вышедших в газете М. Н. Каткова «Московские ведомости» в мае 1882 г., в которых Катков опасался отрицательного влияния еврейских погромов на российскую экономику (см.: [Klier: 153]).
 - 5 Миллер О. Ф. Письмо к А. Г. Достоевской // ОР РГБ. Ф. 93.П.6.87. Л. 30–31.
 - 6 Как отмечал издатель И. Д. Сытин, «назначая цену детской книги в три и даже в пять рублей, они [издатели] знали, что эту книгу купит у них генерал, помещик, крупный чиновник и вообще человек обеспеченный, желающий преподнести своему ребенку именнинный подарок» [Сытин: 77]. В этом отношении сборник «Русским детям» продолжал линейку изданий Достоевской, ориентированных прежде всего на образованную публику, принадлежащую к верхним слоям среднего класса (об этом см.: [Andrianova], [Вассена]).
 - 7 Из двух фрагментов, предложенных Миллером, в сборник «Русским детям» вошел только один — «Летняя пора в тюрьме». Этот отрывок из «Записок из Мертвого дома» вошел также в другой сборник для юных читателей, изданный в 1883 г.: Складень. Чтение для детей и для юношества. Сост. из произведений лучших соврем. писателей. СПб.: тип. А. С. Суворина (изд. А. Н. Толиверовой), 1883. С. 87–107.

- ⁸ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1990. Здесь и далее *Д30* — с указанием в тексте в круглых скобках арабскими цифрами тома, через двоеточие — страницы.
- ⁹ См.: Библиография и критика. «Русским детям» // Записки учителя. Апрель 1883. № 4. С. 210. На протяжении следующих десяти лет действительно появлялись научные заметки по антропологии и психологии, авторы которых использовали для своих исследований разнообразные типы детских героев Достоевского. См.: [Янтарева].
- ¹⁰ Н. Что наши дети читают? // Санкт-Петербургские ведомости. 1883. № 337. 13 декабря. С. 1.
- ¹¹ Обзор детских книг за 1883 // Педагогический сборник. 1884. № 9. Сентябрь. С. 284.
- ¹² Цебрикова М. Мимо цели // Педагогический листок. 1883. № 1. С. 26.
- ¹³ Там же. С. 12.
- ¹⁴ Там же. С. 2.
- ¹⁵ [Михайловский Н. К.] Новые книги // Отечественные записки. 1883. № 3. С. 77
- ¹⁶ Там же. С. 79.
- ¹⁷ Что читают наши дети? // Педагогический сборник. 1883. № 5. Май. С. 409–416.
- ¹⁸ Достоевская А. Г. Письмо к А. С. Суворину. От 18 декабря 1886 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1269. Л. 6.
- ¹⁹ Достоевская А. Г. Письмо к А. С. Суворину. От 12 апреля 1897 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1269. Л. 8.
- ²⁰ Там же. Л. 8–8 об.
- ²¹ Интересно отметить, что в своем анализе процессов продукции, дистрибуции и потребления книг в капиталистической книжной индустрии, французский социолог Робер Эскарпи так описывает подобные рекламные механизмы: «Infinitely most interesting is the review of a publishing house critic in a newspaper having a clientele corresponding approximately to the publisher's theoretical public. <...> It matters little that the review is unfavourable; as long as the book is talked about, even a bad review may be as profitable as a good one. Thus a literary "catastrophe" may be worth a fortune» [Escarpit, 55] («Несравненно самой интересной является рецензия критика издательства в газете, аудитория которой примерно соответствует теоретической публике издателя. <...> Не имеет значения, что рецензия неблагоприятна; пока о книге говорят, даже плохой отзыв может быть таким же выгодным, как и хороший. Таким образом, литературная "катастрофа" может стоить целое состояние». — Перевод с англ. мой. — Р. В.).
- ²² В отделе «Издания для детей» «Библиографического указателя» 1906 года, составленного А. Г. Достоевской, указаны: Мальчик у Христа на елке. Рассказ Ф. М. Достоевского (Чистая прибыль от издания идет в пользу школы имени Ф. М. Достоевского в г. Старой Руссе). С 4-мя рисунками и портретом автора. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1885 и послед. изд.; Мужик Марей — Столетняя Ф. М. Достоевского. (Чистая прибыль от издания идет в пользу школы имени Ф. М. Достоевского в г. Старой Руссе). С 4-мя рисунками и портретом автора. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1885 и послед. изд.; Верующие бабы. (Из романа «Братья Карамазовы») Ф. М. Достоевского. С тремя рисунками и портретом автора. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1886 и послед. изд.; В барском пансионе. Из романа «Подросток» Ф. М. Достоевского. С тремя рисунками. Издание Л. Ф. Достоевской. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1887; Выбор из сочинений Ф. М. Достоевского для учащихся среднего возраста (от 14-ти лет) / под ред. В. Я. Стоюнина. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1887, изд. А. Г. Достоевской (изд. 2-е вышло в 1902 г. в тип. бр. Пантелеевых); Достоевский для детей школьного возраста / под ред. А. В. Круглова. СПб., 1897 (см.: [Достоевская, 1906: 299–302].
- ²³ Достоевская А. Г. Письмо к А. С. Суворину. От 12 апреля 1897 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1269. Л. 8.

- 24 Достоевская А. Г. Письмо к А. С. Суворину. От 18 декабря 1886 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1269. Л. 6.
- 25 Мальчик у Христа на елке. Рассказ Ф. М. Достоевского (Чистая прибыль от издания идет в пользу школы имени Ф. М. Достоевского в г. Старой Руссе). С 4-мя рисунками и портретом автора. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1885; Мужик Марей — Столетняя Ф. М. Достоевского. (Чистая прибыль от издания идет в пользу школы имени Ф. М. Достоевского в г. Старой Руссе). С 4-мя рисунками и портретом автора. СПб.: Тип. А. С. Суворина. 1885.
- 26 А. С. Суворин оказал большую помощь в организации школы в Старой Руссе, согласившись напечатать в своей типографии билеты и программки нескольких литературных вечеров, организованных А. Г. Достоевской, и бесплатно дать о них извещение на страницах «Нового времени» (см. письма А. Г. Достоевской к А. С. Суворину от 10 и 14 марта 1884 г., а также от 24 февраля 1885 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1269. Л. 3, 4, 5).
- 27 Цит. по: [Никифорова: 300].
- 28 Выбор из сочинений Ф. М. Достоевского для учащихся среднего возраста (от 14-ти лет) / под ред. В. Я. Стоюнина. С портр. Ф. М. Достоевского. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1887. 336 с. (2-е изд. — 1902 г.); Достоевский для детей школьного возраста. Под ред. А. В. Круглова. С биогр. очерком, портр. Ф. М. Достоевского и снимками с его дома и школы его имени. СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1897. 393 с.
- 29 Достоевская А. Г. Письмо к А. В. Круглову. Б. д. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30418. Л. 2.
- 30 Достоевская А. Г. Письмо к А. С. Суворину. От 18 декабря 1886 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1269. Л. 6–7.
- 31 Достоевская А. Г. Письмо к А. С. Суворину. От 12 апреля 1897 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1269. Л. 8–8 об.
- 32 Стоюнин В. Я. Письмо к А. Г. Достоевской. От 28 ноября 1886 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30281. Л. 1–1 об.
- 33 Достоевская А. Г. Письмо к А. В. Круглову. Б. д. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30418. Л. 2.
- 34 Круглов А. В. Письмо к А. Г. Достоевской. От 3 февраля 1897 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30124. Л. 19.
- 35 См. следующие рецензии на дешевые издания, напечатанные в тип. А. С. Суворина: Яков. Мальчик у Христа на елке. Рассказ Ф. М. Достоевского. СПб., 1885. Ц. 5 коп.; Мужик Марей. Столетняя. Ф. М. Достоевского. СПб., 1885. Ц. 10 к. // Педагогический листок. 1885. № 2. С. 136; Н. П-я-в. Мальчик у Христа на елке. Рассказ Ф. М. Достоевского. СПб., 1885. Ц. 5 коп.; Мужик Марей. Столетняя. Ф. М. Достоевского. СПб., 1885. Ц. 10 к. // Женское образование. 1885. VIII. С. 551–552. См. также рецензии на сборник под ред. Стоюнина: Критика и библиография // Женское образование. 1887. № 8. С. 529–530; Обзор детских книг. Статья 2-я. Книги для среднего возраста // Педагогический сборник. 1888. № 9. С. 251–252 — и на сборник под ред. Круглова: // Русское обозрение. 1897. № 6. С. 931–933.
- 36 См., напр.: К елке. Указатель книг, одобренных педагогическою критикою для детского чтения / сост. М. В. Соболев. СПб., 1890. С. 32, 59.
- 37 См.: Опыт каталога ученических библиотек средних учебных заведений ведомства Министерства Народного Просвещения. СПб., 1889. С. 70, 74.
- 38 См.: Каталог книг для употребления в низших училищах ведомства Министерства народного просвещения. СПб., 1891. С. 59. В рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся отношения к А. Г. Достоевской различных учреждений, в которые она обращалась за одобрением сочинений мужа для употребления в библиотеках учебных заведений. Разумеется, далеко не все ответы были положительны. Например, Ученый

комитет Министерства народного просвещения не одобрил издания «Представление» (СПб., 1890), «Летняя пора» (СПб., 1890), «Верующие бабы» (СПб., 1890) и «В барском пансионе» для ученических библиотек учебных заведений («Отношение к А. Г. Достоевской Министерства народного просвещения», 16 октября 1896 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29525. Л. 3–3 об.). Ведомство учреждений Императрицы Марии одобрило издания «Верующие бабы» (СПб., 1886) для своих учебных заведений и «Мужик Марей. Столетняя» (СПб., 1885) для чтения в сельских и патриотических школах и в приготовительных классах для девочек, а издание «Достоевский для детей школьного возраста» (СПб., 1897) оно не одобрило («Отношения к А. Г. Достоевской Собственной Е. И. В. канцелярии по учреждениям императрицы Марии» // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29528. Л. 1–1 об., 3–3 об., 5). Также была отклонена просьба Достоевской одобрить для церковно-приходных школ издания «Верующие бабы» (СПб., 1890), «Мужик Марей. Столетняя» (СПб., 1885) и «Выбор из сочинений Ф. М. Достоевского для учащихся среднего возраста» (под ред. В. Я. Стоюнина. СПб., 1887) («Отношение к А. Г. Достоевской Училищного совета при Святейшем Синоде», 25 ноября 1897 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29529. Л. 1). Об этом см.: [Волгин].

- ³⁹ См., напр.: Достоевский Ф. М. Избранные произведения: сб. / под ред. [и с предисл.] Ореста Миллера. Берлин: Слово, 1921.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алчевская Х. Д. О некоторых отрывках из сочинений Ф. М. Достоевского // Библиографический листок. Труды комиссии при Учебном отделе Моск. общества распространения техн. знаний, по составлению крит. каталога книг и статей для детского чтения. — М., 1881. — Вып. 1. — С. 45–49.
2. Алчевская Х. Д. Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения: в 2 т. — СПб.: тип. Товарищества «Общественная польза», 1884. — Т. 1. — 872 с.
3. Вассена Р. «Популярный» Достоевский: Начало массового распространения творческого наследия, 1881–1906 // Russian Literature. — 2020. — Vol. 111–112 (в печати).
4. Викторovich В. А. Дело о жестоком таланте. Из истории борьбы критики с литературой // IV Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте». Избранные доклады и тезисы. — М.: Фонд Достоевского, 2014. — С. 467–473.
5. Волгин И. Л. Достоевский и правительственная политика в области просвещения 1881–1917 // Достоевский. Материалы и исследования / отв. ред. Г. М. Фридлендер. — Л.: Наука, 1980. — Т. 4. — С. 192–205.
6. Воспоминания и исследования о творчестве Ф. М. Достоевского. Книга первая / М. А. Александров, В. Г. Авсеенко, Х. Д. Алчевская, Ю. И. Айхенвальд, П. В. Анненков [и др.]. — Берлин; М.: Директ-Медиа, 2015. — 367 с.
7. Достоевская А. Г. Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Московском Историческом музее имени императора Александра III. 1846–1903 / сост. А. Г. Достоевская. — СПб.: тип. П. Ф. Пантелеева, 1906. — 392 с.
8. Достоевская А. Г. Записная книжка 1881 года // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. — СПб.: Андреев и сыновья, 1993. — С. 275–284.

9. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. — М.: Бослен, 2015. — 756 с.
10. Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / статья, публикация и коммент. Л. Р. Ланского // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1973. — С. 349–564. (Литературное наследство; т. 86)
11. Книга в России 1881–1895 / под общ. ред. И. И. Фроловой. — СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 1997. — 430 с.
12. Круглов А. В. Предисловие // Достоевский для детей школьного возраста. Под ред. А. В. Круглова. С биограф. очерком, портр. Ф. М. Достоевского и снимками с его дома и школы его имени. — СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1897. — 393 с.
13. Лучкина О. А. *Raison d'être* русской классики: поэты-педагоги и писатели-воспитатели // Детские чтения. — 2015. — № 2. — Вып. 8. — С. 30–51.
14. Миллер О. Ф. Дети в сочинениях Ф. М. Достоевского // Женское образование. — 1882. — № 2. — С. 107–122; — 1882. — № 3. — С. 190–206.
15. Миллер О. Ф. Предисловие // Русским детям: из сочинений Ф. М. Достоевского / изд. под ред. [и с предисл.] О. Ф. Миллера. — СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1883. — 280 с.
16. Никифорова Т. Письма А. Г. Достоевской к С. А. Толстой // Мир филологии. — М.: Наследие, 2000. — С. 290–306.
17. Острогорский В. П. Русские писатели как воспитательно-образовательный материал для занятий с детьми. — СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1874–1875. — 140 с.
18. Стоюнин В. Я. О преподавании русской литературы. — СПб.: тип. и лит. Паульсона и К., 1864. — 392 с.
19. Сытин И. Д. Жизнь для книги / сост. и подгот. текста А. З. Огорова. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. — 285 с.
20. Федорова Е. А., Андрианова И. С. Кто автор рассказа по мотивам романа Достоевского «Преступление и наказание»? // Неизвестный Достоевский. — 2015. — № 3. — С. 43–60 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449051885.pdf DOI: 10.15393/j10.art.2015.2483 (18.02.2019).
21. Хеллман Б. Сказка и быль. История русской детской литературы. — М.: Новое Литературное Обозрение, 2016. — 555 с.
22. Шульц О. фон. Светлый, жизнерадостный Достоевский. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. — 366 с.
23. Янтарева Р. А. Детские типы в произведениях Достоевского. Психологические этюды. — СПб.: тип. Г. А. Бернштейна, 1895. — 96 с.
24. Andrianova I. Aspiration for Independence. Anna Dostoevskaia's Publishing Commerce // Canadian-American Slavic Studies. — 2016. — 50 (3). — P. 299–312.
25. Escarpit R. Sociology of literature / trans. by E. Pick. Second edition. — London: Frank Cass. & Co. LTD, 1971. — 104 p.
26. Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation / trans. by J. E. Lewin. Foreword by R. Macksey. — Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1997. — 427 p.
27. Klier J. Russians, Jews, and the Pogroms of 1881–1882. — Cambridge: Cambridge University Press, 2011. — 492 p.

Raffaella Vassena

*The University of Milan=Università degli Studi di Milano
(Milan, Italy)*

raffaella.vassena@unimi.it

Dostoevsky for Children: the Failure or Success of the First Children's Book, Compiled by Anna Dostoevskaya (1883)

Abstract. The publication introduces into scientific discourse the history of the first children's edition of Dostoevsky's works, published in 1883 by his widow under the title "Russian children: from the works of F. M. Dostoevsky". The release of this publication in the press was a significant stage both for the history of the writer's literary reputation and for the further development of the publishing activities of Anna Dostoevskaya. The disputes emanating from that publication about whether the works of Dostoevsky are suitable for children, led to the fact that Anna, in her subsequent books for young readers, developed new publishing strategies, paying greater attention to the paratextual elements of books (e.i. title, epilogue, design, etc.). On the basis of archival sources, journal reviews and sociological surveys of the 1880s, the article describes an early stage of the publishing project "Dostoevsky for children", identifies the criteria that Anna Dostoevskaya used while implementing it, shows the history of perception of the anthology by Russian critics and readers. In the course of the study, the dates of two letters of Orest Miller to Anna Dostoevskaya were clarified.

Keywords: F. M. Dostoevsky, children's literature, adaptation, Anna Dostoevskaya, book publishing in Russia of the XIX century, Orest Miller, Nikolay Mikhaylovsky

About the author: *Vassena Raffaella* — PhD, Associate Professor of Department of Foreign Languages and Literature, The University of Milan=Università degli Studi di Milano (Via Festa del Perdono 7, Milan, 20122, Italy)

Received: August 1, 2019

Date of publication: September 14, 2019

For citation: Vassena R. Dostoevsky for Children: the Failure or Success of the First Children's Book, Compiled by Anna Dostoevskaya (1883). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 3, pp. 116–139. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4201 (In Russ.)

REFERENCES

1. Alchevskaya Kh. D. On Some Excerpts from the Works of F. M. Dostoevsky. In: *Bibliograficheskiy listok. Trudy komissii pri Uchebnom otdete Moskovskogo obshchestva rasprostraneniya tekhnicheskikh znaniy, po sostavleniyu kriticheskogo kataloga knig i statey dlya detskogo chteniya* [A Bibliographic Leaflet. Proceedings of the Commission at the Training Department of the Moscow Society for the Distribution of Technical Knowledge, on Compiling a Critical Catalog of Books and Articles for Children]. Moscow, 1881, issue 1, pp. 45–49. (In Russ.)
2. Alchevskaya Kh. D. *Chto chitat' narodu? Kriticheskiy ukazatel' knig dlya narodnogo i detskogo chteniya: v 2 tomakh* [What to Read to People? A Critical Index of Books for Folk and Children's Reading: in 2 Vols]. St. Petersburg, tipografiya Tovarishchestva Obshchestvennaya pol'za Publ., 1884, vol. 1. 872 p. (In Russ.)
3. Vassena R. "Popular" Dostoevsky: The Beginning of the Mass Distribution of Creative Heritage, 1881–1906. In: *Russian Literature*, 2020, vol. 111–112 (in print). (In Russ.)
4. Viktorovich V. A. The Case of a Cruel Talent. From the History of the Struggle Between the Criticism and Literature. In: *IV Mezhdunarodnyy simpozium «Russkaya slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste». Izbrannyye doklady i tezisy* [The Fourth International Symposium

- “*Russian Literature in the Global Cultural Context*”. Selected Reports and Abstracts]. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2014, pp. 467–473. (In Russ.)
5. Volgin I. L. Dostoevsky and National Education Policy 1881–1917. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ, 1980, vol. 4, pp. 192–205. (In Russ.)
 6. *Vospominaniya i issledovaniya o tvorchestve F. M. Dostoevskogo* [Memoirs and Researches on the Work of F. M. Dostoevsky]. Berlin, Moscow, Direkt-Media Publ., 2015, book 1. 367 p. (In Russ.)
 7. Dostoevskaya A. G. *Bibliograficheskiy ukazatel’ sochineniy i proizvedeniy iskusstva, otnosyashchikhsya k zhizni i deyatel’nosti F. M. Dostoevskogo, sobrannykh v «Muzee pamyati F. M. Dostoevskogo» v Moskovskom Istoricheskom muzee imeni imperatora Aleksandra III. 1846–1903* [A Bibliographic Index of the Writings and Works of Art Related to Life and Work of F. M. Dostoevsky Collected in the “Memorial Museum of F. M. Dostoevsky” in the State Historical Museum in Moscow Named After Emperor Alexander III. 1846–1903]. St. Petersburg, tipografiya P. F. Panteleva, 1906. 392 p. (In Russ.)
 8. Dostoevskaya A. G. The Notebook of 1881. In: *F. M. Dostoevskiy v zabytykh i neizvestnykh vospominaniyakh sovremennikov* [F. M. Dostoevsky in the Forgotten and Unknown Memoirs of His Contemporaries]. St. Petersburg, Andreev i synov’ya Publ., 1993, pp. 275–284. (In Russ.)
 9. Dostoevskaya A. G. *Solntse moey zhizni — Fedor Dostoevskiy: vospominaniya 1846–1917* [The Sun of my Life — Fedor Dostoevsky: Memories of 1846–1917]. Moscow, Boslen Publ., 2015. 756 p. (In Russ.)
 10. Dostoevsky in the Unpublished Correspondence of Contemporaries (1837–1881). In: *F. M. Dostoevskiy. Novye Materialy i issledovaniya* [F. M. Dostoevsky. New Materials and Researches]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 349–564. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 86). (In Russ.)
 11. *Kniga v Rossii 1881–1895* [The Book in Russia of 1881–1895]. St. Petersburg, Rossiyskaya Natsional’naya Biblioteka Publ., 1997. 430 p. (In Russ.)
 12. Kruglov A. V. The Preface. In: *Dostoevskiy dlya detey shkol’nogo vozrasta* [Dostoevsky for School-age Children]. St. Petersburg, Tipografiya brat’ev Panteleevykh Publ., 1897. 393 p. (In Russ.)
 13. Luchkina O. A. Raison d’être of Russian Classics: Poets-Teachers and Writers-Educators. In: *Detskie chteniya* [Children’s Readings: Studies in Children’s Literature], 2015, no. 2, issue 8, pp. 30–51. (In Russ.)
 14. Miller O. F. Children in the Works of F. M. Dostoevsky. In: *Zhenskoe obrazovanie* [Female Education], 1882, no. 2, pp. 107–122; 1882, no. 3, pp. 190–206. (In Russ.)
 15. Miller O. F. The Preface. In: *Russkim detyam: iz sochineniy F. M. Dostoevskogo* [For Russian Children: from the Works of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg, tipografiya brat’ev Panteleevykh Publ., 1883. 280 p. (In Russ.)
 16. Nikiforova T. Letters from A. G. Dostoevskaya to S. A. Tolstaya. In: *Mir filologii* [The World of Philology]. Moscow, Nasledie Publ., 2000, pp. 290–306. (In Russ.)
 17. Ostrogorskiy V. P. *Russkie pisateli kak vospitatel’no-obrazovatel’nyy material dlya zanyatiy s det’mi* [Russian Writers as an Educational Material for Classes with Children]. St. Petersburg, D. E. Kozhanchikov Publ., 1874–1875. (In Russ.)
 18. Stoyunin V. Ya. *O prepodavanii russkoy literatury* [About the Teaching of Russian Literature]. St. Petersburg, tipografiya Paul’sona i Kompaniya Publ., 1864. 392 p. (In Russ.)

19. Sytin I. D. *Zhizn' dlya knigi [Life for the Book]*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1962. 285 p. (In Russ.)
20. Fedorova E. A., Andrianova I. S. Who is the Author of the Story Based on Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment"? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, issue 3, pp. 43–60. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449051885.pdf (accessed on February 18, 2019). DOI: 10.15393/jf10.art.2015.2483 (In Russ.)
21. Khellman B. *Skazka i byl'. Istoriya russkoy detskoy literatury [A Fairy Tale and a True Story. The History of Russian Children's Literature]*. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2016. 555 p. (In Russ.)
22. Schultz O. fon. *Svetlyy, zhizneradostnyy Dostoevskiy [Bright, Cheerful Dostoevsky]*. Petrosavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1999. 366 p. (In Russ.)
23. Yantareva R. A. *Detskie tipy v proizvedeniyakh Dostoevskogo. Psikhologicheskie etyudy [Children's Types in the Works of Dostoevsky. Psychological Etudes]*. St. Petersburg, tipografiya G. A. Bernshteyna Publ., 1895. 96 p. (In Russ.)
24. Andrianova I. Aspiration for Independence. Anna Dostoevskaya's Publishing Commerce. In: *Canadian-American Slavic Studies*, 2016, 50 (3), pp. 299–312. (In English)
25. Escarpit R. *Sociology of Literature*. London, Frank Cass. & Co. LTD Publ., 1971. 104 p. (In English)
26. Genette G. *Paratexts: Thresholds of Interpretation*. Cambridge, New York, Cambridge University Press Publ., 1997. 427 p. (In English)
27. Klier J. *Russians, Jews, and the Pogroms of 1881–1882*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2011, 492 p. (In English)

DOI: 10.15393/j10.art.2019.4202

УДК 821.161.1+930.25+651.931

О. А. Сосновская*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

sosna2679@yandex.ru

И. С. Андрианова*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

yarysheva@yandex.ru

Неизвестные стенографические записи в дневнике А. Г. Достоевской, или Что не расшифровала Ц. М. Пошеманская*

Аннотация. Стенографический дневник жены Ф. М. Достоевского остается и на сегодняшний день одной из сложнейших текстологических проблем. Этот документ ценен для исследователей, так как является основным и наиболее достоверным из немногих сохранившихся свидетельств о жизни и творчестве писателя в 1866–1867 гг. В данной статье представлены выявленные с помощью архивных разысканий неизвестные факты из истории расшифровки и публикации дневника, а также биографические данные ленинградской стенографистки Ц. М. Пошеманской. Она была единственным специалистом, сумевшим раскрыть содержание этого текста, написанного «мертвым языком». В статье охарактеризованы принципы стенографического письма А. Г. Достоевской, из-за которых прочтение скорописи дневника вызывает особые трудности, отмечены основные результаты критического анализа расшифровки Пошеманской, легшей в основу изданий дневника Достоевской 1973 и 1993 гг. Этот анализ был построен на сравнении разобранного Пошеманской текста со словарем сокращений Достоевской, составленным авторами статьи. Он позволил охарактеризовать работу ленинградской стенографистки как добросовестную, а оставшиеся неразобранными отдельные записи дневника и редкие ошибки прочтения объяснить высоким уровнем сложности работы, которую она выполняла в одиночку. Приведенные в статье примеры записей дневника, не расшифрованных Пошеманской, пропущенных или прочитанных ошибочно, не меняют его общего содержания, но дополняют картину бытовой жизни супругов Достоевских и их взаимоотношений в 1867 г. Авторы статьи приходят к выводу о необходимости переиздания дневника жены писателя с дополнениями и корректировкой текста и комментариев.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская, стенография, дешифровка, дешифрант, дневник 1867 года, история публикации, архив, Ц. М. Пошеманская

Об авторах: *Сосновская Оксана Александровна* — специалист Web-лаборатории Института филологии, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); *Андрианова Ирина Святославовна* — кандидат филологических наук, заведующая Web-лабораторией Института филологии, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910)

Дата поступления: 15.07.2019

Для публикации: 14.09.2019

Для цитирования: Сосновская О. А., Андрианова И. С. Неизвестные стенографические записи в дневнике А. Г. Достоевской, или Что не расшифровала Ц. М. Пошеманская // Неизвестный Достоевский. — 2019. — № 3. — С. 140–156. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4202

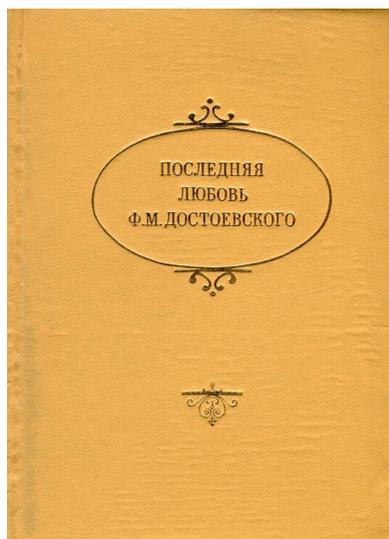
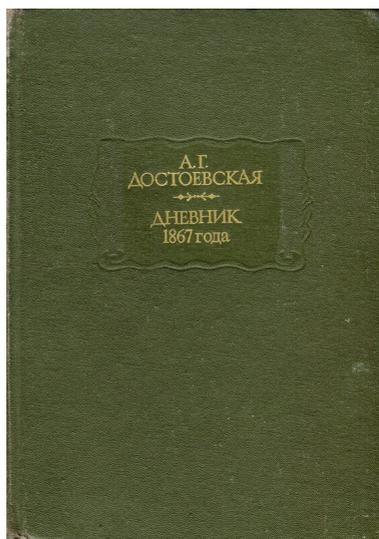
© О. А. Сосновская, И. С. Андрианова, 2019

По словам С. В. Белова и В. А. Туниманова, подготовивших к печати второе издание воспоминаний жены Достоевского¹, ни один факт из жизни писателя, приведенный Анной Григорьевной в ее мемуарах, «не является ни сенсацией, ни чем-то уж совсем принципиально новым, что бы не было известно из писем или других воспоминаний современников, друзей, близких». При этом исследователи отметили уникальную особенность воспоминаний Анны Григорьевны: в них она «открыла дверь в Дом Достоевского и ввела туда читателя, показав ему того, другого, ей одной известного человека» [Белов, Туниманов: 23].

Подобное можно сказать и в отношении семейно-бытового дневника, который жена писателя вела стенографически в 1867 г., во время пребывания супругов за границей. В этом мемуарном тексте неразделимы культурный и домашний быт, дневник наполнен многочисленными деталями — от хозяйственных мелочей до супружеских ссор и примирений, и каждая расшифрованная запись дневника Анны Григорьевны ценна тем, что она изображает Достоевского-человека, со всеми его достоинствами и недостатками. В этой предельной искренности, не предназначенной для читателей, и состоит уникальность личного стенографического дневника, его исключительная достоверность.

Воспоминания А. Г. Достоевской переиздавались неоднократно и получили обстоятельные научные комментарии². Что касается дневника жены писателя, то назрела необходимость его переиздания с дополнениями и корректировкой текста и комментариев³. Ряд наблюдений, предлагаемых в данной статье, сделан с помощью словаря личных стенографических сокращений А. Г. Достоевской, составленного нами в 2017–2019 гг. Он был подготовлен в результате сравнения первой книжки стенографического дневника А. Г. Достоевской и сделанной ею расшифровки, так называемого «дешифранта». Прочтение стенограмм жены писателя и критическая оценка разобранного Ц. М. Пошеманской текста стали возможны с его помощью.

В период с 1894 по 1912 г. вдова Достоевского расшифровала первую и вторую (утраченную позже в стенографическом виде) книжки стенографического дневника. Третью из сохранившихся книжек расшифровала ленинградская стенографистка Ц. М. Пошеманская. Последний раз дневник А. Г. Достоевской издавался в 1993 г.: тогда в печати появились два издания: под редакцией С. В. Житомирской [Достоевская, 1993] и под редакцией С. В. Белова [Последняя любовь...] (см. *Илл. 1 и 2*), — которые включали тексты трех стенографических книжек. Отличия этих изданий состоят в принципах публикации стенографических книжек⁴, особенностях редакторской подготовки текста и составе комментариев.

Илл. 1 и 2. Издания дневника А. Г. Достоевской, вышедшие в 1993 г.

Может показаться удивительным, что полные издания дневника вышли в свет только через 126 лет со времени его написания и спустя 75 лет после смерти А. Г. Достоевской. Текст дневника проделал такой долгий путь к читателям и исследователям из-за сложности его расшифровки и редакционной подготовки, конфликтных взаимоотношений людей, связанных с его изданием, а также по причине недооценки личности супруги писателя и историко-литературного значения этого текста⁵. Тем не менее общее содержание дневника жены писателя было известно до выхода изданий 1993 г. В 1923 г. Н. Ф. Бельчиков опубликовал текст расшифровки первой и второй записных книжек по рукописям А. Г. Достоевской⁶. А в 1973 г. впервые была введена в научный оборот расшифровка Ц. М. Пошеманской третьей стенографической книжки дневника: она опубликована во втором разделе 86-го тома серийного издания «Литературное наследство» — «Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования» (см. [Расшифрованный дневник А. Г. Достоевской...]).

Текст обоих изданий 1993 г. представляет собой расшифровку, начатую вдовой Достоевского и завершённую в XX в. профессиональной стенографисткой Цецилией Мионовной Пошеманской (1904–1994).

Почему так сложилось, что только одна-единственная стенографистка, без помощи и контроля со стороны коллег, раскрыла содержание дневника А. Г. Достоевской и его читатели вынуждены доверять ее профессионализму, памяти, кругозору, добросовестности, внимательности?

Газеты советского времени писали об этом подвиге Ц. М. Пошеманской, создавая образ «скромной и такой обыкновенной советской женщины,

ленинградской коммунистки»⁷. Однако, как показали недавние архивные разыскания Н. В. Шварц и А. Д. Достоевского⁸, дополнившие наши сведения о Ц. М. Пошеманской [Андрианова, 2018], она не была «обыкновенной советской женщиной» и рядовой стенографисткой. В 1930-е гг. она была допущена к секретной шифровальной работе (будучи при этом беспартийной) под подписку о неразглашении государственных тайн. Прошла санинструктором и стенографисткой-машинисткой советско-финскую и Великую Отечественную войны. До подвига по расшифровке дневника жены Достоевского старший сержант 86-го санитарного отряда 23-й армии Ленинградского фронта совершала подвиги на войне и была награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», орденом Отечественной войны II степени. Приведем полностью ее фронтовую характеристику, так как она дает представление о профессиональных качествах специалиста, взявшегося за расшифровку стенограмм А. Г. Достоевской:

«Ст. сержант м<едицинской> с<лужбы> Пошеманская Ц. М. состоит на службе в 23 Армии с первых дней Отечественной войны, — вначале в качестве вольнонаемной, а с мая 1942 г. — на военной службе. Образцово выполняющая всякую порученную ей работу, она показала себя беззаветно преданной Родине, дисциплинированной, исполнительницей военнотрудовой: не требуя отдыха, она всегда готова вести и образцово выполнять любую порученную ей работу. Являя собой образец трудовой дисциплины, самоотверженности и высокого сознания долга, т. Пошеманская служит примером для других. Помимо своей основной специальности, обладая знаниями стенографии, она систематически привлекалась к записи радиосообщений; благодаря ее труду эшелон армии всегда был в курсе самых последних политических событий. Ее образцовая четкость в работе имеет существенное значение в обеспечении высокого уровня культуры штабной работы»⁹.

Зашифрованный дневник жены Достоевского оказался одной из сложнейших текстологических загадок. До 1933 г., когда в СССР была введена единая государственная система стенографии (ГЕСС), существовало более 120 стенографических систем, конкурирующих друг с другом¹⁰. Система скорописи Габельсбергера-Ольхина, которой владела А. Г. Достоевская, перестала использоваться стенографами в конце XIX в.; такая участь: «созданы и забыты» — была суждена большинству систем записей (см. [Юрковский: 12]). Следовательно, она не была знакома специалистам XX в., которые вполне обоснованно отказались от расшифровки стенограмм жены писателя. Согласно утверждению А. М. Юрковского, опытного стенографа и историка стенографии, специалист по скорописи не может прочитать «то, что записано по другой, не его системе» [Юрковский: 50]. О том, что «один стенографист расшифровать стенограмму другого не может», писала опытная стенографистка Л. К. Чуковская [Чуковский, Чуковская: 37].

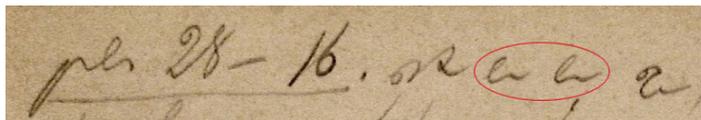
От расшифровки дневника А. Г. Достоевской отказались другие специалисты, вначале и Пошеманская называла это дело «непосильным и, главное, безрезультатным»¹¹.

Обозначим основные особенности системы скорописи по Габельсбергеру, основам которой обучилась будущая помощница и жена писателя в 1866 г. на курсах П. М. Ольхина. В ней применялись три основных правила соединения простейших знаков: словоначертание (или буквосочетание), словосокращение и словоусечение. Из частных правил, которым всегда следовала «стенографка» Достоевского, назовем следующие: 1) особенными знаками обозначались приставки и окончания слов; 2) корень слова сокращался (или сильно усекался) таким образом, чтобы оставшаяся выписанная часть оставалась смысловозначимой; 3) числительные (от 1 до 9) записывались обычным письмом; 4) предлоги и частицы (*не* и *ни*) соединялись со следующим за ними словом; 5) союз *и* присоединялся к предшествующему ему слову¹². Эту систему Анна Григорьевна приспособила под себя, введя собственные логические сокращения-«самословы»¹⁾, изобретя «систему в системе», тем самым значительно усложнив задачу дешифровки ее стенограмм.

Сложность прочтения «самословов» А. Г. Достоевской состоит в том, что с ростом профессионализма стенографистки, увеличением скорости записывания она делала более значительные сокращения. Таким образом многие знаки видоизменялись, утрачивали свойство отличаться друг от друга, появлялись омографы (разные по значению, но идентичные по начертанию слова), и, следовательно, возникала возможность нескольких вариантов их прочтения. В таких случаях одним из решающих факторов для правильной расшифровки становится контекстуальное положение стенографического знака. Это сформулировано в статье профессионального стенографа Е. А. Гожей следующим образом: «Контекст — вот та среда, которая помогает нам выбрать одну из возможных альтернатив. Благодаря контексту читающий прогнозирует, предопределяет то, что он должен увидеть. И поэтому помехи при чтении, являясь следствием деформации отдельных ожидаемых стенографических образов, устраняются за счет четкости других слов» [Гожая: 46]. Иначе говоря, стенография — это контекстуальное чтение.

Так, запись А. Г. Достоевской от 28 (16) октября 1867 г., находящаяся на 176-й странице третьей стенографической книжки, открывается словами: «Сегодня день довольно скверный». При этом знаки, обозначающие слова «день» и «довольно», стоящие друг за другом, написаны практически одинаково и правильность их прочтения определяется прежде всего контекстом (см. *Илл. 3*).

¹⁾ Самослов — неологизм, введенный П. М. Ольхиным, под которым подразумевается знак, полностью заменяющий определенное слово или выражение и использующийся для записи слов и оборотов, общеупотребимых и часто встречающихся в речи.

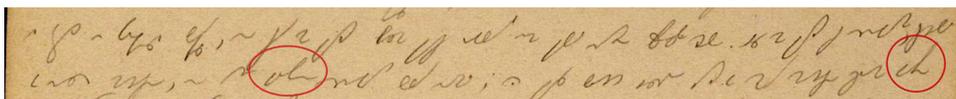

Илл. 3. Фрагмент с. 176 (1-я строка сверху)

Причиной усечения знака для помощницы Достоевского могла стать повторяемость слова, им обозначенного, в пределах одной записи. Например, в записи от 27 (15) сентября 1867 г. Анна Григорьевна дважды употребила слово «величина»:

«Отсюда мы пошли за конвертами, <...> но такой *величины* конвертов достать не могли; наконец, <...> нашли в каком-то магазине желаемой *величины* конверты» (270)²⁾.

Нетрудно заметить (см. Илл. 4), что в первом случае это слово пишется более пространно: в его написании присутствует дифференциальный признак знака, обозначающего согласную букву л, который отсутствует во втором случае.

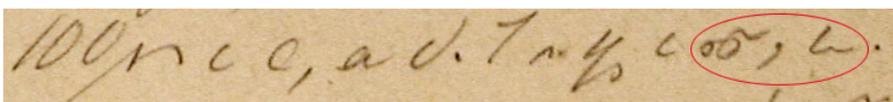

Илл. 4. Фрагмент с. 61 (5-я строка сверху)

Слова на иностранных языках (немецком и французском) и имена собственные А. Г. Достоевская часто записывала без применения стенографического письма. Однако немало и таких случаев, когда они застенографированы, — и тогда их расшифровка способна вызвать серьезные затруднения даже у самого автора записей. Для лучшего распознавания имен собственных в тексте Достоевская их подчеркивала (это было рекомендовано и в пособии П. М. Ольхина [Ольхин: 21]). Подобный принцип нередко применялся в первой тетради стенографического дневника (см.: [Андрианова, Сосновская, 2018: 54]). Безусловно, для успешного прочтения тех или иных имен, фамилий, географических названий и других имен собственных необходима немалая широта кругозора, о чем говорила Ц. М. Пошеманская в 1970 г. в интервью петербургской журналистке Н. Гречук, называя стенографистов «эрудитами поневоле»: «Чтобы грамотно расшифровать стенограмму, приходится обращаться к справочникам, словарям, энциклопедиям, специальной литературе... А сколько я должна была перечитать, работая над расшифровкой записей Достоевской <...>!»¹³⁾.

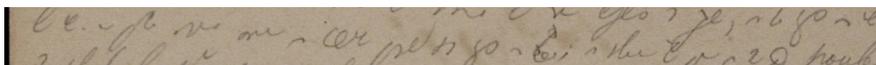
²⁾ Здесь и далее в цитатах курсив наш. — О. С., И. А.

Ниже (Илл. 5) приведено стенографическое написание названия города Саксон ле Бен, куда Федор Михайлович отправлялся для игры в рулетку из Женевы: «...Федя сказал, откладывая 100 франков в стол: “А вот на эти я отправлюсь в Саксон ле Бен”» [Достоевская, 1993: 257]. Изначально Ц. М. Пошеманская расшифровала это имя собственное как «Саксон или Вена», что отражено в ее рабочих машинописных материалах¹⁴. Это связано с тем, что «ле» и «или» записываются похожими знаками, а часть имени собственно «Бен» и название города «Вена» также в скорописи подобны друг другу: согласные «б» и «в» различаются в стенографическом письме лишь наклоном и чуть большей округлостью в случае с согласной «в», что на письме не всегда четко различимо.

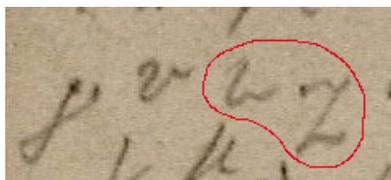
Илл. 5. Фрагмент с. 39 (3-я строка снизу)

В записях, относящихся к 20 (8) ноября 1867 г., встречаются французские однокоренные слова «roulet» (цыпленок) и «roule» (курица): «...я ем постоянно roulet и уж наши хозяйки придумали, что <...> я вдруг сама обращусь в roule» [Достоевская, 1993: 380]. В первом случае А. Г. Достоевская записала французское слово прописью, во втором — стенографически, чему способствовало близкое расположение знаков в тексте относительно друг друга (см. Илл. 6). Написание однокоренного слова стенографическим знаком обусловило появление в рабочих материалах Пошеманской его русской огласовки — «пуль» (см.: ОР РГБ, ф. 93.III.05.015г, с. 313: «...я вдруг сама обращусь в пуль»).

Илл. 6. Фрагмент с. 243 (6–7-я строки сверху)

Аналогичный случай фиксирования иностранных слов с применением стенографического письма встречается в записи от 21 (9) декабря 1867 г.:

Илл. 7. Фрагмент с. 250
(7-я строка снизу)

«Ходила к бабке <...>, она <...> называла меня “мон анфан”». Французское выражение «mon enfant» передано Анной Григорьевной стенографически (см. Илл. 7).

Примеров, свидетельствующих о том, что расшифровка дневника А. Г. Достоевской отличается повышенной сложностью, можно привести много. Однако Ц. М. Пошеманская нашла трудоемкую,

Ошибки, сделанные Пошеманской в публикации «Литературного наследства» (ЛН), объяснимы сложностью и запутанностью стенографической системы Габельсбергера-Ольхина. Для наглядности поясним две из них, исправленные самой ленинградской стенографисткой в изданиях 1993 г.

1

ЛН	Дневник 1993 (под ред. С. В. Житомирской)
«Мне почему-то вздумалось спросить его, я подбежала и <i>приняла</i> папироску»	«Мне почему-то вздумалось спросить его, я подбежала и <i>отняла</i> папироску»

Приставки *при-* и *от-* стенографически пишутся схожим образом (первая имеет чуть более сильный наклон влево, не всегда четко различимый на письме), и правильный выбор одной из них в первую очередь подсказывает контекст.

2

ЛН	Дневник 1993 (под ред. С. В. Житомирской)
«Дорогой мы разговаривали с Федей о возможности или невозможности ехать ему туда, и когда я, не желая его обидеть, сказала, что это возможно, то он ужасно как <i>обиделся</i> и начал <i>шуметь</i> , но как-то уж слишком развязно...»	«Дорогой мы разговаривали с Федей о возможности или невозможности ехать ему туда, и когда я, не желая его обидеть, сказала, что это возможно, то он ужасно как <i>обрадовался</i> и начал <i>шутить</i> , но как-то уж слишком развязно...»

В этой записи от 20 (8) сентября 1867 г., расположенной на 45-й странице третьей стенографической книжки, речь идет о поездке на рулетку. Стенографические знаки, обозначающие слова *обиделся* / *обрадовался*, *шуметь* / *шутить*, похожи. Контекст (знание о тогдашней предрасположенности Достоевского к игре на рулетке и об отношении его молодой жены, которая терпеливо давала ему возможность изжить эту страсть) определяет выбор правильных вариантов прочтения.

В изданиях 1993 г. было устранено большинство ошибок и недочетов, найденных Ц. М. Пошеманской в «Литературном наследстве». Несколько строк, расшифрованных ленинградской стенографисткой, не были внесены по этическим соображениям: описание физиологических следствий сильного припадка в изданиях было скрыто знаком сокращения <...>: «Потом он как будто бы пришел в себя <...>. Он все говорил, что боится так страшно умереть» [Достоевская, 1993: 265]. Не будем приводить их и мы¹⁸.

Прочитать чужую стенограмму так же трудно и детально невозможно, как понять ломаную речь иностранца, плохо владеющего неродным языком.

Очевидно, что не все стенографические записи А. Г. Достоевской спустя более чем 150 лет со времени их создания поддаются полной расшифровке. Неудивительно, что в изданиях дневника 1993 г. редко, но встречаются ошибки расшифровки (в основном это пропуски служебных слов, не искажающие общего смысла предложения), остаются слова, словосочетания и предложения, которые так и не удалось расшифровать Пошеманской (в ряде случаев она разместила предположительные варианты в постраничных комментариях). Некоторые из них нуждаются в дальнейшем рассмотрении, остальные удалось уточнить нам при сопоставлении стенографического дневника жены Достоевского и дешифранта Ц. М. Пошеманской. Наиболее значительные из них представлены далее.

1

В записи от 22 октября (3 ноября) 1867 г. А. Г. Достоевская вспоминает о разговоре, произошедшем на именинах ее родственницы Лизы Сниткиной в 1865 г.:

«Саша (двоюродный брат Анны Григорьевны А. Н. Сниткин. — О. С., И. А.) приглашал меня перейти в другую комнату <...>. Разговор зашел о смерти *песковской* тетки. Я отвечала, что, вероятно, это неправда, что очень может быть, что умерла там какая-то другая [женщина?]. Потом я разговорилась с [Сенько] о *Песковой*...» [Достоевская, 1993: 350].

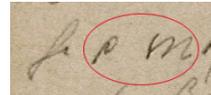
Не обладая достоверными сведениями о родственниках со стороны Анны Григорьевны (тем более не самых близких), Пошеманская не могла установить личность упоминаемой «песковской» родственницы Достоевской. Однако архивные разыскания Т. В. Панюковой (см.: [Панюкова, 2019b]) и проделанное нами дальнейшее исследование стенограмм уточняют эту запись. Из обнаруженного Т. В. Панюковой в ЦГИА СПб в фонде Санкт-Петербургского университета личного дела студента Александра Николаевича Сниткина (Саши) выясняется, что 1 ноября 1865 г. он писал прошение об отпуске на имя ректора университета: «Имѣя крайнюю необходимость явиться во Псковъ для нѣкоторыхъ свѣдѣній объ умершей моей теткѣ, покорнѣйше прошу Васъ выдать мнѣ билетъ для свободнаго туда проѣзда» (цит. по: [Панюкова, 2019b]). Таким образом, в приведенной записи Анны Григорьевны правильным является вариант «псковской». Кроме того, с большой долей вероятности можно утверждать, что в дальнейшем разговоре речь идет «о Пскове», а не «о Песковой».

2

Обратимся к записи дневника от 6 сентября (25 августа) 1867 г., в которой описывается разговор Анны Григорьевны с мужем о немцах и отношении супругов к ним:

«На дороге нам пришлось поссориться, да ведь из-за каких-то глупостей. Я сказала Феде, что одна немка, думая мне польстить, сказала, что я похожа на немку; я, разумеется, отвечала, что я русская, но ничего не прибавила. Тогда Федя начал говорить, зачем я не сказала, что я на немку походить не желаю; мне вовсе ее не хотелось оскорбить, пусть себе она ценит немецкое, так зачем же навязывать свои [мнения?] и уверять, что немецкое все дрянь, да мне, по правде, решительно все равно. Вот на это-то Федя и напустился вдруг, назвал меня деревом, что для меня разницы не существует, а что я дерево. Я, разумеется, не желала с ним ссориться, ничего ему не отвечала, и так мы гуляли, не говоря ни слова. Но потом уж дома помирились» [Достоевская, 1993: 239].

Во фразе «так зачем же навязывать свои [мнения?]» из данного отрывка не прочитанными Пошеманской остались два стенографических знака, которые нам удалось разобрать: вместо вставленного по контексту в квадратных скобках слова «мнения» фразу следует читать следующим образом: «так зачем же навязывать себе лишних врагов». Слово «лишних» прочитывается, так как соответствующий ему стенографический знак состоит из дифференциальных признаков букв «л», «ш» и «х»; правильность расшифровки слова «врагов» подтверждается аналогичным его написанием на 150-й странице (6-я строка сверху) третьей книжки стенографического дневника, где встречается словосочетание «своим врагом», отличающегося только падежной формой (см. Илл. 10, 11).

Илл. 10 и 11. Фрагменты стр. 6 и 150

Прочитанные слова не меняют смысла данного эпизода, но уточняют некоторые особенности характеров Анны Григорьевны, считавшей «худой мир», вероятно, гораздо лучше «доброй ссоры», и Достоевского, видевшего Германию меркантильной, мелочной, утратившей веру в Бога.

3

В расшифрованной Пошеманской записи от 24 (12) сентября 1867 г. отсутствует одно предложение (вставленное и выделенное нами курсивом), имеющееся в стенографических дневниковых записях (третья стенографическая тетрадь, стр. 54, 3-я строка снизу):

«Вечером сегодня опять раздался звон колокола в церквах <...>. Оказалось, что где-то случился опять пожар. Право, здесь в очень короткое время случилось два пожара, а, может быть, и больше. <...> ...ужасно грустная погода,

как-то даже тяжело действует на душу. Я для своего успокоения раньше легла спать. Я уж как-то сказала, что я здесь очень рано ложусь спать, так что это даже сердит Федю. Вправду, это очень досадно, я думаю, видеть, как человек заваливается спать с 9 часов вечера».

Это пропущенное в изданиях 1993 г. предложение добавляет тонкий штрих к характеристике поведения жены писателя, которая, будучи в то время беременной, вероятно, всячески старалась избегать лишних волнений.

4

В публикации 1993 г. утрачено слово «единственный» во фразе: «Он <Достоевский> как-то мне говорил, <...> что он ценит, что я его друг» [Достоевская, 1993: 276]. Обращение к стенографическим записям (стр. 73, 4-я строка сверху) подтверждает наличие символа, соответствующего слову «единственный»¹⁹. Таким образом, данное предложение должно читаться так: «Он <Достоевский> как-то мне говорил, <...> что он ценит, что я его единственный друг». Это уточнение важно для понимания глубины и близости отношений между супругами. Данные слова созвучны признанию Достоевского в адрес его жены: «Ты единственная из женщин, которая поняла меня» [Достоевская, 2015: 693]. Как вспоминала Анна Григорьевна, «добрый муж не только любил и уважал меня, как многие мужья любят и уважают своих жен, но почти преклонялся предо мною, как будто я была каким-то особенным существом, именно для него созданным...» [Достоевская, 2015: 44].

Работа опытной ленинградской стенографистки несомненно может быть охарактеризована как ответственная, внимательная, добросовестная и в основном безошибочная. Встречающиеся в изданиях 1993 г. ошибки в расшифровке, ряд нерасшифрованных слов, немногочисленные технические пропуски слов и строк объясняются не столько человеческим фактором, сколько многоуровневой технологией подготовки текста к публикации: ленинградская стенографистка выполняла одна трудную и кропотливую работу, глаз мог «замыливаться», а возможность ее контроля и проверки другим человеком (такую функцию обычно несут редакторы и корректоры) здесь отсутствовала. Она то переписывала текст от руки, то печатала его на машинке, теряя слова и строки и снова их разыскивая, — в этих этапах работы объяснима потеря некоторых слов при расшифровке: «Чтобы не потерять найденное нужное слово в рукописи, иногда приходится держать на нем палец и искать это место в книге, а чтобы печатать на машинке, палец надо отрывать»²⁰, «...мой метод печатания сразу на машинке оказался, в конце концов, неудобным и тоже длительным: я теряю слова в тесных строчках, когда отрываю от них глаза для печатания на машинке, и долго ищу потом. Если руки заняты, то пальцем держать нужное место не могу. И я вернулась к переписке сначала от руки, это спокойнее; хотя тоже надо

смотреть в рукопись, книгу и тетрадь, но все же я могу удобнее их расположить на столе и держать пальцем левой руки нужное место в рукописи»²¹.

Современные цифровые технологии позволяют преодолевать многие сложности, с которыми столкнулась Ц. М. Пошеманская, помогают в устранении имеющихся в изданиях дневника жены Достоевского недочетов. Однако и сегодня они не могут заменить человеческий труд в расшифровке стенограмм.

Проверка дешифровки стенографического дневника А. Г. Достоевской убеждает в необходимости его переиздания — с дополнениями, корректировкой текста и комментариями. Как показывает опыт, для успешной расшифровки стенограмм необходимо не только активно использовать словарь сокращений, но и постоянно расширять объем контекстного чтения за счет архивных и справочных источников.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 17–34–01075 а2 «Стенографические записи А. Г. Достоевской: Новые материалы и исследования».

** Авторы выражают глубокую признательность за помощь в архивных поисках данных о Ц. М. Пошеманской Н. В. Шварц и А. Д. Достоевскому.

¹ Достоевская А. Г. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова, В. А. Туниманова. М., 1971; 2-е изд. М., 1981; 3-е изд. М., 1987. Фрагменты воспоминаний А. Г. Достоевской стали появляться в печати с 1922 г. (в журналах «Печать и революция», «Искусство»). В 1925 г. воспоминания А. Г. Достоевской вышли в отдельном издании под редакцией ее первого биографа Л. П. Гроссмана.

² См. полное и последнее по времени издание: [Достоевская, 2015].

³ О необходимости уточнения и обновления комментариев к дневнику см., напр.: [Панюкова. Сниткины, породнившиеся...: 140–141].

⁴ В составе издания С. В. Житомирской первая и третья книжки в расшифровке Ц. М. Пошеманской, вторая — в расшифровке А. Г. Достоевской. С. В. Белов включил в издание две книжки, расшифрованные женой Достоевского, и третью книжку в расшифровке Ц. М. Пошеманской.

⁵ По субъективной оценке С. В. Житомирской, многолетняя задержка публикации полной версии дневника была вызвана политическими причинами, антисемитизмом власти, атмосферой доносов и интриг, царившей в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ), которым она руководила в период с 1952 по 1978 г. [Житомирская].

⁶ РГАЛИ. Ф. 212.1.148, 212.1.149.

⁷ Аренин Эл. Подвиг стенографистки // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1959. № 130 (13057). 3 июня. С. 4.

⁸ Разыскания проводились в ЦГАЛИ СПб, Санкт-Петербургском филиале архива РАН и ЦАМО.

⁹ ЦАМО. Цит. по: Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.ru/?id=40194902&tab=navDetailManAward>

- ¹⁰ Назовем лишь некоторые имена создателей личных стенографических систем или адаптаций зарубежных систем скорописи для русского языка: Ю.-В. Цейбих, Г. Гиндерлин, И. И. Паульсон, Н. Коренев, П. М. Ольхин, Н. Е. Торнау, Ф. Сакс, А. Шевляков, М. И. Иванов, А. А. Брайковский, И. А. Устинов, Ф. Темников, С. М. Длусский, П. М. Плахов, М. А. Терне и др. Все они в 1860–1870-е гг. выпустили учебники, самоучители, хрестоматии, руководства по русской стенографии.
- ¹¹ «Для меня — самая интересная!» (Воскресный гость «Смены» — стенографистка Цецилия Мироновна Пошеманская) [беседу вела Н. Гречук] // Смена. 1970. № 302 (27 декабря). С. 2.
- ¹² Мы упоминаем лишь те правила скорописи по системе Ольхина-Габельсбергера, которые касаются основных смыслообразительных признаков стенографических знаков. Кроме них, важное значение имеют и положение знака на строке (настрочные, вне-строчные знаки), и его наклон, и толщина выписанной линии, и др. См. об этом, напр.: [Ершов: 61–85], [Ольхин].
- ¹³ «Для меня — самая интересная!». С. 2.
- ¹⁴ См.: ОР РГБ. Ф. 93. III. 05. 015в. С. 48.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Пошеманская Ц. М. Письмо к Житомирской С. В. От 9 октября <1974> г. // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281. Л. 4.
- ¹⁷ Там же. Л. 5–12.
- ¹⁸ О том, что они были расшифрованы Ц. М. Пошеманской, свидетельствуют материалы В. Н. Захарова.
- ¹⁹ Отметим, что в машинописи Пошеманской расшифровка этого слова представлена. Возможно, его отсутствие в печатном издании обусловлено фактором редактора или корректора.
- ²⁰ Пошеманская Ц. М. Письмо к Житомирской С. В. От 10 июля <1970-е гг.> // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281. Л. 18.
- ²¹ Пошеманская Ц. М. Письмо к Житомирской С. В. От 25 августа <1976> // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281. Л. 22.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианова И. С. «Я связана с ней против ее желания». О расшифровке Ц. М. Пошеманской стенографического дневника А. Г. Достоевской // Неизвестный Достоевский. — 2018. — № 2. — С. 70–89 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532688551.pdf (20.04.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3601
2. Андрианова И. С., Сосновская О. А. Стенографическая система Анны Достоевской: проблема дешифровки // Неизвестный Достоевский. — 2018. — № 1. — С. 43–67 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1526546792.pdf (20.04.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3521
3. Белов С. В., Туниманов В. А. А. Г. Достоевская и ее воспоминания // Достоевская А. Г. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. — М.: Правда, 1987. — С. 5–38.
4. Гожая Е. А. Процесс чтения стенограммы и его психологические особенности // Некоторые вопросы теории и методики стенографии. — М., 1975. — С. 41–50.
5. Достоевская А. Г. Дневник 1867 года / изд. подгот. С. В. Житомирская. — М.: Наука, 1993. — 454 с. (серия «Литературные памятники»).

6. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., коммент. И. С. Андриановой, Б. Н. Тихомирова. — М.: Бослен, 2015. — 768 с.
7. Ершов Н. А. Обзор русских стенографических систем. — СПб.: ред. журн. «Пед. музей», 1880. — [2], II, 144, [2], 14 с.
8. Житомирская С. В. Просто жизнь. — М.: РОССПЭН, 2008. — 599 с.
9. Ольхин П. М. Руководство к русской стенографии по началам Габельсбергера. — СПб.: Тип. М. О. Вольфа, 1869. — 144 с.
10. Панюкова Т. В. Сниткины, породнившиеся с Достоевским // Неизвестный Достоевский. — 2019. — № 1. — С. 136–163 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1555422300.pdf (20.04.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3901 (a)
11. Панюкова Т. В. Архивы Санкт-Петербурга как источник неизвестных биографических сведений об окружении Ф. М. Достоевского // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. — Новокузнецк, 2019. (в печати) (b)
12. Последняя любовь Ф. М. Достоевского: А. Г. Достоевская. Дневник 1867 года / под ред. С. В. Белова. — СПб.: Андреев и сыновья, 1993. — 461 с.
13. Расшифрованный дневник А. Г. Достоевской // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1973. — С. 155–290 (сер. Литературное наследство; т. 86).
14. Чуковский К., Чуковская Л. Переписка: 1912–1969 / вступ. ст. С. А. Лурье, коммент. и подгот. текста Е. Ц. Чуковской, Ж. О. Хавкиной. — М.: Новое литературное обозрение, 2003. — 592 с.
15. Юрковский А. Сто слов в минуту. — М.; Л.: Детгиз, 1950. — 40 с.

Oksana A. Sosnovskaya

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

sosna2679@yandex.ru

Irina S. Andrianova

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

yarysheva@yandex.ru

The Unknown Shorthand Notes in the Diary of Anna Dostoevskaya, or What Didn't Ceciliya Poshemanskaya Manage to Decipher

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 17–34–01075–OGN a2.

Abstract. The shorthand diary of Dostoevsky's wife remains today one of the most difficult textual problems. This document is valuable for researchers, as it is the primary and most reliable of some extent evidences of life and work of the writer in 1866–1867. This article presents the unknown facts from the history of deciphering and publishing of the diary found out thanks to the archival researches as well as the biographical data of the Leningrad stenographer Ceciliya Poshemanskaya. She was the only specialist who managed to reveal the content of this text, written in a “dead language”. The article describes the principles of Anna Dostoevskaya's stenography that make the decipherment of the diary particularly difficult, specifies the main results of a critical analysis of the transcripts by Ceciliya Poshemanskaya that formed the basis

of the editions of the diary of Anna Dostoevskaya in 1973 and 1993. This analysis was based on the comparison of the decrypted text by Ceciliya Poshemanskaya and the list of acronyms by Anna Dostoevskaya compiled by the authors of the article. It allowed characterizing the work of the Leningrad stenographer as scrupulous and explaining the reason of leaving some notes in the diary undeciphered and rare mistakes in their interpretation by a high complexity of the work that she performed on her own. The examples of the diary notes not decrypted, omitted or interpreted incorrectly by Poshemanskaya, presented in the article, do not change its general content, but supplement the picture of everyday life of the Dostoevskys and their relationship in 1867. The authors of the article come to the conclusion that it is necessary to republish the diary of the writer's wife with additions and corrections of the text and comments.

Keywords: Fedor Dostoevsky, Anna Dostoevskaya, Ceciliya Poshemanskaya, shorthand, decryption, shorthand diary of 1867, history of the text

About the authors: *Sosnovskaya Oksana A.* — Master of Arts of the Web-laboratory of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); *Andrianova Irina S.* — PhD in Philology, Head of Web-laboratory of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Received: July 15, 2019

Date of publication: September 14, 2019

For citation: Sosnovskaya O. A., Andrianova I. S. The Unknown Shorthand Notes in the Diary of Anna Dostoevskaya, or What Didn't Ceciliya Poshemanskaya Manage to Decipher. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 3, pp. 140–156. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4202 (In Russ.)

REFERENCES

1. Andrianova I. S. "I am Devoted to Her Against Her Will": On the Decipherment of the Stenographic Diary of Anna Dostoevskaya by Ceciliya Poshemanskaya. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 2, pp. 70–89. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532688551.pdf (accessed on April 20, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3601 (In Russ.)
2. Andrianova I. S., Sosnovskaya O. A. The Stenographic System of Anna Dostoevskaya: the Problem of Decryption. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 1, pp. 43–67. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1526546792.pdf (accessed on April 20, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3521 (In Russ.)
3. Belov S. V., Tunimanov V. A. A. G. Dostoevskaya and Her Memories. In: *Dostoevskaya A. G. Vospominaniya [Dostoevskaya A. G. Memories]*. Moscow, Pravda Publ., 1987, pp. 5–38. (In Russ.)
4. Gozhaya E. A. The Process of Reading the Transcript and Its Psychological Features. In: *Nekotorye voprosy teorii i metodiki stenografii [Some Questions of Theory and Methods of Shorthand]*. Moscow, 1975, pp. 41–50. (In Russ.)
5. Dostoevskaya A. G. *Dnevnik 1867 goda [Diary for the Year 1867]*. Moscow, Nauka Publ., 1993. 454 p. (Ser. "Literary Monuments"). (In Russ.)
6. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917 [Memoirs. 1846–1917]*. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
7. Ershov N. A. *Obzor russkikh stenograficheskikh system [A Review of Russian Shorthand Systems]*. St. Petersburg, Redaktsiya zhurnala "Pedagogicheskiy muzey" Publ., 1880. 144 p. (In Russ.)
8. Zhitomirskaya S. V. *Prosto zhizn' [Simply Life]*. Moscow, Russian Political Encyclopedia Publ., 2008. 599 p. (In Russ.)

9. Ol'khin P. M. *Rukovodstvo k russkoy stenografii po nachalam Gabel'sbergera* [A Guide to the Russian Shorthand Based on the Gabelsberger Shorthand's System]. St. Petersburg, Tipografiya M. O. Vol'fa Publ., 1869. 144 p. (In Russ.)
10. Panyukova T. V. The Snitkins Who Became Relatives of Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2019, no. 1, pp. 136–163. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1555422300.pdf (accessed on April 20, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3901 (In Russ.)
11. Panyukova T. V. Archives of St. Petersburg as a Source of Unknown Biographical Information About F. M. Dostoevsky's Environment. In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: problemy, zhanry, interpretatsii* [Works of F. M. Dostoevsky: Problems, Genres, Interpretations]. Novokuznetsk, 2019. (in print) (In Russ.)
12. *Poslednyaya lyubov' F. M. Dostoevskogo: A. G. Dostoevskaya. Dnevnik 1867 goda* [Last Love of Fedor Dostoevsky: Anna Dostoevskaya's Diary for the Year 1867]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1993. 461 p. (In Russ.)
13. The Decrypted Diary of A. G. Dostoevskaya. In: *F. M. Dostoevskiy. Nove materialy i issledovaniya* [F. M. Dostoevsky. New Materials and Researches]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 155–290 (Ser. "Literary Heritage"; vol. 86). (In Russ.)
14. Chukovskiy K., Chukovskaya L. *Perepiska: 1912–1969* [Correspondence. 1912–1969]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 592 p. (In Russ.)
15. Yurkovskiy A. *Sto slov v minutu* [Hundred Words per Minute]. Moscow, Leningrad, Detgiz Publ., 1950. 40 p. (In Russ.)

В оформлении обложки использована фотография Ц. М. Пошеманской
1930-х годов из Центрального государственного архива литературы
и искусства Санкт-Петербурга

For the design of the cover page there was used the image of Ceciliya
Poshemanskaya (1930-ies) from the Central State Archive of Literature
and Art of St. Petersburg

Адрес редакции:
185910, Российская Федерация, Петрозаводск,
пр. Ленина, 33. ПетрГУ

Address of the Editorial Staff:
185910, Russian Federation Petrozavodsk,
33 Lenin Avenue,
Petrozavodsk State University

Tel. +7 (8142) 719 603
E-mail: poetica@post.com
<http://unknown-dostoevsky.ru>